

Н. Д. КОНАКОВ

ОТ
СВЯТОК
ДО
СОЧЕЛЬНИ-
КА

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1993

Н. Д. КОНАКОВ

**ОТ
СВЯТОК
ДО
СОЧЕЛЬНИ-
КА**

*КОМИ ТРАДИЦИОННЫЕ
КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ*

Сыктывкар

Коми книжное издательство

1993

86.372

К 64

Конаков Н. Д.

К 64 От Святков до Сочельника: Коми традиционные календарные обряды.— Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993.— 128 с.

ISBN 7555-0

В книге подробно и общедоступно рассказывается, как отмечались у народа коми календарные праздники, связанные с официальной православной религией, а также с древними языческими представлениями об окружающем мире. Автор раскрывает истоки их происхождения, определяет место в традиционном укладе жизни.

Книга предназначена для использования в педагогической и культурно-просветительной практике. Она вызовет большой интерес всех, кто интересуется историей древнего народа коми.

86.372

К $\frac{0505040000-031}{M 128(03)-93}$ 42—93 м

ISBN 7555-0

© Конаков Н. Д., 1993

© Коми книжное издательство, 1993

ВВЕДЕНИЕ

«Длинное-предлинное дерево, двенадцать суставов, четыре сука и семь шишек»
(Кузь-кузь пу, дас кык йӧзви, нель ув и сизим коль).

Коми народная загадка.

«Колесо времени не останавливается».

Эстонская народная пословица.

Известный коми ученый, филолог В. И. Лыткин (Илля Вась) отмечал, что у коми «еще в недалеком прошлом простой народ год не расчленял на месяцы, а вел счет по праздникам» [68:123]. Такое, типичное и для других традиционных народных мировоззрений, восприятие хода времени можно образно представить в виде ожерелья, состоящего из ярких, красочных бусин-праздников, которые нанизаны на нить буден. Причем бусины эти неодинаковы по величине и расположены неравномерно, хотя и в определенном порядке.

С какой же бусины, с какого праздника следует начать наш путь по годовому циклу коми календарной обрядности? Естественно, с самой первой — с праздника Нового года, — скажет читатель, но...

Но на Руси Новый год до 1492 г., согласно народным традициям, начинался с 1 марта. В 1492 г. началось восьмое тысячелетие летоисчисления «от сотворения мира», а начало года, дабы ознаменовать сей замечательный факт, было перенесено на 1 сентября. Нововведение было воспринято спокойно. Начинать год вскоре после окончания основных сельскохозяйственных работ, когда наконец-то наступала пора вкушения плодов земных и можно передохнуть от страдных тягот, казалось русскому народу вполне естественным. Два с лишним столетия Новый год встречали на Руси осенью, пока не произошла новая реформа летоисчисления.

В предвестие начала XVIII в. великий реформатор царь Петр I издал указ: «...Считать новый год не с первого сентября, а с первого января сего 1700 года. И в

знак того доброго начинания и нового столетнего века в веселии друг друга поздравлять с новым годом... По знатным и проезжим улицам у ворот и домов учинить некоторое украшение от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных... Чинить стрельбу из небольших пушек и ружей, пускать ракеты, сколько у кого случится, и зажигать огни». С 1700 г. было введено и летоисчисление «от рождества Христова», а не «от сотворения мира». Решение великого русского царя о приведении российской календарной системы в соответствие с общепринятой к этому времени в странах зарубежной Европы было опять же воспринято спокойно. Православная церковь, правда, оставила начало церковного календаря за 1 сентября, но против переноса начала гражданского нового года на 1 января не возражала. Дело в том, что новая дата начала года оказывалась непосредственно связанной с евангельской историей о земной жизни Иисуса Христа — основателя христианства, богочеловека и искупителя грехов человеческих. По этой же причине нововведение было быстро и безболезненно воспринято в православной народной среде.

По христианскому церковному календарю дата 1 января (в русском православии, придерживающемся до сих пор старого, юлианского календаря, эта дата соответствует 14 января н. ст.) приходится на середину 12 праздничных дней, установленных в память о рождении и крещении Христа. Рождество Христово и Крещение Господне принадлежат к главным, двенадцатым христианским праздникам и глубоко почитаются верующими. Праздничным (святым) считается и весь период времени между датами, связанными с этими событиями, называемый святки.

В древности, как свидетельствуют археологические данные, год у коми начинался весной, сразу же после дня весеннего равноденствия. После христианизации и вхождения в состав Русского государства началом года, как и у русских, стало 1 сентября. К XVIII в. народ коми уже глубоко проникся идеями христианства, поэтому перенос праздника первого дня года на дату, одинаково близкую к Рождеству Христову и Крещению, был воспринят естественно. В то же время он не сумел поколебать значения церковных праздников, а был воспринят как добавочный, но отнюдь не самый главный праздник святочного периода. Поскольку по православному церковному календарю 1 января считается днем

святого Василия, в народе его стали называть Васильевым днем (Василей лун).

Тем не менее, если говорить о народной обрядности коми, связанной с праздниками святочного периода, то помимо христианской символики в ней четко прослеживаются и древние языческие воззрения и календарные обряды. Дело в том, что у абсолютного большинства народов в календарной обрядности особое место уделялось зимнему солнцевороту, который воспринимался как победа света над тьмой, символ зарождения и пробуждения новой жизни. По народным представлениям, событие это происходило через три дня после зимнего солнцестояния (22 декабря), т. е. как раз 25 декабря, в день Рождества. Совпадение это далеко не случайно. Праздник Рождества вошел в христианский культ не сразу, поскольку конкретная дата рождения Христа в евангелиях не указывается. Христианская письменность I и II вв. н. э. сведений о праздновании Рождества Христова не содержит. По предложению богословов в III и до середины IV столетия н. э. Рождество Христово стали праздновать 6 января, отмечая его вместе с такими евангельскими событиями, как Богоявление и Крещение.

В 354 г. н. э. Рождество Христово было перенесено на 25 декабря, а день 6 января так и остался праздником Крещения и Богоявления. В результате этого переноса дата Рождества совместилась с днем, посвященным языческому божеству древне-восточных религий Митре. Митра считался богом дневного света и был одним из главных богов у народов, населяющих Римскую империю в период распространения христианства. Таким образом еще на стадии становления христианская религия пошла по пути синкретизма, т. е. не столько уничтожения, сколько поглощения прежних религий, которые, изменяясь, сливались с новой. В дальнейшем при распространении христианства этот процесс приспособления образов богов местных религий к христианским святым, традиционных народных обрядов к библейским сюжетам и дням церковного календаря стал типичным.

К коми новая религия пришла уже вобравшей в себя мощный пласт языческих воззрений других народов. Особенно сильно чувствовалось влияние русского язычества. Из-за этого разновременного синкретизма выделить безусловно коми традиционные обряды и воззрения, связанные в языческом прошлом с календарными обрядами по случаю зимнего солнцеворота, крайне

сложно. Хотя о том, что такая обрядность у коми, несомненно, была, говорит хотя бы коми название святочного периода «вежадыр», которое известно также и удмуртам (вежодыр), что свидетельствует о его древнем и самобытном происхождении.

В любом случае святки, несомненно, заслуживают того, чтобы именно с них начать описание коми календарной обрядности. Итак...

ЗИМА НА ДВОРЕ

СВЯТКИ

Рождество Христово
7 января н. ст.

Рöштво
25 декабря ст. ст.

О Рождестве Христове в Библии сказано: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят:

— Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему.

Они, выслушавши царя, пошли. И се, звезда, которую они видели на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец». [Мат. 2:1, 2, 9].

Как и по всей православной Руси, в Рождество у коми было принято ходить по домам и славить Христа. Молодежь небольшими группами со звездами из разноцветной бумаги, «вертепами» (фонариками из прозрачной бумаги с вставленными в них картинками из священной истории), зажженными свечами ходила из дома в дом и пела христословия — духовные стихи, прославляющие Христа. Один из троицко-печорских старожиллов так описывает славление у коми в начале этого века: «Зайдешь в дом с зажженной свечой в руках, спросишь, можно ли колядовать, и если хозяева дадут разрешение, то обычно пели: «Рождество твое, Христе Боже наш», «Христос рождается, славьте», «Днесь во днесь». За это кто даст копейку, кто шаньгу...» [7:50].

В некоторых местах ходили со славой уже вечером накануне Рождества, в других — после торжественной

церковной заутрени в самый праздник. Принимали участие в этом обряде подростки, молодежь, а иногда и взрослые мужчины. Особенно любили праздничное хождение со славой дети.

У русских, кроме славления, на Рождество общепринято было колядовать, исполнять колядки — песенные пожелания благополучия хозяину дома, его семье и всей живности. У коми это обычай распространения не получил, хотя, по данным местного краеведа С. Мельникова, в первой половине прошлого века с колядованием ходили некоторые русские жители Усть-Сысольска. Но уже к середине прошлого века этот обряд был утрачен [41:48]. Правда, слово это, особенно в районах, граничащих с русскими или со смешанным населением, было известно.

Если славление Христа и хождение со звездой (звезда Вифлеемская) — это, несомненно, христианская атрибутика праздника Рождества, то начинавшиеся в предшествующий ему вечер святочные гадания (тунъясьом, вөрöжитчём) молодежи уходят корнями в значительно более древние времена.

Как и у других народов, в традиционном мировоззрении коми зимний солнцеворот воспринимался как явление глобального, космического характера. Это был период одного из главных годовых календарных рубежей. Солнце не просто достигало своего низшего положения на небосводе, а потом, миновав его, начинало подниматься все выше и выше. Оно как бы рождалось заново, а вместе с солнцем рождался, обновлялся и весь мир. Более того, в это время происходило как бы взаимоприсоединение Верха и Низа, мира людей с иномирами. Если в христианстве, собственно говоря, всего три мира: мир этот, в котором и живут люди, мир Божий (там же и людской Рай) и мир Сатаны (там же Ад), то по традиционным дохристианским верованиям коми этих миров было больше. Существовал мир подводный и мир подземный, мир умерших предков, мир всевозможных земных духов, которые обитали в лесу, хозяйственных постройках (банник — **пывсян айка**, овинник — **рыныш айка**), даже в голбце жилого дома (гöбöч айка). Это сближение иномиров с миром людей, при котором границы между ними как бы становились полупроницаемыми (а иногда и проницаемыми), несло в себе потенциальную опасность разрушения существовавшей земной гармонии, всего космического порядка. В то же время, оказывается, при соблюдении ряда предосторожностей

тей из сложившейся ситуации можно было извлечь и пользу. В иномирах можно получить информацию о будущем, достаточно лишь путем относительно простых манипуляций с использованием определенных предметов установить информационный канал, связь этого мира с иным.

Как и у русских, святочными гаданиями у коми особенно увлекались девушки. Гаданий о суженом и о судьбе существовало множество, наиболее действенными из них считались гадания в ночь на Рождество, Васильев день (Новый год) и Крещение, а также так называемые страшные гадания. Из страшных гаданий наиболее популярны у коми молодежи было слушание на перекрестке трех дорог.

Перекрестье дорог обладает глубокой символикой, отсюда, сделав выбор, по какой дороге отправиться, можно попасть в совершенно разные места, следовательно, и твоя жизнь (судьба) может иметь разные варианты. Вспомним размышления русского витязя на перепутье трех дорог у камня с надписями: «Направо пойдешь...» Неслучайно и у коми именно на перекрестке дорог в святочном гадании устанавливалась «дорога» — информационная связь с потусторонним миром. При этом подразумевалась реальная опасность, что может возникнуть и действительная «дорога» в иной мир, в результате чего гадающего утащат к себе его обитатели.

Чтобы этого не произошло, существовала целая система оберегов. Повсеместно считалось обязательным, чтобы гадание на перекрестке дорог происходило в замкнутом круге. На снег стелили овчину, коровью или лошадиную шкуру и обводили вокруг нее замкнутую линию-круг. При этом внимательно следили, чтобы даже маленький краешек шкуры не оказался на линии магического круга — в этом месте его граница могла оказаться проницаемой для нечистой силы. Чтобы усилить магическую силу круга, его чертили либо палкой с обожженным концом, либо острым, колющим предметом (ножом, охотничьим копьём — **ош шы**). Затем нож (предпочтительно, чтобы это был тот, которым обычно режут хлеб) втыкали в землю на месте, где замыкалась линия круга. Сев на шкуру внутри круга, полагалось положить на голову краюху хлеба, а затем накрыться сверху покрывалом. В качестве покрывала можно было использовать летний полог от комаров, кусок холста или большой платок, но наиболее надежной

считалась скатерть [67:123—124, 152; 84:334—335]. Особенно действенным оберегом считалась взятая гадающими в круг кошка, на шерсти которой было завязано как можно более узлов: нечистая сила не смогла причинить вреда, пока не сумеет развязать все эти узлы [20—1:26]. Слушать можно было и в одиночку, и группой из нескольких человек, но их число обязательно должно было быть нечетным (3—5—7). Если слушали в одиночку, то поблизости никому находиться было нельзя. Лучшим временем для слушания на перекрестке дорог считался период с 11 до 12 часов ночи [84:61, 250]. Гадающие группой внутри круга брались за мизинцы, т. е. как бы образовывали еще один внутренний круг [67:152]. Существовали словесные формулы призыва потусторонней силы, например: «Куття войса, китруйт-мудруйт» (куття войса*, хитри-мудри) [8:107].

Что же можно было услышать, какую получить информацию на перекрестке трех дорог в святочные ночи?

Если девушке слышался колокольчик или скрип полозьев, ее ждала свадьба. При коллективном слушании пытались определить, у какого дома скрип полозьев прекратится — там и живет невеста. О грядущем замужестве свидетельствовали и слышащиеся звуки шагов — жених идет. У какого дома он остановится, там и невеста.

Если из какого-либо дома слышалось пение, то это означало скорую свадьбу кого-либо из мужчин, живущих в нем. Вообще, если слышались хорошие звуки: пение, звуки танцев, просто приятные голоса, то это считалось хорошим знаком для всего села на год.

Напротив, если перед каким-либо домом слышался плач, это означало, что там будет несчастье. Если были слышны плач и крики в неопределенном месте — несчастья (болезни, пожары) ожидали многих односельчан.

Звуки топора или троекратный стук предвещали покойника: для умершего делают гроб или заколачивают на нем крышку.

Вой собаки означает, что в скором времени будет пожар.

Если слышен разговор и хождение лошадей — это перед ссорой [84:61, 199, 335].

* Куття войса — особые святочные духи у коми, подробнее о них ниже.

К страшным гаданиям относилось у коми и слушание сидя на овчине у проруби, в ночь на Крещение [20—1:26]. Система оберегов (круг, шкура и т. д.) — защита гадающих от соприкосновения с потусторонним миром была сходной с гаданием на перепутье. **Гадание в святки у проруби на льду реки** было популярно и у коми-пермяков. Для пущей безопасности они обводили на льду три окружности, одна в другой, садились в центре с иконой и слушали: где-то строгают доски или вколачивают гвозди — жди смерти; слышен шум и крики — будет пожар; звуки, будто кто-то комки снега ногами разбрасывает — корова пропадет и т. д. [69:282]. Естественно, что такое гадание — у самого «входа» в иномир (в данном случае — мир подводный) требовало немалого мужества.

В коми сказках «ворота» в подводный мир находят-ся и в колодцах. Коми из с. Палауз слушали на святки свою судьбу, обвязывая сруб колодца веревкой; т. е. магический, оберегающий круг делался в этом случае не вокруг гадающего, а вокруг самого входа в иномир. Впрочем, обеспечить связь с подводным миром и получить святочный прогноз на будущее можно было и проще. Некоторые с этой целью обвязывали веревкой кадку с водой [67:147]. Естественно, что гадание у кадки считалось менее страшным, чем у колодца, и особой славы гадающему не приносило. Дело в том, что страшные гадания не просто считались наиболее верными, а и являлись своеобразными испытаниями коми молодежи на смелость и мужество — качества, которые высоко ценились в народе, особенно в промысловой среде.

Вот как описывает очевидец одно из наиболее страшных гаданий у коми — слушание жизни на год вечером накануне Васильева дня (Нового года), происходящее в нежилом доме: «Перед Васильевым днем слушают жизнь на весь год. Собираются 7, 9 или 11 парней. Собираются ночью, так чтобы остальные люди не знали, и садятся в нежилом доме, взявши друг друга за мизинцы. Потом призывают (обращаются к потусторонним силам — Н. К.): «Что за весь год будет — пусть это услышится». Потом начинают слушать, затаив дыхание, что будет слышаться. Обычно слышно: начинают спускать доски с крыши, работать, строгать, рубить, забивать гвозди. Бывает слышно: начинают сеять, бывает — строят. Спускание досок — это перед смертью слышно. А сеяние слышно перед хорошим годом. Стронтельство слышно перед пожаром или перед разором.

При слушании один из гадающих держится мизинцем за дверной крюк, чтобы никто не открыл дверь. Бывает, что при слушании пугаются. Стоящий у двери не может своим мизинцем удерживать дверь, и злой дух заходит в дом со свистом и ветром. Бывает, что в дом, где слушают, заносят (злые духи — Н. К.) гроб. Из-за этого бывают в доме, где слушают, случаи, когда пугаются так сильно, что теряют рассудок» [84:334].

Нежилые, заброшенные дома, по коми народным верованиям, считались местом возможной встречи со злыми духами (нечистой силой) в любое время года. Именно их вредоносной деятельности приписывался сам факт запустения дома, какие бы действительные причины не вынудили его покинуть прежними обитателями на самом деле. Особенно опасным делом считалось находиться в нежилом доме ночью, посещение же его в Святки, тем более в новогоднюю ночь, требовало немалого мужества.

К святочным гаданиям на год у коми относилось также слушание у овина или риги. По мифологическим представлениям коми, овин (рыныш) имел своего духа-хозяина (рыныш айка), от благорасположения которого во многом зависел успех в хозяйственных делах. У овинов было принято гадать об урожае. Один, три или пять (больше семи было нельзя) человек садились под дверь в овин в очерченный ножом круг, накрывались скатертью и слушали: слышался стук — будет хороший хлеб, хруст — мало хлеба, плач — будет голод.

Было принято в Святки узнавать о том, какая жизнь будет в строящемся доме. В недостроенном доме, еще не имеющем крыши, нужно было забраться на матицу и слушать. Если слышались веселые голоса, пение и игра на гармошке, жизнь в доме обещалась хорошая. Жалобные голоса предвещали жизнь несчастливую [84:199].

Были известны коми и другие виды святочных слушаний: под замком дома или церкви [20—5:73]. Повсеместно рано в крещенское утро девушки подслушивали под окнами своей или соседней избы, пытаясь по доносящимся из дома голосам определить свою будущую судьбу. С этой же целью они «пололи» снег: набирали его полный подол и подбрасывали вверх, приговаривая:

«Беленький снежок,
Где мой милый женишок?
Там, где он,
Собачкой залай (или колокольчиком
позвени)»

После этого слушали: откуда донесется лай собаки (или звон колокольчика), в ту сторону девушка выйдет замуж [7:54]. С этой же целью просеивали через сито мусор, собранный дома с пола, приговаривая: «С которой стороны собака залает, в той стороне и жених живет».

Считалось, что во время святочных гаданий можно было увидеть будущее, увидеть свою судьбу. Особенно увлекались такими гаданиями девушки, пытавшиеся во время них разглядеть лицо своего суженого. Чаще всего для этой цели использовалось зеркало, которое становилось, однако, своеобразным окном в будущее лишь после установления связи с потусторонними силами. Во время гаданий с зеркалом, в нарушение всех общепринятых мер защиты жилища от их проникновения, специально открывали печные заслонки в печных трубах, двери в сени, на улицу и в голбец (подполье). Более смелые девушки гадали не в комнате, а в нежилых помещениях дома: клети, сеннике или даже в голбце, где по повериям коми жил особый дух подполья «гöбöч айка». Гадать перед зеркалом полагалось в одиночку, а само гадание, хотя и происходило дома, считалось страшным.

Девушка с расплетенной косой, зеркалом в одной руке и зажженной лучиной в другой спускалась в голбец и находилась там перед зеркалом до тех пор, пока не увидит в нем образ жениха [44:18]. Или же в нежилом помещении дома устанавливались на небольшом расстоянии друг от друга, одно напротив другого, два зеркала одинаковой величины. Перед тем зеркалом, в которое смотрел гадающий, ставились две зажженные свечи. Поздним вечером, стоя или сидя перед зеркалом, решившаяся на такое гадание девушка должна была обратиться к потусторонним силам с просьбой показать ей суженого. После этого было нужно, не мигая и не отвлекаясь, пристально смотреть в зеркало. Как только в зеркале появлялось видение жениха, сразу же необходимо было бежать к двери и, выбежав из помещения, где происходило гадание, перекрестить ее, чтобы нечистая сила не смогла выйти. Если же в зеркале не виделось ничего, то свадьба в этом году не предполагалась [20—1:26].

Гадали так перед зеркалом о суженой и парни, но более популярным у них был другой вариант святочного гадания с его использованием. Перед большим зеркалом ставился стол, покрытый скатертью, на него,

сняв одежду, ложился один из парней, изображающий покойника. Под головой у «покойника» была подушка, а перед головой горела свеча «Покойник» находился в комнате один, а остальные парни — участники гадания входили в нее поочередно. Вошедший в комнату подходил к столу, называя «покойника» по имени и говорил: «Прости и благослови». Лежащий смотрел в зеркало и видел там либо красивое лицо — будет хорошая жизнь в году у вошедшего или же свадьба, либо некрасивое лицо — будет плохая жизнь. Если же в зеркале виделся труп, то участника гадания ожидала скорая смерть [84:201].

Устраивали гадания с «покойником» перед зеркалом и по-другому. Парня, взявшегося за исполнение роли покойника, раздевали, обмывали, потом обряжали в саван и укладывали в переднем углу комнаты, как настоящего покойника. В руки ему давали горящую свечку, у изголовья ставили зеркало, в котором отражался вход в голбец, а на грудь помещали другое, — в котором в свою очередь отражалось отражение в первом. После этого все участники гадания заходили в голбец и находились там, держась за мизинцы. Каждый из них поодиночке потом выходил из голбца и проходил через избу в сени. «Покойник» в это время внимательно всматривался в его двойное отражение в зеркале на своей груди. Считалось, что при этом можно было увидеть, что кто-то выходит из голбца с гробом, другие с венцом, третьи с ребенком и т. д. Существовало поверье, что мнимый покойник во время такого гадания подвергался опасности умереть на самом деле. Для этого достаточно было во время гадания сказать ему: «Прости — благослови» (т. е. слова как раз обязательные в описанном выше, менее страшном варианте гадания с «покойником») или же воткнуть в стену иголку без ушка. Такое же гадание с «покойником» и проходящими мимо него из голбца остальными участниками могло проходить и без системы зеркал. В этом случае судьба определялась по выражению лиц появляющихся из голбца [67:159—160].

Были известны и более простые гадания, чтобы увидеть суженого. Для этой цели девушки ставили на тарелку с песком или пеплом стакан с водой и клали в него золотое кольцо. После этого смотрели в изображение кольца в поставленном перед стаканом зеркале (можно было смотреть и просто в кольцо) до тех пор, пока в нем не появлялся облик суженого [44:18; 16].

В Крещение девушки тайком от прочих домашних выпекали сочень и делали в середине его отверстие. Потом, когда остальные члены семьи садились за стол, они смотрели на них с печи через отверстие в сочне. Считалось, что если кому-либо из близких было суждено скоро умереть, он казался сидящим без головы.

В этот же день или накануне его в Крещенский сочельник, когда все домашние уходили в церковь, девушки ставили на стол выпеченные тайно от всех пироги и приглашали суженого разделить трапезу. У стола ставились рядом два стула, на одном из которых сидела сама гадающая, а на другой должен был прийти и сесть суженый. Верили, что если суженый придет, и девушка, насмотревшись на него вдоволь, со словами «чур меня, полно» схватится за его одежду так, что в руках у нее останется лоскут, свадьба будет обязательно [20—5:71].

Суженого можно было увидеть и в вещих снах. Для того, чтобы это произошло, полагалось перед сном не молиться Богу, а, напротив, обратиться к потусторонним силам с просьбой показать суженого. Для этой же цели девушки съедали перед сном по ложке или наперстку соли и муки, запивая таким же количеством воды. После этого под изголовье они клали сделанный из лучинок колодец с маленьким восковым ведром и произносили заговор: «Суженый-ряженный, приходи ко мне воду черпать, приноси мне пить». Завязывали в рукав рубашки черного таракана так, чтобы он мог там свободно передвигаться. Этот таракан должен был во сне привести суженого, показать его самого и его состояние. Были и другие поверья о том, как вызвать вещий сон. Клали в коробочку пять тараканов и привязывали ее на ночь к большому пальцу правой ноги. Обливали у троих дверей скобы, каждый раз приговаривая трижды: «Лью, полью, у суженого глаза залью; приходи жаловаться». В ночь на Крещение под изголовье клали нож, гребенку или свое белье. Запирали сундук, ведро с водой или колодец, а ключ клали под подушку. Приснится, что кто-то приходил за ключом — будет свадьба [20—1:26; 20—5:71; 67:157; 7:55].

Во время святочных гаданий о суженом девушки старались выяснить как можно больше подробностей: возраст жениха и его имя, характер и достаток, место жительства и цвет волос, характер будущей свекрови и т. д. Для этой цели в гаданиях могли использоваться самые различные предметы и способы.

Повсеместно у девушек в Коми крае было принято

сыпать вечерами в Святки на снег золу, чтобы утром по следам на ней судить о своих перспективах на замужество. Сыпать золу полагалось в тех местах, которые предпочитались и при других гаданиях вне дома: в хлеву, около бани, за оградой, на перекрестке трех дорог. Если на золе утром обнаруживались следы, их внимательно рассматривали. Сами по себе следы (в некоторых местах их четное количество) обещали для девушки замужество в наступающем году. Кроме того, если следы были оставлены валенками, то у верхнепечорских коми считалось, что девушке суждено выйти за старика, если кóтами — за человека среднего возраста, а сапогами — за молодого [7:55]. У ижемских коми следы валенка означали, что муж будет из своей деревни, а следы тóбека (меховой обуви) — из другой.

Рано утром девушки падали на снег и рассматривали свой отпечаток на нем. Если у отпечатка получалось как бы две головы, ожидалась свадьба, не было головы вообще — скорая смерть [20—5:73].

Для того чтобы узнать имя суженого, три девушки собирались вечером, клали в ручные жернова (изки) три иголки без ушка и крутили жернова, стараясь по слышащимся им звукам угадать имя. В первый день Святков с первым скоромным куском во рту девушки выбегали за ворота и узнавали имя у первого встречного мужчины [20—5:73]. С этой же целью девушки выходили на улицу с шаньгой в руке утром в Крещение. Имя первого встречного мужчины должно было быть и именем суженого. Если же первой навстречу попадала женщина, то свадьбы в этом году не предвиделось [7:53].

Чтобы выяснить, какой будет нрав у будущей свекрови, девушки устраивали гадание с так называемой ропотухой. В сковороду наливали воду и ставили ее на огонь — если вода закипает бурно, свекровь будет злая. Или же наливали в сковороду воды, клали в нее камень, а на него немного кудели. Кудель поджигали и накрывали ее вместе с камнем горшком. Если вода начинала вбираться в горшок быстро и с шумом, свекровь должна быть злой и сварливой, а если тихо — то умной и смирной [20—5:71].

С помощью сжигаемой кудели гадали и о замужестве. Распушив кудель, из нее вытягивали нить и, не скручивая ее, сворачивали в круглый шар. Этот шар поджигали, положив на стол, и смотрели: если кудель с огнем поднимается вверх — девушка выйдет замуж, если кудель сгорает на столе, не поднимаясь в воздух — заму-

жество не предвидится. В этом случае присутствующие на гадании подтрунивали над неудачницей: «Как твоя кудель осталась на столе и сгорела, так и ты останешься старой девой, без замужества». Нитку, сделанную из кудели, использовали и при гадании о материнстве. На стол клали кусочки бумаги и протаскивали через них кудельную нить. Считалось, сколько наэлектризовавшихся кусочков бумаги нитка потащит за собой, столько у девушки и будет детей. Если же нитка не захватит с собой ни одного бумажного лоскутка, девушка будет бездетной [84:79].

Гадали девушки и по сжигаемой бумаге: забирались на русскую печь, открывали трубу и поджигали на сковородке смятую в комок бумагу. Пока бумага горела, смотрели, на что похожа ее тень: на холмик — к смерти, на силуэт — к свадьбе [7:53]. Или же рассматривали потом получившийся пепел на белом фоне и судили о будущем по его контурам [44:18].

Популярны были также гадания с гребнем. Через надпечное окно (паччөр öшинь) девушки спускали на веревочке свой гребень и смотрели утром, есть ли в нем волосы и какого они цвета — такого же цвета будут они у жениха [8:107]. Или же девушки, расчесав себе вечером волосы, клали гребень около замкнутых ведер и смотрели утром, не изменили ли они свой цвет. Если волосы были другие, девушку ожидала свадьба [16].

Гадали о судьбе и замораживая в святочную ночь в оставленной на улице ложке воду. Если лед в ложке замерзал выпукло — будет жизнь в достатке, двумя бугорками — в семье прибудет (родится ребенок, кто-нибудь женится), лед был с ямкой — ожидалась смерть и болезнь гадающего. Или же: если лед замерз выпукло — девушка родит, лед потрескался — скоро умрет [8:107].

Использовались в святочных гаданиях и домашние животные. Девушки с завязанными глазами или же вечером, когда уже стемнело, заходили в хлев, в загон к овцам и пытались их поймать. Если под руку первой попадалась овца — девушке суждено быть вскоре после замужества вдовой, брюхатая овца — быть в положении, попадался баран — скоро свадьба. Или же: попадалась белая овца — жених будет светловолосый, черная — брюнет; овца стриженная — жених будет бедный, лохматая — богатый. Общепринято было гадать по пойманной овце вечером перед Васильевым днем (Новым годом).

О замужестве девушки гадали также, садясь во дво-

ре на лошадь, у которой были завязаны глаза. Если лошадь находила дорогу за открытые в это время ворота, то девушку ожидала в этом году свадьба, и наоборот [7:55].

Некоторые девушки брали конскую уздечку и шли с ней к проруби на реке, там садились и ждали, когда подойдет кто-либо из парней и попросит уздечку. Если это происходило, девушка обязательно должна выйти замуж в наступающем году [44:18].

На полу избы рассыпали зерно, бросали в него обручальное кольцо и выпускали петуха. Если петух клевал только зерно, свадьба не предвиделась, а если начинал клевать кольцо — девушка выйдет замуж [7:55].

Были известны у коми и другие виды святочных гаданий. Практически все они были распространены также у русского населения и у других народов северной России.

Если святочными гаданиями о судьбе развлекалась преимущественно молодежь, то взрослое коми население пыталось в эти дни по календарным приметам определить хозяйственные прогнозы на год. Считалось, что если от Рождества до Крещения морозы, то от Петрова до Прокопьева дня (разгар сенокоса) ведро. Если в Святки выпадает пушистый иней, будет хороший год. Если на деревьях и кустах много снега, то год будет хороший (урожайный; если же он осыпался, год будет тяжелый). Если в Святки дождит, то летом вымерзнет хлеб. Если новогодняя (Васильева) ночь беззвездная, уродится черника; если же ночь звездная, будет много ягод вообще; звезды в одной стороне — там и будет хороший урожай на ягоды и грибы. В Крещение мороз — в Прокопьев день ведро [51:127—128, 268—270; 62—111:231].

Коми охотники в Крещенский сочельник выходили вечером на берег реки и слушали. Если на другом берегу слышался лай собаки, то осенью ожидалась хорошая охота на «сосновую» белку. Белку, питающуюся из-за неурожая еловых сосновыми семенами, легче добывать, но у нее хуже мех. Если же лай слышался со стороны леса, то ожидался хороший промысел «еловой» белки.

Если в Крещение на голову попа у иордани падал снег, то опять же должно быть много «сосновой» белки; а если на непокрытую голову попа и на воду в иордани выпадала изморозь или дождик, то ожидался богатый на белку год (ура во). При этом обычно говорились:

«Попу на голову дождь упал — много белки будет» (Поп юр вылѡдор уся — уна ур лоѡ) [7:66—67; 62—111:231].

Кроме описанного выше гадания об урожае зерновых (слушания у овина) других гаданий об урожае, в отличие от русских, у коми не отмечено. Правда, вечером в канун Васильева дня любимым развлечением детей было искать на полу хлебные зерна. Если зернышко находилось, год обещал быть урожайным. Но какого-либо серьезного значения взрослые этой детской забаве не придавали [15:100].

Как и в русской святочной обрядности, любимым развлечением у коми молодежи в Святки становилось ряжение, особенно увлекались им парни. Чаще всего рядились стариками, цыганами, барином, чиновником, горбуном и др. Девушки менялись с парнями одеждой, некоторые одевали вывернутые наизнанку шубы. Лица мазали сажей, закрывали платком или куском марли, чтобы не быть узнанным. В верхневыхегодских селениях было распространено ряжение в «йѡгра-яран» (манси-ненцев), вероятно, в память о некогда враждебных отношениях коми с этими народами. В «йѡгра-яран» рядились, надевая лохматые шапки, вывернутые наизнанку шубы, поверх которых навешивали хвосты разных зверей. Лицо закрывали вымазанной в саже марлей.

Такой же наряд — вывороченная шерстью вверх овчинная шуба, старая лохматая шапка, рваная обувь на ногах — был популярен и у ряженных в коми селениях на верхней Печоре. Там он, как вспоминают старожилы, назывался «аист». Но, в отличие от журавля — популярного персонажа святочных ряжений у коми на Печоре, Выми и Сыsole — аист на территории Коми края не обитает. Кроме того, данный наряд несколько не напоминает эту красивую птицу, а костюмы ряженных, как правило, подчеркивали наиболее характерные черты своих персонажей, обычно даже утрируя их, чтобы вызывать смех. Скорее всего исконное, но уже забытое название этого святочного персонажа было другим, возможно, производным от коми слова «ай» (самец, например, **ай порсь** — кабан).

Повсеместно было принято ряжение в коня. На верхней Печоре в селе Покча и дер. Скаляп вечером на Васильев день в лошадей наряжались до 20 парней. Каждый из них приносил с собой по семь шелковых платков, из которых, наматывая их на обе руки, делали вожжи, повязав на шею — хомут, привязывая сзади — хвост. У каждого ряженного в руках был колокольчик,

подвешенный тоже на шелковом платке. Из числа ряженных выбирали «главную лошадь» и «кучера». Ряженные лошадью становились в два ряда, впереди была «главная лошадь», а «кучер» с плеткой шел сзади. После этого подгоняемая «кучером» процессия ряженных в течение двух-трех часов колесила по всему селению, сопровождаемая толпой зрителей из детей и подростков. Затем «лошади» заходили в избу, нанятую молодежью в этот вечер для проведения вечеринки, и ряженные велись уже там.

Ряженая молодежь, начиная с рождественских хождений со славой, в течение всех Святков ходила группами по 5—10 человек по домам. Посещались обычно дома, где хозяева были более приветливые и хлебосольные. В сопровождении гармониста ряженные заходили в дома и плясали там под гармошку, получая за это в награду угощение (вино и закуску). К особенно радушным хозяевам нередко заходило за вечер несколько групп ряженных. При посещении домов ряженными было принято спрашивать у хозяев: «Узнали или нет?» Быть неузнанным считалось для ряженого особо лестным. На Сыsole даже существовало поверье, что неузнанный не будет болеть в течение всего года. Если же хозяева встречали ряженных негостеприимно, то они могли им и отомстить — насыпать на пол сажу или золу [7:52—53; 15:95—96].

Непременными участниками увеселений были ряженные на молодежных святочных посиделках. Особенно популярны были разыгрываемые ими сюжетные сценки с участием нескольких персонажей. Часто это была просто небольшая сценическая импровизация, но были и представления с устоявшимся текстом и строгой последовательностью действий, так называемая народная драма. Причем в разных районах Коми края были свои любимые игры-представления. В прошлом у коми они разыгрывались не только на Святочных вечеринках, но и входили в свадебную обрядность, а ряженные со своими представлениями были желанными гостями на устраиваемых перед венчанием девишниках. К сожалению, сейчас эта традиция уже забыта.

В с. Палевицы особенно популярной была игра в двухголового коня. Двое парней вставали спиной друг к другу и немного ниже пояса привязывались ремнем друг к другу. В руки каждый из них брал по конской дуге, после чего участники игры наклонялись к полу, а сверху их накрывали пологом. Получалась фигура двух-

голового коня, на середину которой садился голый мальчик с мокрым веником в руках. После этого «двухголовый конь», постукивая концами дуг — «копытами», начинал ходить по избе, а мальчик в это время кропил веником всех присутствующих [66:50]. В других нижневычегодских и вымских селениях были известны варианты этой игры: парни, изображающие двухголового коня, надевали на себя вывернутые шубы, а уже поверх них накрывались пологом; к спине «коня» привязывали три табуретки, а голый мальчик садился на среднюю из них; лицо мальчика было закрыто маской из бересты; веник в руках у него был вымазан сажей; он держал в руках жгут из соломы или ремень [55:6—7]. После окончания инсценировки ее участники выходили в сени, переодевались и возвращались на посиделки.

Святочные интермедии с участием ряженных журавлем разыгрывались по схожему сценарию. Несколько парней рядились журавлями, для этого они брали прялку или кочергу загнутым концом вверх и накрывались сверху пологом. Иногда специально для ряжения журавлем изготовляли из еловой древесины голову журавля с длинным клювом и укрепляли ее на палке — «шее». В инсценировке мог принимать участие еще один персонаж — «кос соя салдат» (сухорукий солдат), который заносил в избу дресву (крупный песок) и рассыпал его на полу. Затем появлялись «журавли» и начинали «клевать» дресву. При этом они то и дело «ошибались» и «клевали» участников посиделок. Поднималась притворная паника, девушки, спасаясь от «журавлей», лезли на полаты и печку или прятались за нее. «Журавли» некоторое время ходили потом по избе, постукивая нижним концом перевернутой прялки или кочерги по полу. В это время их спрашивали: «Кто, кто, кто там стучит?» Ряженные отвечали: «Тури!» (Журавль). Затем они выходили в сени.

Из разыгрываемых на святочных посиделках спектаклей — народных драм в селениях на верхней Печоре было особенно популярно представление, известное по всему русскому Северу под названиями: «Разбой», «Шлюпка», «Лодка», «Шайка разбойников» и др. У коми эта народная драма разыгрывалась так. В ночь перед Васильевым днем в избе, снятой молодежью для посиделок, посередине комнаты на пол ставили ступу. Появлялись разбойники, один из которых изображал атамана, другой — есаула и третий — Юрку. Все «разбойники» были наряжены в красные кумачовые руба-

хи, черные сапоги и брюки. Лица у них были раскрашены, сажей нарисованы усы, на руках надеты рукавицы. Если первые два ведущих персонажа представления известны и в русских вариантах этой народной драмы, то образ Юрки, по всей видимости, вошел в действие из коми фольклора. Разбойник и колдун Юрка широко известен в устном народном творчестве у верхневычегодских коми. После того как разбойники входили в комнату, «атаман» перепрыгивал через ступу, все остальные ряженные вслед за ним. После этого «разбойники» ходили вокруг ступы и, ударяя себя в грудь кулаками, пели песню:

«Во лесу девки гуляли,
Забавные цветы срывали,
Иванушки собирали,
Соплетали на головушку,
Девки домой опоздали.
Люба девушка сказала,
Девка речи говорила:
«Ступай, парень, ко мне, мил,
Тело бело прихотело,
Захотелось разгулять».

После окончания песни «атаман» говорил: «Стой!» и обращался к Юрке: «Юрка! Подойди ко мне смело, весело, никого не бойся! Посмотри на север. Что видишь?» Юрка отвечал: «Ничего не вижу». — «Посмотри на восток! Что там видишь?» — «Вижу городище». После окончания этого диалога «атаман» говорит: «Братцы, нас хотят поймать полицейские крючки. Пойдем в Нижегород, раззорим, ограбим! Сядем на лодки, запоем любимую песню!» Все разбойники запевали песню: «Вниз по матушке по Волге...» В это время кого-нибудь из зрителей начинали качать. «Атаман» говорил: «Нашелся богатый человек; поднеси, есаул!» Если выбранный из зрителей «богатый человек» давал «разбойникам» монетку, «есаул» вынимал из кармана бутылку с вином или водкой и угощал его. Если же «богатый человек» монеты не давал, ему наливали воды или даже «угощали» тумачами. После угощения «богатых людей» «атаман» обращался к «разбойникам»: «Братцы, вы все женаты. Это — твоя жена!» Из присутствующих на посиделках девушек выхватывали одну и подводили ее к кому-либо из «разбойников». Тот говорил: «Моя!» Вскоре все девушки оказывались разобранными, а игра заканчивалась.

Если посланный «атаманом» Юрка находил в селе-нии гостеприимного хозяина, согласного их пригласить,

«разбойники» шли к нему и представление разыгрывалось там снова [66:119]. Так происходило это театрализованное действие в с. Троицко-Печорске.

В других печорских селах при розыгрыше этой народной драмы «разбойники» имели на голове особый головной убор — остроконечную шапку из бересты. Были известны и дополнительные эпизоды в действии. Так, в с. Подчерье «атаман» спрашивал у хозяина избы, кто из участников посиделок не внес платы за ее аренду, и требовал:

«Платите за избу.
Если не заплатите,
Головы разобьем,
Душу вынем».
(Вайё керка донсö вештöй.
Он кö вештöй,
Юрнытö поткбдлам,
Ловнытö босьтам).

После этого Юрка хлестал плеткой уклонившихся от участия в оплате [15:97—98].

В коми селениях на Выми популярными святочными играми-представлениями были «Старик» и «Приятель», в некоторых селениях разыгрывалась также народная драма под названием «Кострома».

Святочное представление «Приятель» игралось так. «Шуточнöй ворсöм» (шуточная игра) начиналась с хорового исполнения песни-обращения:

«Приятель, приятель
Жив ли мой?
Соколом прилетел
Ко князьям и боярам,
Хочешь, поцелуй его».

Во время исполнения этой песни один из участников игры — «приятель» (он же «кум») сидел на скамейке или стуле, а остальные (до двух десятков человек) вслед за ведущей — «кумушкой» обходили его по кругу. Затем происходил диалог между «приятелем» и «кумушкой», начинала его ведущая:

«Здорово, кум!
— Здравствуй, кумушка!
Есть ли у тебя конь продажный?
— Есть, есть! Какой вам надобен?
Надо вороного!
— Есть и вороной!
А дорого ли, кум, просишь?
— А триста рублей!
Ох, не дорого ли просишь?»

— Девок-то много у меня, и денег много,
Не жалея деньги!»

Наконец, договорившись, «кумушка» приобретала коня и уходила в соседнюю комнату. Затем под исполнение остальных участниками игры песни «Приятель» она возвращалась, и начинался ее новый диалог с «приятелем», на этот раз на предмет покупки узды для коня. Купив узду за сто рублей, «кумушка» снова уходила. Потом она возвращалась, и начинался новый диалог о покупке «узды золотых» за двести рублей; затем следовала покупка «узды воздушных», «гужей моржовых», «вожжей нерповых», «саней дубовых», «оглоблей березовых» и т. д.

После приобретения коня, саней и полной упряжи «кумушка» начинала торговать «гостя молодого», «гостью», кучера, запятника (слуга, который стоит сзади саней на «запятках»). После этого участники игры изображали поездку гостя, гостья, кучера и запятника на вороном коне. При этом все двигались по кругу, напевая песню:

«Приятель, приятель
Жив ли мой?
Соколом прилетел
Ко князьям да боярам,
Хочешь, поцелуй его.
Конь да вороной,
Узды да золотые,
Хомут да кольчужный,
Вожжи да нерповые...»

После того как песня, в которой перечислялись все «великолепные» покупки кумушки, заканчивалась, все участники инсценировки внезапно падали на пол. Означало это, что конь вдруг пал, хомут сломался, сбруя порвалась, сани рассыпались и т. д. Гость, гостья, кучер и запятник же вывалились из саней. Сидя на полу, участники игры рассказывали об этом в песенной форме:

«Конь да пал,
Хомут оторвался,
Вожжи потерялись...
Гость-то вывалился,
Гостья вывалилась,
Кучер вывалился,
Запятник вывалился.»

Обычно игра в «Приятеля» проходила в сопровож-

дении текста на русском языке, но в отдельных вымских селениях ее исполняли и на коми [43:40, 43, 106—107; 136—137 и др.].

Игра в «Старика» имела два варианта, с одинаковыми главными персонажами («попом» и «стариком»), но с разными текстами. Первый из них происходил так. В середине круга на корточки садился «старик», к нему обращалась с вопросами девушка, ведущая игру («поп»). Диалог между ними проходил на коми языке. Остальные участники, стоящие кругом вокруг главных лиц представления, исполняли на русском лишь припевку, с которой начиналась игра:

«Ох ты, не кумушки ходите,
У меня старик-то неможной,
Пиво пити-от, сукин сын, не хочет,
Работать-от, сукин сын, не может».

Потом эта припевка исполнялась несколько раз и во время хода игры. Диалог между «стариком» и «попом» начинался с вопроса последнего: «Старик, пахал ли ты уже?» Тот отвечал: «Нет, пока не пахал. Стояк сохи нужно еще срубить. Сходим на пригорок, оттуда стояк сохи принесем и тогда пахать будем». Затем следовал вопрос «попа»: посеял ли «старик», а тот отвечал, что скоро пойдет сеять на глиняных холмиках. «Поп» разъяснял, что надо сеять на хорошем поле, а не на глине, и как можно скорее, поскольку скоро к «стариком» придут гости. После «поп» спрашивал, боронил ли «старик». Оказывалось — нет. Вскоре выяснялось, что «старик» и не сеял, и не растил хлеба, и не жал его, и не смолол на мельнице, и не испек хлеба. И всегда он находил какое-либо оправдание своей бездеятельности. После этого кто-нибудь из играющих ударял «старика» по голове и все разбегались. Или же приходили «гости» и, недовольные угощением, били «старика», тот падал, а на него в кучу малу валились девушки, изображающие гостей.

В другом варианте игры в «Старика» ведущая («поп») обращалась к «стариком», сидящему в центре девичьего хоровода, кружащегося вокруг него посолонь: «Дед, а дед!» Тот не отзывался. «Поп» обращался опять: «Дедушка, ты разве не слышишь, отзовись!» Далее следовал диалог: «Чего же ты кричишь?»—«Ты что, глухой что ли?»—«Ветер сильный, а я в большой шапке».—«Мы ведь придем со свадьбой».—«Зачем, куда?»—«За твоей дочерью. Сын женится. Свадьбой приедем твою дочь увезти, на трехстах пятидесяти подводах и

трехстах пеших. Солод, пиво на всех приготовь». После этого девушки в хороводе делали круг, а «поп» снова спрашивал: «Старик, поставил ли солод в печь?» Тот отвечал: «Поставил, старые коты и лапти наложил, перемешал. В печи корчаги опрокидывались, разливались, что осталось, что получилось, еще не знаю». Диалог продолжался: «Старик, а наложил ли камни в корчагу с пивом?»—«Что-то такое наложил».—«А что же наложил? Жемчужные камни?»—«Нет. У соседа собака народила много щенят, этих щенков и наложил».—«Мы ведь это пиво пить не будем».—«Не пейте, мне самому все достанется».—«Старик, старик, пришли ведь гости. Приготовил ли стол?»—«Кое-что занес, приготовил».—«Покрыв ли скатертью стол?»—«Покрыв. Половики были очень красивые, ими и накрыл». После этого приходили «гости» и, видя явное к себе неуважение, «избивали» «старика», а тот убегал [43:44—46; 55:17—20].

Основными организаторами и действующими лицами в этих народных спектаклях на Выми были девушки. Постановки привлекали огромный интерес, а остроумные попытки объяснения своего безделья «стариком» вызывали одобрение и неизменный смех. Лучшие исполнительницы главных ролей были хорошо известны и их высоко за это ценили.

Игры-представления с участием ряженных были у коми обязательным атрибутом и свадебных девишников. Поскольку традиционно период свадеб начинался после Святков и продолжался вплоть до Масленицы, взаимосвязь рождественских и свадебных маскарадных инсценировок несомненна. Их корни, по всей видимости, уходили в некогда единый цикл зимней календарной обрядности, начинавшийся вскоре после зимнего солнцеворота. У обских угров такие обряды, имевшие буквальное наименование игры, начинались в конце декабря, активно проходили в январе-феврале и заканчивались лишь около дня весеннего равноденствия. Одно из центральных мест на этих зимних празднествах занимали различные инсценировки, исполняемые ряженными. Некоторые персонажи драматических представлений (например, журавль) были теми же, что и у коми. Лица у «актеров» тоже закрывались берестяными масками [77:102—110].

На девишниках в с. Палевицы и дер. Коквицы была популярна игра-представление «Лечение коня». Один из парней наряжался конем, к его спине привязывали табуретку и накрывали сверху пологом. «Хозяин» за

узду вводил «коня» в избу, и тот начинал резвиться, прыгая по полу среди участников свадебных посиделок. Вслед за ними в избе появлялся колдун (тшыкӧдчысь) в маске из бересты, вымазанной сажей. Колдун, манипулируя руками, бормотал заклинания, и «конь» падал на пол. После этого входил «доктор-лекарь» и начинал торговаться с «хозяином» о плате за лечение «коня». Договаривались о плате, «лекарь» начинал лечить «коня»: набирал в рот керосина и брызгал его трижды в разные стороны на горящий пук лучины, обливал «коня» водой из ковша и т. д. «Конь» поправлялся, и «хозяин» выводил его из избы [55:6].

В Палевицах же разыгрывалась сценка «Мена коня». «Цыган» заводил в избу «коня», вслед за ним своего «коня» заводил «мужик». Затем они начинали договариваться об обмене своих «коней», которые в это время оживленно приплясывали. После того, как «цыган» соглашался на доплату за своего «коня», обмен совершался. «Мужик» и «цыган» пропивали доплату, и «цыган» за узду уводил доставшегося ему «коня» из избы. Как только «цыган» уходил, выменянный «мужиком» «конь» падал, и появлялся «лекарь». Он вылечивал «коня», а затем бил его палкой. «Конь» ржал: «Иго-го» и выскакивал в сени. На этом представление заканчивалось [55:7—8].

В Княжпогосте была известна игра-представление «Продажа быка». Один из парней брал в руку конскую дугу, изображавшую передние ноги быка, в другой руке у него была палка с надетым на нее горшком — «голова быка», а сверху накинут полог. «Бык», а вслед за ним «его хозяин» входили в избу. «Хозяин» похлопывал «быка» по спине и всячески его расхваливал. Затем появлялся «покупатель», и начинался торг. Сговорившись о цене, «хозяин» и «покупатель» завершали сделку выпивкой. После чего «быка убивали», разбивая палкой горшок. «Бык» падал, «покупатель» и «продавец» выпивали еще, потом пели и плясали около «бычьей туши». Наконец, «тушу быка» выносили из избы, и представление на этом заканчивалось [55:8].

В нижневыхгодских и вымских коми селениях разыгрывалась также сценка «Мельник и дьяволята». Человек десять парней рядились «дьяволятами», для этого они надевали соломенные шляпы и брали в руки соломенные жгуты — «нагайки». «Дьяволята» шумной оравой врывались на девишник, плясали среди собравшихся там, раздавая направо и налево удары «нагайка-

ми». Наведя среди присутствующих переполох, они ушли, но через некоторое время возвращались уже накрытые пологом и садились посреди избы. Появлялся «мельник» — ряженный, обернутый в солому, в шапке, запачканной в муке, с «нагайкой» в руках. Его сопровождал один из «дьяволят». «Мельник» обходил вокруг полога и трогал его ногой. «Дьяволята» кричали хором: «Ой, ой, есть хочется, давай хлеба!» «Мельник» отвечал им: «Вот принес вам хлеб, испеченный...» и называл имя какой-либо из присутствующих девушек. После чего спрашивал: «Будете есть?» «Дьяволята» отказывались, всячески охаивая при этом девушку, названную «мельником». «Ой, ой, не надо, у нее плохой хлеб! Она ведь пекла блины — под всеми сараями побывала», — кричал один «дьяволенок». «Она знакома со всеми парнями», — добавлял другой. Остальные кричали: «Ой, ой, дай хлеба, попроси у других!» «Мельник» предлагал: «Принесла хлеб дочь купца. Будете есть?» «Дьяволята» вновь отказывались: «Ой, ой, хлеб с осколками стекла у этой жадины!» Отказывались они и от последующих предложений: «Принесла вам хлеб прислуга попа, будете ли есть?» — «Ой, ой, хлеб сырой, как глина!» — «Принесла вам хлеба сама попадья. Будете есть?» — «Ой, ой, хлеб с отравой. Мужа и друга своего пожалела, нас хочет отравить. Ой, ой, ой!»

После этого «дьяволята» вместе с «мельником» ушли, но через некоторое время вновь возвращались и садились под пологом на пол. На этот раз, сидя под пологом, «дьяволята» терли друг о друга два кирпича, а «мельник» делал вид, что он вертит под пологом правой рукой жернов ручной мельницы. Натертую кирпичную пыль «дьяволята» передавали «мельнику», а тот — зрителям с предложением попробовать. «Мука» никому не приходилась по вкусу, и «мельник» выкидывал ее. «Мельницу» останавливали, после чего приводили «попа» и «дьяка», чтобы они отслужили молебен для улучшения качества муки. Коверкая слова молитвы, «поп» служил молебен, и «мельницу» запускали опять. Вскоре «мельник» предлагал зрителям новую «муку» и, не получив от них одобрения ее качества, кидал кирпичную пыль в присутствующих. На этом эпизоде игра заканчивалась.

Был известен и другой вариант этой игры. «Мельник», одетый в маску из бересты, входил в избу вслед за «мельницей», которую изображала скамейка, накрытая пологом. Под скамейкой находился парень с кирпи-

чами в руках. «Мельник» запускал «мельницу», и она начинала «молоть». «Мельник» на радостях пускался в пляс вокруг «мельницы». В это время под скамейку забирались «бесенята» и останавливали «мельницу». «Мельник» палкой, тыкая ей под скамейку, изгонял «бесенят». «Мельница» опять начинала «молоть», а «мельник» снова плясать вокруг нее [55:10—12].

Широко известной игрой с участием ряженных была также «Чумич» (букв. Маска). В избе, где проходил девишник, заходили пять-шесть парней под пологом, а за ними — «чумич», которого изображал парень с лицом, закрытым маской из бересты. «Чумич» измененным, чтобы его не узнали, голосом спрашивал, кого из присутствующих девушек можно было взять в жены — в «чумички» (чумич баба). Парни из-под полога называли имя какой-либо девушки, заранее намеченной ими на роль «чумички». Назначение на эту роль считалось у девушек оскорбительным, задевающим их честь, и потому названная девушка обычно сразу же уходила с девишника. После этого «чумич» начинал расспрашивать парней под пологом о всех присутствующих девушках. Те рассказывали, что знали, о каждой из них, причем зачастую эти характеристики были весьма нелюбезными.

В нижевычегодских коми селах в роли аналогичного девичьего обличителя выступал «покойник». Парни заносили «покойника», закрытого пологом, в избу, клали на лавку или на пол, и один из них спрашивал у «покойника» о качествах и поведении присутствующих девушек: гуляет ли та или иная из них и с кем, годится ли она «покойнику» в жены. «Покойник» привередничал: одних девушек он упрекал в том, что они гуляют; про негуляющих ни с кем он говорил, что они так и задохнут на корню. Правда, о «средних» девушках было принято не говорить ничего. Под конец представления парни делали вид, что они хотят привести к «покойнику» и положить с ним «жену» силой. Схваченные для этой цели девушки вырывались и убегали [55:9—10].

Нетрудно заметить общее сюжетное сходство святочных и свадебных представлений, разыгрываемых ряженными: брачная тематика (выбор жен), работы годового хозяйственного цикла, контакт с потусторонними (включая мир мертвых) силами, отражение идеи смерти (блезнь) — воскрешения (исцеление) и т. д. Данное сходство является дополнительным аргументом в пользу

утверждения об общих истоках происхождения этих игр у коми.

Возвращаясь к сугубо святочной обрядности у коми, отметим, что, как и у русских, основной формой общественного досуга молодежи в это время были посиделки (тшуйяссьом, оленасьом, вечерка). Проходили они в так называемой «ворсан керкаын» (избе для игр), арендуемой молодежью обычно на все время от Рождества до Крещения. Арендная плата собиралась копеек по пять с каждого участника посиделок, парни покупали кроме того свечи для освещения и вино для угощения хозяина избы. Взрослое население относилось к святочным молодежным посиделкам одобрительно или же, по крайней мере, не мешало в их проведении. В отличие от обычных в осенне-зимний период посиделок, на которых игры, песни и другие развлечения лишь на время прерывали выполняемые на них девушками рукодельные работы, святочные вечеринки носили преобладающе увеселительный характер. Девушки готовились к посиделкам заранее, шили или покупали себе новые наряды. Парни тоже стремились продемонстрировать на них свой материальный достаток и все прочие достоинства. На святочных увеселениях как нельзя лучше можно было показать свои остроумие и сообразительность, умение петь и плясать.

Начинались посиделки обычно с пения наиболее популярных и известных всем присутствующим песен. Исполняемым под гармонь песням шли на смену танцы, пляски, игры, гадания и другие развлечения, потом — опять песни. За один праздничный вечер исполнялось до тридцати хороводных (кругон ворсан), плясовых (йоктан), величальных (сьылдчан), лирических и других песен на коми и русском языках. Многие из них исполнялись и на обычных посиделках, но были и такие, в основном плясовые песни, которые пели только на святочных вечеринках. У верхневыхегодских и удорских коми такой песней была «Ай ладу, ладу», у прилузских — «Пивовар, пивовар молодой», у сысольцев только в Святки пели «Тшуй, тшуй», «Олен», «Дай, дай сваття». «Конькишла», «Да усы, усы, усы», «Я кóла» [15:92—93].

В вымских селениях на святочных игрищах исполнялись в основном русские песни, но вся их совокупность называлась по коми: «Рóштво сьыланкывьяс» (рождественские песни). При их исполнении участники посиделок выстраивались в два ряда друг против друга попарно и пели, слегка раскачиваясь из стороны в

сторону. Затем четверо из них брались за руки и, соединив их крестом, кружились посолонь. По коми это называлось «крестӧн бергалӧн» (букв. кружение крестом), а исполняемые во время кружения песни — «крестӧн бергалан сыланкывъяс» (песни кружения крестом). Двигаясь навстречу друг другу, два ряда певцов исполняли песни «Селезень мой» или «Пила девица». Подобные песни носили коми название «рада» или же «радывв сыланкывъяс» (песни ряда). Имели свои названия и песни, исполняемые при выполнении других танцевальных фигур. Так, например, «пельпома сыланкывъяс» (плечевые песни) пели, когда участники игрища выстраивались друг за другом гуськом, положив руки на плечо идущего впереди. При исполнении «столбовых песен» (сюрья сыланкывъяс) в центре круга становились трое, а остальные участники под песню «Вьется, вьется, извивается» кружились цепочкой вокруг них [47:14].

Помимо хороводных плясок в песенном сопровождении происходило и разыгрывание небольших сюжетных сцен. Так, у вымских коми была популярна святочная игра, в ходе которой происходил последовательный выбор «тестя», «тещи», «свата», «сваты» и, наконец, «невесты». Эта игра сопровождалась песней «Хожу я, гуляю вдоль по хороводу» и представляла собой разыгрывание тех действий, о которых говорилось в ней [15:93].

Повсеместно на святочных вечеринках была распространена игра в жмурки (горань). В некоторых районах Коми края существовал даже специальный, образцовый от названия этой игры, термин «гораньясьны», означающий: играть святочные хороводные игры. Другой популярной игрой была «здӧволь» или «сдӧвӧлен». Парни садились кругом, на колени им — девушки. Ведущий спрашивал у каждого: «Доволен, или нет?» Если девушка не нравилась парню, он называл имя своей избранницы, и на колени ему садилась эта девушка. В Троицко-Печорском районе на Святки в «сдӧвӧлен» играли и подростки 12—13 лет, но у них эта игра проходила по-другому. В этом районе подростки тоже арендовали для святочных развлечений свою избу (в других местах Коми края это не было принято). Собравшиеся на свои посиделки девочки садились на лавки, а мальчишки выходили в сени. Ведущий говорил каждой из девочек имя одного из мальчиков, после этого они заходили в избу и, подойдя по своему выбору к девочкам,

спрашивали: «Мой барин?» Если мальчик угадывал и именно его имя было названо девочке ведущим, то он садился с ней рядом. Если же происходила ошибка, то мальчик с девочкой должны были сплясать «Барыню», а затем он опять выходил в сени. Продолжалась игра до тех пор, пока все присутствующие на вечеринке подруги не оказывались разбитыми на пары [7:50].

Подобная святочная игра, заключающаяся в разбивке молодежи на пары, у вымских коми носила название «выбор на год» (во гӱгӱрся бӱрйӱм). Играли в нее на вечеринках, проводящихся накануне Васильева дня (Нового года). На эти вечеринки разрешалось приходить всем желающим, независимо от возраста. Под пение песни «Ты впусти в город», которую исполняли девушки и присутствующие на вечеринке в качестве зрителей женщины, парни подходили к приглянувшимся им девушкам, с поклоном выводили своих избранниц на середину избы, целовали, а затем усаживали себе на колени. За своей избранницей парень потом должен был ухаживать в течение всего года. Часто такой выбор завершался в конце концов браком [15:94].

Естественно, что Святки у коми праздновала не только молодежь. В каждом доме в эти дни происходили праздничные застолья, по церковному календарю с 25 декабря по 4 января ст. ст. значатся сплошные «седьмицы», т. е. постных дней нет вообще. Помимо обычных праздничных блюд готовилась и ритуальная пища. Так, в вычегодских и сысольских коми селениях в канун Васильева дня было принято варить свиные ноги и голову, этот день у них так и назывался: «порсь юрок вильбодан лун» (день обглаживания свиных ног и головы). Существовала присказка: «Хоть заложу что-нибудь, но эту пищу приготовь» (Кӱть мыйкӱ закладӱ пукты, но тайӱ сӱянсӱ лӱсьӱд). Оставшиеся от трапезы свиные кости зарывали в хлев, они использовались также потом для окуривания скота с магическими лечебными целями. Возникновение этого обычая объясняли народной легендой о том, что когда Иисуса Христа искали, чтобы распять, он спрятался в хлев. Свинья помогла ему зарыться в сено [15:100—101]. Свиной праздник, который приходился на 1 января ст. ст., день святого Василия Кесарийского, очень распространен был прежде и у северорусских [21:92]. Был он известен и у других народов. Скорее всего свинья была обязана столь большой чести за свою плодовитость и олицетво-

ряла собой на новогодней трапезе надежды на благополучие и изобилие в наступающем году.

Другой вид обрядовой пищи был приурочен к концу Святка. Накануне Крещения хозяйки выпекали из теста фигурки различных животных и птиц: коней, коров, поросят, зайцев, уток и т. д. Называлась эта выпечка «чибб-чань» (жеребенок). Она подавалась на праздничный стол, и особенно нравилась детям. Но существовала вера и в магическую силу этих фигурок. Их клали на божницу, а после Святка скармливали скоту с целью обеспечить ему сохранность и здоровье. Фигурки лошадок, положенные в закрома с зерном и сохраняемые там до весеннего сева, должны были обеспечить семенам хорошую сохранность, всхожесть и плодоносность [15:101].

Завершались святочные обряды в Крещение. По повериям коми, в его канун и в крещенскую ночь происходил наибольший разгул «нечистых сил», и они были наиболее опасны. По этой причине святочные гадания, во время которых устанавливалась якобы связь с потусторонними силами, произведенные в крещенскую ночь, считались наиболее верными, но и самыми «страшными». На посиделках в канун Крещения обязательно закрывали надпечное окно (паччөр öшинь), если там находились ряженые. Верили, что в противном случае через него мог пролезть черт (омоль), приняв любой образ, например, лошадиной ноги с копытом. Изгнать его могла только хозяйка избы, переодев свое платье на венчальное, зажегши свечи перед иконой и помолившись перед ней. Только тогда черт исчезал через то же окно [8:106].

Чтобы не допустить нечистую силу в дом и в хозяйственные постройки, в крещенский сочельник на косяках окон и дверей рисовали смолой кресты. После обеда в этот день в дом не заносили дрова и воду, не ходили кормить и поить скот, не производились работы, связанные с шумом: колка дров, щипание лучины и т. д. [15:102].

Необходимо отметить, что святочные духи, олицетворяющие потусторонние силы у коми, имели мало общего с обыденными представлениями о черте, бесах и их деятельности. По крайней мере, их никак нельзя оценивать просто и однозначно как «злые духи», «нечистая сила», «черти» и т. д. Сам по себе контакт с потусторонними мирами и населяющими их духами, который происходил, по народным представлениям, в Святки, воспринимался вполне естественно. Более того, во

время гаданий — обязательного атрибута святочной обрядности — этот контакт даже сознательно стремились сделать более плотным, надеясь получить при этом, пусть и псевдореальную, пользу — узнать судьбу. Единственное, чего нельзя было допустить, — это взаимосмещение миров и их обитателей, которое могло нарушить сугубо важное для традиционного мировоззрения состояние равновесия, ликвидировать установленный еще в мифическое время «космический порядок». Чтобы этого не произошло, и существовала тщательно продуманная и разнообразная система оберёгов и запретов. Точно так же в любое время года коми строили свои взаимоотношения с духами-хозяевами стихий и мест, которые по сохранявшимся у них языческим представлениям населяли окружающий мир, а также с миром предков. Просто во время Святок границы этих миров считались особо проницаемыми.

Ярким примером того, как, по народным представлениям коми, можно было извлечь пользу из установленного в Святки контакта с мифологическими персонажами, является следующее поверие: «Для того, чтобы хорошо научиться играть на гармонике, нужно взять нож, иголку, петуха, невыделанную коровью кожу, гармонику и вечером на Святках идти в баню. Там разостлать кожу, на ней обчертиться ножом, иголку без ушка воткнуть в свою одежду и вызвать «пывсян айка» — банного старика. Тот сначала поломает гармошку, потом снова сложит и затем начнет играть всевозможные мелодии. Играет он до тех пор, пока не пропоет петух, одновременно с этим он падает и исчезает. В результате смельчак усваивает все услышанные мелодии» [67:124].

Банник (пывсян айка), по языческим представлениям коми, являлся постоянным мифологическим обитателем и духом — хозяином бани. Само обращение к одному из традиционных мифологических персонажей для того, чтобы обрести искусство музыканта, является еще одним примером стойкости древнего мифо-поэтического мировоззрения у коми. В коми мифах рассказывается, что в те мифологические времена, когда два брата-близнеца Ен и Омоль создавали землю со всеми ее обитателями и весь окружающий мир, они зачастую творили совместно. Так было и с музыкой. Ен сделал скрипку (сигудок), но она не звучала. Омоль же заставил скрипку играть, т. е. собственно музыке людей научил он [83:246—247]. К концу мифологического времени, когда

мир был в основном создан, Ен и Омоль разделили сферы своего влияния. Ен (потом он слился у коми с образом христианского Бога) поселился на небе, а Омоль (его образ после христианизации стал сопоставляться с образом дьявола) стал хозяином нижнего мира, к сфере его власти относились и всевозможные духи-хозяева, обитающие на земле. «Пывсян айка» и был одним из них.

В суеверных представлениях коми, связанных со святочными гаданиями, фигурируют и другие традиционные персонажи так называемой низшей мифологии. Например, при нарушении предохранительных мер во время страшных гаданий, по коми повериям, неудачников могли утащить в лес «чукляяс» (чукля, букв. кривой — одно из коми названий лесного духа, лешего). Или водяные духи утаскивали его в воду [84:250, 336]. В то же время существовал разряд и особых святочных духов, которые лишь в это время активно хозяйничали на земле. У коми их называли «куття войса» (букв. святочные ночные), куття васа (святочные водяные), были у этих духов и другие наименования: «куття дяддя», «куття вольса», «вежа пуляк», «вежа войса». Считалось, что эти духи выходили из воды в ночь на Рождество, активно хозяйничали на земле весь святочный период, а после Крещения опять уходили в воду. Особенно опасными, в том числе и для взрослых, «куття войса» становились в рождественский сочельник. В прочие же святочные дни ими преимущественно пугали детей, запрещая выходить поздно вечером на улицу: «Не гуляй поздно, унесет «куття войса». Укладывая их спать: «Куття войса локтö» (Куття войса идет). Запрещали также детям кататься в святочный период на санках с крутых речных берегов, а не то «куття войса» утащит в прорубь. Представляли этих святочных духов в виде маленьких человечков, таскающих за собой железные санки, на которых они и увозили свои жертвы.

Подобные представления о святочных духах, появляющихся на этот период из воды, существовало и у других народов. У удмуртов их называли «вожо», у коми-пермяков «чуды», у северорусского населения «шуликины», «шулыканы», «шеликуны» и т. д. То, что, по поверьям коми, эти духи были особенно зловредны по отношению к маленьким детям, возможно, объясняется еще одним случаем совмещения ранних религиозных воззрений коми с одним из библейских сюжетов. В Евангелие от Матфея говорится, что вскоре после Рож-

дества Христова царь Ирод задумал погубить Божественного Младенца, но предупрежденная Ангелом Господним Мария вместе с ним скрылась в Египте. Царь же Ирод «...весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его от двух лет и ниже...» [Мат. 2:16]. По народным представлениям, эта трагическая для младенцев история как бы могла повториться, но роль Ирода возлагалась на «куття войса». Языческие представления коми объясняют и роль саночек, которые таскали за собой святочные духи. Сани в прошлом у коми были основным средством доставки покойника на место погребения как зимой, так и летом, после похорон их оставляли на могилах. Считалось, что они понадобятся умершему в инобытии [49:6—7]. Вероятно, от коми слова «дадь» (санки, салазки) и произошло одно из названий святочных духов — «куття доддя».

Святое Богоявление. Крещение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа

19 января н. ст.

6 января ст. ст.

Как свидетельствуют евангелисты, Иисус Христос был крещен Иоанном Крестителем в возрасте тридцати лет в реке Иордан. «И крестившись, Иисус тотчас вышел из воды,— и се, отверзлись Ему небеса и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него» [Мат. 3:16]. О сошествии, как голубя, Духа Божия говорят и все остальные евангелисты [Мар. 1:10; Лук. 3:22; Иоан. 1:32], поэтому праздник Крещения является одновременно и днем Богоявления. Символом реки Иордан в православной обрядности северной Руси стала ледяная купель, устраиваемая в Крещение на льду замерзших рек. Вошел в крещенскую церковную символику и голубь, подобно которому спускался Дух Божий с небес.

Во всех коми селениях, где была церковь, на реке заранее перед Крещением делали прорубь, рядом с которой устраивался **иконостас изо льда**, куда пришедшие на освящение воды ставили свои иконы. Изо льда же отливались кресты для иконостаса, иногда их устанавливали до семи штук. После утренней литургии в церкви все население во главе с попом, с иконами и крестами в руках отправлялось на великое освящение воды к проруби на реке. Там священник совершал молебен и

святил воду, после чего она становилась святой, обладающей, по народным поверьям, особенной целительной и животворной силой.

После освящения воды собравшиеся у ледяной купели начинали мыть в ней руки и лицо, некоторые купались в проруби — в частности, это обязательно полагалось сделать тем, кто участвовал в святочных ряжениях, особенно рядившимся покойником. Купались и давшие обет по случаю выздоровления или избавления от какой-либо беды. Больных перекачивали в разлившейся на льду воде, нижнее белье, в котором они были, дома снимали, а на другой день уносили на реку и топили в проруби. Некоторые коми-ижемцы даже купали в проруби своих оленей вместе с упряжкой. Освященную воду уносили домой в берестяных бураках, там ею обрызгивали скотину, давали пить больным детям. Запасы крещенской воды сохраняли нередко в течение года, используя и для лечения. На святой воде пекли из ржаной муки «святой хлеб» (вежа нянь), который считался действенным лечебным средством для домашнего скота. Сухой «святой хлеб» крошили, размачивали и добавляли в корм скоту. Вода, в которой мочили этот хлеб, также считалась освященной, и ее использовали для мытья крынок из-под молока, если в них попадала мышь. Эту же воду использовали для освящения новых колодцев и т. д. [15:102—103].

Интересно трансформировались представления о святости крещенской воды у коми староверов, принадлежащих к беспоповскому толку и не признававших официальную православную церковь. В полночь на день Богоявления они спускались на реку и с зажженными свечами садились около специально прорубленной проруби. После этого в полной тишине собравшиеся внимательно смотрели на воду, с нетерпением ожидая того момента, когда произойдет колыхание воды. Как только поверхность воды вздрагивала, все сразу же бросались к проруби и набирали в приготовленную посуду «святую воду» [20—5:71].

В ижемских селениях у молодежи существовал обычай: в день Богоявления после освящения воды ходить по домам с голубем, сделанным из дерева и обклеенным сверху бумагой, петь крещенский тропарь (стихи и песнопения в честь какого-либо праздника), получая за это угощение, как при хождении со славой [8:16]. Кроме того, в этот день на Ижме было принято с криком и шумом, как можно быстрее, носиться по улицам верхом на

лошадях и на оленьих упряжках. Считалось, что после этого святочные духи (вежа пуляк) уйдут окончательно обратно в воду [40:40]. У русского населения нижней Печоры был аналогичный обряд, у них он назывался «топтанье шеликунов».

После завершения святок жизнь возвращалась в привычное русло. На смену озорному веселью молодежи, зрелищным представлениям, разыгрываемым ряжеными, жутковато-привлекательным таинствам ночных гаданий приходили обычные хозяйственные заботы, наступала пора подготовки к весенне-летнему периоду коми крестьянского годового цикла.

После рождественско-крещенских морозов, к концу января, погода в Коми крае, как правило, становится теплее. В лесу вылезают из своих гнезд спрятавшиеся туда на время холодов белки, оживают и другие пушные звери, оставляя на снежной пороше многочисленные следы передвижений в поисках корма. Коми охотники в это время отправлялись артелями на дальний пушной промысел. На лыжах, с промысловыми собаками, провиантом и охотничьим инвентарем, погруженными на ручные нарты (длинные и узкие сани с ременной упряжью для их передвижения), они уходили за сотни километров от дома. Оставшиеся в селениях женщины занимались хозяйством. Молодежь время от времени продолжала посидельничать, но посиделки становились преимущественно рабочими.

Вплоть до масленицы сельская обрядовая жизнь утихла. Немногочисленные и коми календарные приметы, приходящиеся на январь (после Святок) и февраль.

Афанасьев день

Опонасей лун

31 января н. ст.

18 января ст. ст.

В день святого Афанасия истекает сорокадневный срок после зимнего солнцестояния. Число 40 в народных календарях считается рубежным, поэтому в этот день коми крестьяне пытались определить характер наступающей весны. Считалось, что если в Афанасьев день дует южный ветер, то весна будет короткая и бурная. Есть у коми и такая примета: «В Афанасьев день вьюга — в Ильин день дождь». Ильин день (2 августа н. ст., 20 июля ст. ст.) — другая рубежная дата народного календаря, поэтому сопоставление этих двух дней далеко не случайно. В крестьянских хозяйствах в Афа-

насев день прикидывали кормовые и хлебные запасы. У коми была следующая хозяйственная примета: «С Афанасьева дня кормов потребуются половина, а хлеба вдвое больше, чем уже израсходовано» [51:268, 270].

Сретение Господне

15 февраля н. ст.

2 февраля ст. ст.

Сретение один из главных, двенадцатых православных церковных праздников. Он был установлен в честь встречи (сретенья) праведником Симеоном мессии — ребенка Христа, которого родители несли в храм для посвящения Богу.

Поскольку этот праздник приходится на сороковой день от Рождества, в коми народном календаре снова большое внимание уделяется погоде, по состоянию которой строятся прогнозы на будущее. Так, если в ночь на Сретение дорогу заметало снегом, то прогноз на урожай всех земледельческих культур и дикорастущих плодов считался неблагоприятным. Если же ночь была тихая, без ветра, то ожидался хороший урожай брусники [62—247:17—18].

День священномученика Власия, епископа Севастийского

24 февраля н. ст.

11 февраля ст. ст.

В русском народном календаре св. Власий считался покровителем домашнего скота, который заменил после христианизации Руси древнего славянского «скотьего бога» Волоса или Велеса. У коми св. Власий тоже исполнял функции защитника скота. В д. Жежим и с. Дон (Усть-Куломский р-н) были часовни, в которых в день св. Власия служили ему молебны. В жертву святому окрестные жители приносили к часовням телячьи грудинки, ноги и головы, а иногда жертвовали и целых телят. Все эти пожертвования поступали в распоряжение священника и церковного причта [6:118].

День преподобного Кассиана Римлянина

13 марта н. ст.

29 февраля ст. ст.

Касьянов день отмечается лишь раз в четыре года, в високосье. Собственно говоря, никаких особых тор-

жеств у коми в этот день не было. Напротив, отношение к преподобному Касьяну у них было скорее недоброжелательным. Как и у других народов, високосные годы считались у коми неудачливыми. Выражение «Касьян во» (год Касьяна) употреблялось в значении «тяжелый год». В народе про високосный год говорили также: «кёрт во» (железный год) и «ош во» (медвежий год).

День преподномученицы Евдокии

14 марта н. ст.

1 марта ст. ст.

В этот день начала весны по старому календарному стилю,— тоже рубежная дата,— коми крестьяне опять пытались определить характер наступающей весны. Считалось, что если на Евдокию воды от талого снега уже хватает, чтобы напиться курице (петуху), то весна будет ранняя.

День 40 мучеников севастийских

22 марта н. ст.

9 марта ст. ст.

Этот день, приближенный к весеннему равноденствию (астрономическому началу весны), на Руси исстари отмечали выпечкой из теста жаворонков. У коми в 40 мучеников тоже в некоторых местах выпекались птички из теста, хотя чаще их заменяли другие печеные изделия (сочни, шаньги). При этом обращалось особое внимание на их количество — на стол подавали, например, 40 шанег. Считалось что на 40 мучеников талой воды уже должно быть достаточно, чтобы напиться барану [62—111:231].

ПРИШЛА ВЕСНА

День преподобного Алексия

30 марта н. ст.

17 марта ст. ст.

В Алексеев день воды уже должно быть, чтобы напиться быку. Считалось, что напоишь талой водой быка в день Алексия божьего человека — будет хорошее лето [7:66].

Благовещение пресвятой Богородицы

7 апреля н. ст.

25 марта ст. ст.

Благовещение — очередной двенадесятый праздник православной церкви. Происхождение этого праздника связано с возвещением архангела Гавриила о будущем рождении девою Марией Иисуса Христа. Богородичные праздники занимают особое место среди христианских праздников. Из двенадцати двенадесятых праздников Божьей матери посвящено четыре, а всего в православном церковном календаре с ее именем так или иначе связано 262 дня [34:6].

В русском народном календаре все богородичные праздники выделялись особым к ним отношением, являлись важными вехами в годовом хозяйственном цикле. Вероятно, у восточных славян произошло совмещение с образом Богородицы представлений, связанных с древней богиней плодородия, возрождения природы. Можно предположить, что так же было и у коми.

Праздник Благовещения ознаменовал собою окончательную победу весны над зимою. У коми к этому

дню заканчивали весеннюю пушную охоту и возвращались с добычей промысловики. Крестьянам полагалось к Благовещению закончить вывозку сена. Коми поговорка гласит: «До Благовещения надо повернуть оглобли» (Благовещенньööдз колö додь вож бергöдны) [56:48]. У родственного коми — народа мари — Благовещение так и называли: «День бросания саней» [26:192].

В самое Благовещение воспрещалась любая работа, у обских коми девушки в этот день даже не заплетали косы. У коми существовало поверье, что кукушка в день Благовещения вила себе гнездо и потому навсегда осталась бездомной [56:48]. В другом коми поверье говорится: «Кто будет работать в Благовещение, у того непременно отсохнет рука» [23:13]. Аналогичные поверья и запреты были и у русских [63:251—252].

У коми переселенцев на р. Обь в с. Мужи оленеводы жертвовали в Благовещение церкви живого оленя, которого священник перепродавал местным жителям, а те его закалывали, варили мясо и сообща съедали. У северных коми оленеводов Благовещение иногда называли «Куваркан лун» (букв. вороний день). Оленеводы с этого дня начинали активно готовиться к перекочевке на летние пастбища. У обских коми имеется поверье, что в «Куваркан лун» к селениям разом слетаются все вороны, а в поговорке говорится: «Ворона прилетает и приносит тепло». Действительно, приблизительно в начале апреля (в конце марта по ст. ст.) вороны совершают местные миграции и начинают держаться вблизи селений. Вероятно, этот факт и был отмечен в коми народном названии марта месяца — «рака тöлысь» (букв. вороний месяц).

С Благовещения начиналась активная подготовка к весенне-летним сельскохозяйственным работам. Ближайшей временной вехой в годовом хозяйственном цикле был Егорьев день, поэтому эти два дня у коми взаимосвязаны приметой: «Если в Благовещение снег на крышах, то на Егория снег еще в поле» [51:81].

День преподобного Зосима, Соловецкого чудотворца

30 апреля н. ст.

17 апреля ст. ст.

В сороковины после дня весеннего равноденствия у коми крестьян вновь делались долговременные прогнозы: «Если в день святого Изосима Чудотворца будет

северный ветер, то затем непременно холод простоит шесть недель» [62—111:231].

Необходимо объяснить, почему этой важнейшей рубежной дате сельскохозяйственного народного календаря уделено столь незначительное внимание, причем не только у коми, но и у других, прежде всего русского, народов. Дело в том, что, ввиду нарастающей со временем погрешности между юлианским и астрономическим календарями, как рубежная дата этот день соответствовал лишь прошлому веку. В то же время совмещение народных календарей и их годовых вех с датами юлианского (церковного) календаря происходило значительно раньше. Так, у русских этот процесс оформился в течение XVI—XVII вв., когда погрешность юлианского календаря составляла 10 суток [5:22—23], т. е. весенние «сороковины» приходились на 20 апреля (3 мая н. ст.). В русском народном календаре этот день был посвящен «окликанию родителей». Рано утром совершался архаический обряд посещения могил близких родственников и ритуального обращения к ним с причитаниями и мольбами [63:257—258]. Через три дня после столь серьезного обрядового действия, как общение с миром предков, в день Егория переход весеннего календарного рубежа вновь оформлялся целой серией обрядов, преимущественно связанных с домашним скотом.

День Георгия Победоносца

6 мая н. ст.

23 апреля ст. ст.

Как и у русских, день Егория у коми был посвящен домашнему скоту. Считалось, что лошади в этот день являются именинницами (вöвъяслön нимлун), с Егория можно было выпускать домашнюю скотину на подножный корм. Выгон скота был очень важным событием в жизни северного крестьянства, поскольку снимал постоянную заботу о том, что может не хватить запасов заготовленного на зиму корма. Часто так и происходило, если весна оказывалась поздней и затяжной.

На р. Вымь в Егорьев день весь домашний скот приводили к церкви. Около нее зажигали два параллельных ряда костров, на которые для дыма набрасывались груды можжевельника. Пахучий можжевеловый дым традиционно считался у коми лучшим очищающим и предохранительным средством от всевозможной скверны

или «порчи». После того как поп отслуживал молебен, весь скот прогоняли по коридору между кострами. Оставшиеся ветки можжевельника разносились по домам, где их втыкали под дверями хлева [67:137].

В селе Ижма хозяйки утром сгоняли своих лошадей и коров в заранее сделанные загоны и приглашали священника. После молебна он окроплял святой водой скот, проходящий мимо него через узкие ворота. Остатки святой воды хозяйки уносили с собой и кропили ею мелкий скот.

Если весна была ранняя и теплая, то в Егорьев день происходил и первый выгон скота. При поздней весне его могли приурочить к Николину дню. Первый выгон у коми также происходил торжественно и оформлялся специальными обрядами. Выпуская скотину из хлева, хозяйки хлопали ее вербной веточкой, сохраненной на божнице с вербного воскресенья, окуривали можжевельником, давали ломоть хлеба с четверговой солью, рисовали на правом боку смоляные кресты-обереги от несчастий и т. д. В удорском с. Чупрово выгоняющий коров пастух, собрав их в одном месте, брал из-под копыт последний «пас» (знак) — горсточку песка — и со словами «Христос воскрес» бросал этот песок на спины всех коров. Считалось, что после этого коровы при пастыбе не будут разбегаться. После выхода из села пастух обходил стадо с иконой св. Георгия и читал молитву. На Вычегде, в с. Гам, хозяйки перед первым выгоном остригали со лба коров по клочку шерсти, закатывали шерсть в хлебные шарики и менялись ими между собой. Затем шарики скармливались коровам. Считалось, что после этого они будут пастись мирно. Овцам перед выгоном было принято сыпать на лоб четверговую соль [14:147].

Молодежь в Егорьев день собиралась на берегах рек и озер и разводила костры, на которых было принято сжигать ненужную деревянную и берестяную посуду. Перед этим ее специально собирали, нанизывали на длинные шесты, которые и ставили вертикально в огонь. У русского населения соседней с Коми краем р. Пинеги (когда-то там жило и коми население) подобные костры молодежь зажигала на возвышенностях 1 мая. На этих кострах также жгли старые деревянные бочки, другие древесные отходы, накопившиеся за год в хозяйствах. Молодежь при этом веселилась с песнями и танцами, пила чай из самовара с выпечкой. Дети, глядя на костер, кричали: «Лето встречаем, зиму провожаем» [12:31].

Несмотря на некоторые отличия, этот обряд весеннего календарного цикла (у коми и пинежан), несомненно, имел общие корни.

По погоде в Егорьев день определяли прогнозы на урожай. Если в ночь, предшествующую этому празднику, лужи покрывались льдом, то ожидался неурожай на хлеб. Для этой же цели вывешивали на ночь во дворе мокрую холстину и, если она замерзала, делали аналогичный вывод. Существовала народная примета, что если в Егорьев день холодно и дует северный ветер, то он будет дуть еще 40 дней. По Егорию же определяли время появления травяного покрова: «Егорий с водой (или с дождем), а Никола с травой» [51:268; 62—111:231; 62—247:18; 64:285].

Перенесение мощей святого и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар

22 мая н. ст.

9 мая ст. ст.

Николин день в годовом хозяйственном цикле Коми традиционно связывался с весенним севом. Посев яровых и других сельскохозяйственных культур являлся для северных земледельцев чрезвычайно важным событием. Короткое северное лето обязывало начать сев как можно раньше, в то же время нередкие поздние заморозки заставляли особенно не торопиться с его началом. При выборе оптимального времени посева коми крестьяне придерживались жестких календарных привязок лишь номинально. Николин день считался у них средним сроком посева (шёр кӧдза), первым сроком посева (водз кӧдза) считался день Еремея (пророка Иеремии — 14 мая н. ст., 1 мая ст. ст.), а поздним — день царя Константина и матери его царицы Елены (3 июня н. ст., 21 мая ст. ст.). Но и эти даты были не строго обязательны, так, например, в первой половине прошлого века в пригородных волостях Усть-Сысольского уезда самый ранний сев ячменя был завершен 26 апреля (9 мая н. ст.), а самый поздний — 22 мая (4 июня н. ст.) [11].

Начало сева у коми обязательно сопровождалось специальными обрядами. Перед выездом в поле было принято мыться в бане и одеваться во все чистое. Прежде чем выйти из дома, перед иконами читали молитвы. Ижемские крестьяне перед севом съедали по кусочку просфоры, которые сохранялись с Пасхи в красном углу возле иконы. Также они обязательно ели перед по-

севом кусочки сухого хлеба (кос нянь), который лежал там же и тоже был освящен в церкви на Пасху. Этот хлеб называли «образывса нянь» (букв. хлеб, хранящийся на иконе). В некоторых селах по Сысоле перед севом полагалось съесть по куриному яйцу. В отличие от пасхальной просфоры яйцо как символ плодородия и новой, возрождающейся жизни связано с еще дохристианскими воззрениями, хотя позднее оно вышло и в христианскую обрядность. На Выми размельченную просфору клали и в семена, чтобы усилить их произрастательную силу [14:147]. В некоторых коми селениях перед посевом производились и кровавые жертвоприношения. В жертву приносилось освященное в церкви животное (бык, теленок, овца), приобретенное для этой цели всем сельским обществом или же одним человеком [71:340].

Перед посевом, прежде чем бросить семена в землю, коми крестьяне обращались к Богу с молитвой об урожае. Затем они просили о содействии и своих умерших предков [72—22:39]. После окончания сева ижемские коми гадали об урожае. Старики бросали вверх лукошки, из которых разбрасывались при посеве семена, и смотрели, как они упадут: на бок — будет средний урожай, вверх дном — плохой, а вниз дном — хороший [14:147].

Интересные обрядовые действия сопровождали у коми женщин посев овощей. Перед севом репы они, резко кланяясь, прикасались к грядке головой и произносили заговор-пожелание: «Дай, земля, репу крупную и круглую, как голова» (Сет, муӧй, юр кодьыс жӧ гырысь да гӧгрӧс сёркни). А посадив капусту, опускали несколько раз вниз головой к земле кого-нибудь из детей, обращаясь при этом с молитвой к Богу: «Дай, Господь, нищим и пьющим, и нам, грешным, благодать» [16].

Заслуживает особого внимания существовавшая в коми народном календаре взаимосвязь между Николиным днем и весенним прилетом кукушки. Считалось, что перед Николой кукушка начинает куковать, и наступают белые ночи, которые у коми так и назывались: «Кӧ-ка вой» — кукушкина ночь [51:270]. В Ижемской трудовой песне, исполняемой девушками, говорится: «В Николин день весенний горемычною кукушкой кукуем...» [46:37]. Говорили, что кукушка прилетает за неделю до Николы, и по ее прилету определяли ход посевных работ: «Если к прилету кукушки семенной хлеб окажется в закромах не посеянным, год будет плохим» [51:269].

Никола вешний был последним весенним праздником в стабильной части народного календаря, но, как и у русских, основная весенняя праздничная обрядность у коми оказалась приуроченной к подвижной части православного календаря — Пасхе и взаимосвязанными с ней Масленицей и Троицей.

Христианский праздник Пасха был установлен в ознаменование кульминационного события в истории Иисуса Христа — его мученической смерти и последующего затем воскресения. В древнееврейском языке словом Пасха (Песах — букв. прохождение) назывался праздник, установленный «в воспоминание о той ночи, когда Господь послал своего ангела умертвить всех перворожденных в Египте и пройти мимо еврейских домов, и когда вывел их из земли рабства» [Исх. 12:12 и дал.; 50:308—309]. Во время празднования пасхальной вечерни накануне своей смерти Иисус установил святое причащение [Мат. 26:26; Лук. 15:19 и дал.]. Еврейская Пасха отмечается в ночь с 14 на 15 месяца Нисана (первого весеннего месяца по лунному еврейскому календарю).

Когда в 324 г. н. э. римский император Константин провозгласил христианство государственной религией, единой даты празднования христианской Пасхи еще не было. Многие христиане Малой Азии и Палестины праздновали Пасху вместе с евреями в ночь с 14 на 15 Нисана; в Александрии, бывшей в то время столицей Египта, — в воскресенье между 15 и 21 Нисана; другие христианские секты — 25 марта [28:292—294].

Чтобы ликвидировать эти разногласия, было решено христианскую Пасху праздновать в первое воскресенье после первого полнолуния, после дня весеннего равноденствия. Эта христианская традиция существует и до сих пор. Разногласия между календарем солнечным и календарем лунным весьма существенны. Поэтому у православной церкви Пасха приходится на период с 22 марта по 23 апреля (ст. ст.), а для вычисления дат ее празднования составляются специальные таблицы — пасхалии.

Чтобы усилить воздействие на верующих праздника Христова Воскресения, подготовить их к нему, был установлен один из самых продолжительных в христианстве и наиболее строгий семинедельный Великий пост. При этом дата весеннего равноденствия, а следовательно, и связанная с этим событием народная календарная обрядность пришлись на запретный для каких-либо увеселений период. Поэтому у славян, по всей веро-

ятности, единый в прошлом цикл весенних праздничных торжеств оказался как бы разорван Великим постом на две части. При этом в самих торжествах, как и в святочной обрядности, сохранился могучий слой языческой архаики, с чем примирилась православная церковь.

Празднование победы весны над зимой, пробуждение природы и ее животворных сил начиналось у русских в первый день недели — последней перед Великим постом — и в воскресенье, непосредственно ему предшествующее. Эта неделя веселого разгулья, после которого следовало длительное воздержание от мирских благ, носит у русских название Масленица. В православной церкви она называется сырной неделей и отнесена к так называемым сплошным седмицам, т. е. является всеядной без постов в среду и пятницу. Последний день Масленицы носит название Прощеного воскресения, в этот день в церковных проповедях повторяют слова Христа о том, что все люди должны прощать друг другу обиды и согрешения.

Масленица	Масленича.	Йӧввыв.	Йӧв вежалун
1993	1994	1995	1996
Ст. ст. 9—15 февр.	22—28 февр.	14—20 февр.	6—12 февр.
1997	1998	1999	2000
Ст. ст. 18—24 февр.	10—16 февр.	2—8 февр.	22—28 февр.

Как и у других православных народов, Масленица у коми открывала праздничный цикл весенних обрядов. Масленичное веселье в коми деревнях продолжалось в течение всей недели, особенно активно — в ее второй половине. Какого-либо религиозного содержания в масленичные обряды коми не вкладывали, считая это веселое предвесеннее празднество просто как «вина, сур юан гажа праздник» (хмельной, веселый праздник).

В каждом селении на масленичной неделе устраивались ледяные горки. Их строили из досок, облитых водой. На Печоре эти горки украшали по бокам небольшими елочками и фонарями, которые зажигались по вечерам. Из еловых лап сооружали «ворота». Катались с гор на санках, попарно. Парни держали девушек на коленях и управляли санями. Было известно у коми масленичное катание с гор и другого вида. На крутых откосах под углом около 45 градусов укреплялись наклонно два обледенелые шеста, параллельно друг другу. У

их верхних концов устраивалась площадка, с которой парень и девушка, взявшись за руки, ступали на обледеневшую поверхность шестов (каждый на свой шест) и скатывались на ногах вниз [59:65]. Катались с гор по шестам во время Масленицы и коми-пермяки, русское население Урала и Сибири.

Катались с ледяных гор в течение всей масленичной недели, днем — дети, а вечером молодежь и даже люди среднего, а иногда и пожилого возраста. На Выми в среду, а в селениях по Сыsole в четверг Масленицы с гор катались молодожены, поженившиеся в этом году после Святков. При этом молодая супруга давала деньги парням, которые строили горку, а в некоторых местах она, прежде чем скатиться, должна была поцеловать мужа [14:143]. Такое же особое значение придавалось катанию с гор молодоженов у русских на р. Мезень [12:28]. По тому, насколько удачно скатывались с гор в первый раз женщины, судили об урожае льна (скатилась хорошо — лен уродится).

Другим популярным развлечением на Масленицу были качели. Их сооружали в сараях накануне праздника. Качались преимущественно подростки, но в последний день Масленицы — воскресенье — на них развлекалась уже молодежь.

Во всех коми селениях в Масленицу любимым занятием и развлечением были также выезды на лошадях. Выезжали на расписных, богато украшенных и покрытых цветным сукном санях. К дугам подвешивали колокольчики, украшали их цветными лентами, цветами из бумаги. Парни катали вдоль деревни в своих санях девушек. Для маленьких детей в сани ставили большие корзины, сажали детей в них, и те тоже участвовали в веселье. Особенно красочные выезды были у северных коми (ижемцев). Помимо лошадей, ижемцы использовали для катания и олени упряжки. На выезд они одевались как можно наряднее. В пятницу масленичной недели все молодожены, венчавшиеся после святков, обязательно участвовали в выезде, причем молодая должна была быть в кокошнике. В Серегове после катания на лошадях молодых забрасывали снегом [14:143].

В ижемских селениях на Масленицу было также принято устраивать гонки на лошадях и оленях.

Соляная (солнечная) символика коня и оленя общепризнана, масленичные выезды и гонки как бы знаменовали собой все более активное движение солнца по весеннему небосклону. Характерно, что у коми эти вы-

езды чаще всего совершались по замкнутой окружности вокруг селения (сикт гӧгӧр). Подобные магические круги «под знаком солнца» должны были обезопасить коми селения от всевозможных несчастий со стороны вредоносных сил.

Возобновлялись у коми на Масленицу праздничные представления, разыгрываемые ряжеными. Но если на Святки это было домашними развлечениями — при хождении со славой по домам, на праздничных вечеринках, — то в масленичные дни ряженные веселили народ уже на улицах селений. Устраивался так называемый поезд — лодка, поставленная на двое саней. В лодку садились ряженные, и «поезд» ехал по деревне в сопровождении толпы зрителей. На средней Вычегде один из ряженных обязательно изображал медведя, а другой — охотника. «Медведь» рычал, кидался на остальных участников инсценировки. «Охотник» вступал с ним в борьбу, во время которой остальные ряженные его одабривали, давали советы. Наконец, «охотник» одерживал победу, снимал с «медведя» «шкуру» (вывернутый наизнанку тулуп), а «медведь» вдруг оживал, и представление начиналось сначала [16]. Рядились медведем и охотником на Масленицу и в некоторых русских селениях на Мезени [12:28—29].

В ижемских и усть-цилемских селениях в лодку ставили железную печку, самовар, устанавливали стол. Ряженные разыгрывали многосюжетное представление: пекли блины на печке, пили чай из самовара, толкли в ступе зерно, взбивали масло, «кузнец» бил по наковальне и т. д. Один из ряженных в вывернутой наизнанку шубе и мохнатой шапке, сидящий на носу лодки, изображал Масленицу. На р. Вымь, в с. Серегово, «Масленицу» возили по селу в пятницу. Ряженный в ярком сарафане, кофте, повязанный красным шелковым платком с кистями, сидел в санях за столом с закусками. Народ при встрече с «Масленицей» низко ей кланялся [14:143—144].

В масленичных поездах в некоторых селениях на Сысоле ряжеными были даже лошади: на передние ноги им надевали рваные мужские штаны, навешивали на голову беличьей шкурки, на седло — лапти, старые венники.

В пятницу днем, а в субботу и воскресенье масленичной недели днем и вечером молодежь в селениях по р. Вашке устраивала «беседы» в специально снятой для этой цели избе. Основным развлечением на этих «бе-

седах» была игра «в круг». Один из парней брал девушку за руку, она, в свою очередь, другой рукой выводила в круг еще одного парня, а тот — следующую девушку. И так до тех пор, пока все участники игры не оказывались в единой цепочке, после чего они начинали водить хоровод под песни, преимущественно русские: «Калинушка», «Во саду ли в огороде», «А мы просо сеяли» и др. [14:144]. Играли в Масленицу «в круг» и на Печоре.

Были у коми и свои оригинальные масленичные песни на родном языке, например, «Круг ли мой, круг» (Гӧгыль пӧ, гӧгыль) и «Солнцеликий радостный валяй» (Шондѣбанӧй гажа валяйӧй). В песне «Гӧгыль пӧ, гӧгыль» говорится:

«Круг же ведь ты, круг,
Солнцу подобный.
Солнцеликий круг да.
Таким ли круг-то бывает?
Круг же ты ведь, круг,
Благодать какая».
(Гӧгыль кӧ пӧ вӧд, гӧгыль ой,
Шондѣбанӧй да.
Шондѣбанӧй гӧгыльӧй да.
Татшӧм ӧмӧй гӧгыльыс олӧ да?
Гӧгыль пӧ вӧд, гӧгыль ой,
Шондѣбанӧй).

При исполнении этой песни дети взбирались на какой-нибудь холмик и скатывали с него вниз куриные яйца или другие круглые предметы. Как смысловое содержание «Гӧгыля», так и символика детской ритуальной игры, несомненно, наполнены глубокой архаикой, дошедшей к нам от языческих праздников прославления весеннего солнца (солнечного круга), возрождения природы и земного плодородия (яйцо — универсальный символ всех этих понятий).

Песня «Солнцеликий радостный валяй» посвящалась встрече и проводам весны:

«Солнцеликий радостный валяй,
Валяй, валяй,
Ой, да солнцеликий.
Проходить уже наш валяй стал,
Валяй, валяй,
Ой, да проходит.
Валяй проводить поедем,
Валяй, валяй».
(Шондѣбанӧй гажа валяйӧй да,
Валяй, валяйӧй,
Да ой шондѣбанӧй.
Кольны тай кутис пӧ мян валяйыс,

Валяй, валяй,
Ой да, кольны кутіс.
Катыдѵ каямѵ валяйтны да,
Валяй пѵ вѵд, валяйѵй).

У сысольско-вычегодских коми словом **валяйтны** называли масленичное гуляние на конях по кругу, вокруг наиболее многолюдных мест деревни [45:12, 50, 51]. **Вѵл** (вѵв) означает в коми языке конь, лошадь. Возможно, что некогда у коми был в весенней календарной обрядности такой мифологический персонаж — Солнечный Валяй (**вѵл ай, вѵл айка** — Отец лошадей, Господин лошадей?). По крайней мере, в мифологии обских угров имеется сходный персонаж — Мир-суснэ-хум. Мир-суснэ-хум похитил для людей небесные светила, которые вначале находились в подземном мире, являлся покровителем людей и посредником в общении их с богом. По всему подвластному ему миру Мир-суснэ-хум разъезжал на чудесном крылатом коне [48:567].

Пришедший к коми, несомненно, под русским влиянием образ Госпожи Масленицы был известен преимущественно лишь в этноконтактных зонах. Широко распространенный у русских обряд сжигания в конце праздничной недели чучела Масленицы — символа уходящей зимы на территории Коми края — был отмечен лишь в с. Серегово на Выми, где преобладало русское население.

Обряд этот происходил в Серегово так. В воскресенье вечером молодежь, женщины и дети собирались на пригорке. Девушки наряжали чучело Масленицы, закрепляли его на палке, воткнутой в снег, а затем поджигали. После уничтожения злокозненных зимних сил, женщины шли в церковь к вечерней службе, а молодежь с песнями гуляла по селу [14:143].

В некоторых сысольских селах (Пажга, Ыб) масленичная суббота считалась женским праздником. Об этом дне даже говорили: «Во быднас ѳти праздник бабаяслѵн» (Один женский праздник в году). Сговорившись заранее, женщины собирались группами до 20—30 человек и поочередно отправлялись на угощение в дома каждой из них. Трапезы эти были сугубо женские, и мужчины на них не допускались. Более того, когда женщины с плясками и песнями переходили из дома в дом, они вели себя чрезвычайно агрессивно по отношению ко всем попавшимся им на пути мужчинам. Их били по спине, закидывали снегом, отбирали шапки и рукавицы и т. д. При этом мужчины должны были принимать та-

кое обращение с ними как естественное и не выказывать недовольство [16]. Подобные женские разгульные праздники, разрешенные и защищаемые обрядовыми традициями, были широко известны в прошлом у различных народов.

Обязательным элементом масленичного праздника были обильные угощения. Печь и варить начинали еще за 2—3 дня до праздника. Во всех домах варили пиво (сур), более зажиточные запасались вином. Как и на русской Масленице, обязательным праздничным кушаньем у коми были блины. Тещи угощали ими молодых зятьев, остальные пекли их для себя и для гостей. Есть все старались как можно больше — после масленицы наступал шестинедельный Великий пост.

Великий пост

Ыджыд видз

В первый день Великого поста, в так называемый чистый понедельник, обязательно мылись в бане, убирали избы — этот день посвящался очищению от всякой грязи. По сведениям П. Саваитова, рано утром в чистый понедельник коми девушки катались с гор на коромыслах, приговаривая при этом: «Уродись, мой лен, тонок и долог, как мое коромысло» [62—111:231]. Это ритуальное катание было как бы завершающим аккордом праздничной масленичной обрядности. Великий пост у коми соблюдался строго, обрядовая жизнь в это время замирала. Не проводились посиделки, не устраивались игры. Крестьяне были заняты работами по хозяйству, готовили инвентарь к весенним полевым работам. Календарная обрядность возрождалась лишь в Вербное воскресенье — шестое воскресенье Великого поста, последнее перед Пасхой.

Вход Господень в Иерусалим

Неделя 6-я, ваий (цветоносная, Вербное воскресенье)

	1993	1994	1995	1996
Ст. ст.	29 марта	11 апреля	3 апреля	25 марта
Ст. ст.	1997	1998	1999	2000
	7 апреля	30 марта	22 марта	10 апреля

По православному церковному календарю этот праздник относится к одному из главных, двенадцатых. На Утрени во всех церквях в этот день совершается каждо-

ние верб и читается молитва на их благославление, после чего вербы окропляются святой водой с произнесением слов: «Освящаются ваия сия, окроплением воды сия освященные, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь».

Включение вербы в церковный обрядовый ритуал непосредственно связано с библейской историей Иисуса Христа. За шесть дней до еврейской Пасхи (смерти Христа и Его воскресения) Иисус Христос совершил торжественный вход (въезд на осле) в г. Иерусалим, чтобы показать, что он есть истинный Христос Царь и идет на смерть добровольно. Собравшиеся толпы народа приветствовали Христа, подстилали ему под ноги одежды, «...а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге» [Мат. 21:8; Мар. 11:8]. У евангелиста Иоанна говорится даже, ветвями какого дерева народ приветствовал Христа: «Взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и воскликнули: осанна!» [Иоанн 12—13].

Приветствие героя-победителя зелеными ветвями было древней античной традицией (вспомним лавровый венок, венчающий олимпийских призеров). Вход Господень в Иерусалим, чтобы умереть за грехи человеческие, а затем воскреснуть, «смертию смерть поправ», и тем спасти людей, в христианстве символизирует победу Христа над смертью. Упомянутые в евангельских текстах пальмовые ветви в православной обрядности и заменили вербовые ветки.

Войдя в Иерусалим, Христос явился в храм, выгнал из него торгующих, после чего исцелил обратившихся к нему за помощью хромым и слепым: «И приступили к Нему в храме слепые и хромы, и Он исцелил их» [Мат. 21:14].

В народной календарной обрядности акт исцеления Христом страждущих и неизменный церковный атрибут празднования этого дня — вербовые веточки оказались взаимосвязанными. По народным поверьям, согласующимся с традиционными представлениями о продуцирующей (производительной) силе весенней первой зелени, целебную силу получила именно освященная верба. Принесенную из церкви домой вербу клали около образов, где хранили ее длительное время. Вербовыми веточками в Вербное воскресенье ударяли людей и скотину, чтобы они были здоровы; помещали их в амбары, чтобы верба оберегала крышу от ветра. Детей хлестали вербой, приговаривая:

«Верба ударяет, не я ударяю,
Книзу корни пустите,
Кверху крону растите».
(Верба лачкѣ, ме ог лачкы,
Уулань вужйоо,
Выылань карйоо) [47:237].

Считалось, что после этого дети будут здоровы, хорошо расти и не болеть. Имея общие корни, а потому чрезвычайно схожий по сути, народный обычай хлестать вербой был широко известен и у других народов. Например, у белорусов детей в Вербное воскресенье хлестали пучками вербы с таким словесным сопровождением:

«Не я бью, верба бьѣ,
За тыждень — великдень,
Хвора в лес, не вересь,
А здоровье в кости.
Будь здоров, як вода,
А расти, як верба» [70:98].

После Вербного воскресенья наступает Страстная неделя (Страстная седмица) — последняя неделя Великого поста, посвященная памяти страстей, страданий Господних. Каждый день этой недели в православном календаре называется великим: Великий Понедельник, Великий Вторник и т. д. Как и у русских, в календарной обрядности коми особое внимание уделялось Великому четвергу.

Ночь на Великий четверг — время перехода через срединный рубеж Страстной недели — считалась особо опасной, поскольку злые духи, которые должны были погибнуть или исчезнуть в день Светлого Христова Воскресения, становились особо активными. По поверьям коми, злые духи в эту ночь носятся толпами, а колдуны (еретники) собираются в сборище и дают отчет черту о своей деятельности (еретникъяслѣн рѣщцѣт да шева сеталан лун — день порчи и подведения итогов работы по порче за год). Чтобы уберечься от злых духов и колдунов, над дверями, у косяков полагалось положить щучьи зубы (высушенную челюсть) — традиционный коми амулет-оберег [13:92]. Запирались на замок хозяйственные постройки, на дверях и косяках окон — самых уязвимых местах дома — рисовались смолой кресты. Утверждали, что в ночь на Великий четверг черти залезают на колокольни и грызут там в бессильной злобе колокола [23:14].

Как и другие рубежные даты, возобновлялись гадания. Считалось, что если ночь на Великий четверг морозная, то лето будет неурожайным. Рано утром осмат-

ривали специально оставленный на ночь во дворе кусок намоченного холста, если он замерз, то говорили, что лен и коноплю (теплолюбивые культуры) лучше не сеять [62—247:18]. Была у коми и такая примета: «Если утром в четверг Страстной недели будет заморозок, то заморозки будут еще сорок дней и ночей (т. е. до праздника Вознесения)».

Рано утром («пока еще спят вороны») коми хозяйки открывали печные дверцы и через трубу выкрикивали клички всех своих коров. Верили, что после этого они летом будут приходить вечером домой с вольного выпаса сами [67:143]. Коров и лошадей выпускали из хлева, а хозяйки, зайдя в дом, смотрели в окна и пересчитывали их. Полагалось насчитать скота больше, чем было на самом деле, для того чтобы не было падежа и был богатый приплод [14:145]. У сысольских коми было также принято обводить коров в течение трех раз вокруг дома, чтобы они летом не терялись, задавая во время обхода вопрос: «Корова пришла?» [16].

Еще до восхода солнца выносили во двор постели и выбивали их, после чего, якобы, исчезали клопы и блохи. В это же время считали деньги, чтобы они водились круглый год [62—111:31; 20—1:25], умывались водой, в которую были брошены медные деньги — для того, чтобы жить в достатке, а молодежь — для сохранения красоты и свежести лица. Хозяин клал деньги в решето и, встряхивая их, приговаривал: «Пусть столько же будет денег в году, сколько дыр в решете» [14:145].

Печорские охотники и рыболовы перед рассветом в Великий четверг приносили в дом можжевельные ветки и пихтовый кряжик. Часть можжевельника клали под матицу, а остальные жгли посередине избы, прыгая через огонь. Пихтовый кряжик потом хранился в течение всего года. Считалось, что после исполнения этих обрядовых действий рыбный и звериный промыслы будут особенно удачны [20—1:25]. На Выми рано утром за можжевельными ветками ходили в лес женщины. Потом они втыкали эти ветки над косяками изб и хлевов, окуривали можжевельником скотину, кринки из-под молока, чтобы было больше сметаны [14:145].

В Великий четверток старались переделать все необходимые в крестьянском быту работы, чтобы они успешно шли в течение всего года [30:434]. Верили, что если обуешься в этот день на мельничной полке, то весь год будет удача, а если обуться в том углу, где стра-

пают, то охотник найдет весной тетеревиный ток [67:58]. У скотины вырывали клочок шерсти, смешивали с шерстью, вырванной у другой, и зарывали в землю в хлеву. После этого при пастьбе летом весь скот должен, якобы, ходить вместе [62—111:231 об.]. Повсеместно у коми в этот день пережигали соль, после чего она считалась целебной. В хлевах считалось полезным жечь вереск, чтобы его дым выгнал злых духов, и скотина не болела. Остатки вереска клали под матицу [30:434].

Вечером в четверг Страстной недели у коми было принято обязательно вымыться в бане и надеть чистое белье. В пятницу женщины занимались генеральной уборкой, мыли полы, чистили иконы, медную посуду и т. д. В субботу все домохозяйки были заняты выпечкой и приготовлением другой праздничной пищи, красили пасхальные яйца [14:145].

Пасха		Ыджыд лун		
	1993	1994	1995	1996
Ст. ст.	5 апреля	18 апреля	10 апреля	1 апреля
	1997	1998	1999	2000
Ст. ст.	14 апреля	6 апреля	29 марта	17 апреля

Наконец наступает Пасха. После полунощной службы, с 12 часов по местному времени при пении «Воскресение Твое, Христе Спасе...» совершается крестный ход вокруг храмов, затем начинается утренняя (утренняя служба). В коми церквях к торжественной службе храмы украшались еловыми лапами, расположенными на стенах и брошенными на пол. В церковных оградах представлялись горшки с горящей смолой. Во время пасхальной службы происходило освящение куличей, крашенных яиц, которые получали после этого, якобы, магическую силу и сохранялись на божнице для чрезвычайных случаев. Так, удорские коми верили, что брошенные в огонь во время пожара пасхальные яйца предотвратят его дальнейшее распространение. Магическую силу приписывали и огаркам пасхальных свечей, которые зажигались потом во время сильных гроз и для облегчения трудных родов [14:145—146]. Об использовании пасхальной просфоры в посевной обрядности коми мы уже рассказывали.

Обычай крашения яиц на Пасху пришел к коми, вероятно, с христианством и стал традицией достаточно давно. По крайней мере, уже в конце XVII в. государст-

венный чиновник, проезжающий по территории Коми края отметил: «Когда мы туда приехали, повсюду шло большое веселье по случаю Пасхи, и повсюду женщины подносили нам красные янчки» [22:65]. Поскольку куроводство у коми в прошлом практиковалось мало, то общепринято было при недостатке куриных яиц готовить к Пасхе «косрысь» (букв. сухой творог) — колобки в виде церковных белых просфор из творога, замешанного на масле и сметане [75:22].

В ночь на Пасху, по поверьям коми, злые духи и их пособники — колдуны, как и в ночь на Великий четверг, были особенно активны. Чтобы отпугнуть злые силы, в эту ночь стреляли из ружей, а в сысольской деревне Жу́д в начале этого века молодежь вела стрельбу даже из самодельной мортиры [84:131]. В с. Гам на Вычегде верили, что благодаря стрельбе из ружей в пасхальную ночь летом будет меньше медведей в лесу [14:146]. Колдуны в эту ночь, якобы, опять залезали на колокольни и грызли там колокол. В первый день Пасхи у коми молодежи одним из развлечений было залезание на колокольню, чтобы посмотреть, не остались ли на колоколе следы зубов.

Также у коми было принято в пасхальную ночь жечь огромные костры, чаще всего бочки со смолой, на берегах рек, либо на возвышенностях [7:58]. Считалось, что эти костры тоже распугивают злых духов. Обычай жечь пасхальные костры из смоляных бочек был широко распространен и у других народов. У русских повсеместно такие же костры жгли сначала на Масленицу, а потом на Пасху. Были приняты масленичные костры также у болгар, сербов, черногорцев, хорватов и других народов [70:16, 36, 116]. Несомненно, что в прошлом возжигание костров во время весенних календарных празднеств отражало, прежде всего, идею победы возродившегося солнца, пробуждения природы.

В первый день Пасхи на заутренней некоторые коми охотники и рыболовы после приветствия священника: «Христос воскрес» вместо обычного «Воистину воскрес» произносили наименования особо ценных зверей, птиц и рыб, надеясь благодаря этому получить удачу в промыслах на год [1]. Этот пример особенно ярко подтверждает, что у коми некогда весенние обряды посвящались прежде всего возрождению природы, пробуждению ее плодородных сил, возобновлению популяций диких зверей и птиц, успешному весеннему нересту рыб. Такие весенние обряды широко были известны у

сибирских народов с охотничье-рыболовецким хозяйством.

Как и повсеместно на Руси, во всех селениях Коми края к Пасхе сооружались качели — универсальный символ цикличности годовых природных процессов, циклического движения солнца и, наконец, цикличности времени вообще. Вверх — вниз — опять вверх, но уже с противоположной стороны... Жизнь — смерть — возрождение... Весна — лето, осень — зима... Солнце в полуденном максимуме — солнце зимой, невысоко над горизонтом... Трудно придумать другое, столь же наглядное средство выражения этой типичной для традиционных народных мировоззрений идеи цикличности всех происходящих в мире явлений.

Естественно, что парни и девушки, весело раскачивающиеся с шутками и прибаутками на пасхальных качелях, об их глубинной символике не задумывались. Для них это было просто веселое времяпровождение, связанное с праздником Пасхи, которое им очень нравилось. В одной из песен северных коми так образно описывается это развлечение:

«После Пасхи ль начну причитать у веселых

качелей,

Раскачаем мы ходкие качели, что на восьми

прямых жердях,

Раскачаем мы люльку четырехугольную».

(Ыджыд лунэ ббрья ке заведитла ббрэдные гажа

качай дорын,

Кбкъямыс емыс потшыс качайтам водкей качаес,

Нель пелес нин ке ми качайтам водкей потанес» [46:54].

Помимо качелей, популярным у коми молодежи пасхальным развлечением было «скакание на доске». На чурбак, положенный на землю, клали доску, так что ее оба конца свободно свешивались в разные стороны. На один конец доски вставал играющий, а на другой, приподнявшийся вверх — резко вспрыгивал его сотоварищ. Это простое приспособление позволяло совершать достаточно высокие прыжки, во время которых парни демонстрировали свою ловкость и акробатические способности.

Как и у русских, в день Пасхи у коми было принято ходить на кладбище. Но, в отличие от других поминальных дней (рödитель лун), трапезы на кладбище не устраивались. Угощение приносили исключительно для «родителей» — умерших родственников. После окуривания могил близких на них сыпали зерно, крошили пасхаль-

ные яйца, делали ямку и наливали в нее вино или пиво (суп) [14:146].

Весенний прилет птиц

В календарных приметах и поверьях коми, приуроченных к весеннему периоду, существенное значение уделяется таким природным явлениям, как прилет птиц и вскрытие рек ото льда. Из всех прилетных птиц, возвращающихся по весне в Коми край, только кукушка удостоилась «привязки» к весеннему календарному празднику — Николе вешнему. Тем не менее, прилет и остальных птиц не оставался без внимания.

Ранний прилет уток, по коми календарным приметам, сулит раннюю весну [51:268]. У прилетевших уток-чирков внимательно рассматривали спину вблизи крестца (хлуп). Если хлуп был белым — ожидалось ясное лето, красным — дождливое, с красными пятнами — непостоянное; передняя часть хлупа белая, а средняя и задняя — красные обещали ясное начало лета, а затем дожди. Кроме того, жители низких мест смотрели, как высоко от воды на берег забегали чирки после прилета. Считалось, что до того места вода и поднимется во время половодья [36:62].

Прилет птиц и вскрытие рек были в народных приметах взаимосвязанными событиями. В коми пословице говорится: «У трясогузки ноги тонки, но она ломает лед» (Сырчиклõн вõсни кокыс, дай йи чегъялõ). У ижевцев, невъичегодских и вымских коми вскрытие рек ожидалось на двенадцатый день после прилета трясогузки, у удорских — через два-три дня [51:38, 268]. У ижемцев с прилетом трясогузки связывали скорое потепление [64:284]. Близкое потепление и вскрытие рек, по коми приметам, обещал и прилет куликов-прибрежников. По прилету журавлей судили о погоде на лето: «Прилетели журавли на снег глубиной с пядь — летом на такую же глубину высохнет земля, прилетят на голую землю — будет дождливое лето» [51:81].

Ледоход

Вскрытие рек было незаурядным событием годового природного цикла в жизни северных крестьян. Реки и водный транспорт были основным средством сообще-

ния в условиях типичного для Коми края бездорожья. Лов рыбы во время весеннего нереста позволял существенно разнообразить оскудевший к концу зимы рацион питания. Не случайно в коми поговорке подчеркивается: «Река откроется — еда переменится» (Ва воссас — сёян вежсяс) [76:25]. Дата вскрытия рек в Коми крае весьма непостоянна. Например, р. Сысола в первой половине прошлого века вскрывалась чаще всего в апреле (по ст. ст.), но 6 раз — и в первой трети мая. Причем, самое раннее вскрытие Сысолы было 4 апреля (ст. ст.) в 1836 г., а позднее — 8 мая (ст. ст.) 1855 г. [29]. Реки в южных районах края, естественно, освобождались ото льда раньше, чем на севере. Но во всех районах Коми края это событие было долгожданным и радостным.

С ледоходом у коми был связан целый ряд календарных примет:

«Гром до ледохода — будет «медвежий» (трудный) год».

«Если лед на реке пройдет в день скоромный, т. е. воскресенье, вторник, четверг и субботу, то лето будет молочное (по удоям молока), если в среду или пятницу, то будет изобильно ловиться рыба».

«Если весной по реке лед идет тихо и с большими расстановками или истаивает на месте, то для народа весну и лето ожидают тяжелыми».

«Если во время ледохода на берегу остаются глыбы льда, будет трудный год».

«Если в ледоход закраина льда остается высоко — большая вода будет».

«Если курица попадет весною на льдину, то будет хороший урожай на ячмень» и др. [23:12; 36:61; 51:269; 64:285; 62—111:231 об.].

У первой выловленной после прохода льда щуки внимательно рассматривали печень. Если печень была целиком красная, считалось, что лето будет плохое [7:66]. Если печень у щуки была толще с верхнего конца, то лучше предполагался ранний посев яровых, была толще середина — средний, задняя часть — поздний посев [36:62].

У ижемских коми в прошлом существовал народный календарный праздник «Проводы льда». На высоком берегу Ижмы собиралось все население и, когда начинался ледоход, проплывающий по реке лед провожали причетом, в котором оплакивался нерукотворный мост, верно служивший всю зиму людям:

«Тот, который неругаемый,
Тот, на который не кричат,
Ты уходишь!
На тебя никто не ругался, не кричал,
Милый мост!»
(Вомоотэм, гороотэм,
Сэссия тай мунал!
Оз никод вомоо ни гороо,
Маде поске!) [60:2].

О том, как весело отмечался праздник проводов льда, красочно рассказывается в популярной прежде на Ижме лирической песне-импровизации:

«Лед идет по Ижме,
На берегу много девиц,
Они весело поют,
Молодцы играют
На гармошке
Да на разные голоса.
Румянолицые,
Светлолицые,
Голоса звонкие.
Много девиц собралось,
Девицам весело,
Красавицам,
Счастливицам.
И играют они,
И поют они,
Веселятся очень
В молодую пору,
В счастливое время,
В веселую пору» [46:150—151].

Праздники в честь вскрытия рек отмечались прежде также у коми-пермяков и удмуртов [69:260], сохранившись, по всей видимости, еще со времени язычества.

ЛЕТО КРАСНОЕ

Вознесение

Следующий за Пасхой подвижной православный праздник, также двенадесятый — Вознесение Господне. Поскольку Иисус Христос, согласно его библейской истории, вознесся на небеса на 40-й день после воскресения, он празднуется христианской церковью на сороковой день после Пасхи. В календарной обрядности коми этот православный праздник, несмотря на его религиозную значимость, какого-либо существенного отражения не получил.

В календарных приметах с Вознесением связывается цветение черемухи, и коми девушки пели:

«В пору Вознесения ведь у меня
Цвет черемухи».
(Вознесения дырся пö вöд менам
Льöм дзоридз цветöй) [52:70].

В некоторых местах Коми края вплоть до Вознесения молодежь продолжала кататься на пасхальных качелях.

Несущественное значение уделялось Вознесению в календарной обрядности и у русских. Дело в том, что через 10 дней после Вознесения, или уже через 50 дней после Пасхи (Христово Воскресения), отмечается другой двенадесятый православный праздник — день Святой Троицы или же Пятидесятница.

Праздник святой Троицы установлен в честь сошествия на учеников Иисуса Христа Духа святого, после чего они стали славить Бога на разных языках, которых до того не знали. Пресвятой Троицей этот праздник называется в знак того, что с этого дня раскрылось миру

действие всей Пресвятой Троицы, и люди научились поклоняться и прославлять три лица единого божества: Отец и Сын и Святой Дух.

Непосредственно перед Троицей, в седьмую после-пасхальную неделю, как и у русских, в четверг (Семик), а чаще в субботу (Семик суббѳт) у коми был поминальный родительский день. В этот день из каждого дома хоть кто-нибудь должен был посетить могилы близких. У коми было принято являться на могилы обязательно с каким-нибудь кушаньем (рыбным пирогом — черинянь, вареным мясом, яйцами и др.). Старались донести пищу еще горячей, поскольку верили, что паром от нее питаются умершие. В могиле делали небольшое углубление и «угощали» умерших, наливая туда пиво или вино [20—1:48]. В какой-то мере эта традиция сохраняется и сейчас, но посещение могил близких происходит в день самой Троицы.

После посещения кладбища в «Семик суббѳт» поминки по умершим продолжались по домам. На них приглашались все родственники, за столом рассаживались по степени родства, причем женщины отдельно от мужчин. После того как «родители» были помянуты (вошѳдасны), принимающие участие в поминальном обряде приступали к трапезе. В конце поминок исполнялись похоронные плачи, но запрещено было начинать причитания до того, пока со стола не исчезнет поминальное угощение [47:12].

День Святой Троицы, Пятидесятница

	1993	1994	1995	1996
Ст. ст.	24 мая	6 июня	29 мая	20 мая
	1997	1998	1999	2000
Ст. ст.	2 июня	25 мая	17 мая	2 июня

Как и у русских, Троица и троицкая обрядность олицетворяли у коми весенний расцвет природы, а обязательным символом его выступала свежая зелень молодых березок. Не случайно в свадебном фольклоре коми невеста сравнивает себя именно с троицкой березкой:

«В Троицу да мое
Цветение в пору
Распускания березы».
(Троица дырся да менам
Корѳсь кор да цветѳй) [52:66].

Повсеместно в коми селениях на Троицу привозили из леса молодые березки с пышными зелеными ветвями и сажали их перед окнами домов. На Печоре перед окнами было принято сажать по три деревца, на Выми березки в два ряда ставили и вдоль улиц. На Удоре, в Прилузье и вымских селениях высокую пышную березу ставили еще и в центре деревни, а также и на лугу. Дерево украшали разноцветными лентами «бумажными цветами, колечками из бересты. Вокруг разукрашенных троицких берез молодежь водила хороводы, исполняя коми и русские круговые песни, устраивала у них игры в мяч, чижика и т. д.

Березки побольше привозили также в церкви, после освящения их ветви раздавались прихожанам. «Троича рос» (троицкие ветки) хранили за божницей, их использовали в обряде первого выгона скота, на Удоре освященные ветки березы вкладывали в носик подоюника при процеживании первого молока, надоенного после отела коровы. На верхней Вычегде троицким веником хлопали по углам дома для благополучия всех домочадцев [14—147—148; 7:58—59]. Освященными березовыми ветками хлопали маленьких детей, приговаривая при этом:

«Быдмӧ, быдмӧ,
Кыз кыз быдмӧ».
(Растите, растите,
Как береза растет)

В д. Онежье на Выми на Троицу маленьких детей заворачивали в пеленки и несли в баню. Открыв дверь в баню, произносили: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа!» Затем ребенка парили, приговаривая:

«Пусть корни вглубь,
Пусть листья вверх,
Цвести, как листья веника,
Пусть твое тело будет белым,
Пусть твоя кровь будет чистой,
Овце кашель,
Свинье чесотка,
Медведю болезнь».
(Уулань вужйооны,
Выылань корйооны,
Корӧсь корйыс моз цветитны,
Еджыд медым тэнад яйыд лоо,
Югыд медым тэнад вирыд лоо,
Ыжлы кызӧм,
Порсьлы лудӧм,
Ошлы висьӧм) [43:48].

В печорских коми селениях пожилые люди в Трои-

цу ходили друг к другу в гости, а молодежь шла веселиться на берег реки или сухое возвышенное место, прогуливалась с песнями под гармошку по улицам, устраивала танцы и игры. На Сыsole девушки ходили в этот день в лес, захватив с собой продукты (яйца, молоко, масло), готовили из них себе еду под выбранной березой, а после трапезы водили хороводы, пели песни под гармонь.

В коми селениях на Вашке к Троице был приурочен самобытный обряд под названием «азьла мынтõм» (с удорского диал. — букв. луговая плата, отплата). Суть этого обряда была в том, что на Троицу все вышедшие с начала года замуж молодые должны были устраивать коллективные угощения. Причем угощения (шаньги, пироги, курники) готовили их матери. «Азьла мынтõм» проходили на каком-либо открытом ровном месте. В Важгорте собирались за селом на лугу, который так и назывался «азьла луг». Угощение раскладывалось отдельно для молодежи, для мужчин, женщин, стариков. В Чупрово же угощались иначе: молодые вставали в круг и, взявшись за руки, с песнями медленно начинали водить хоровод. Их матери стояли внутри круга и через головы дочерей разбрасывали присутствующим выпечку. После угощения устраивались состязания молодых в проворстве. Участники «азьла мынтõм» становились в два ряда лицом друг к другу, образуя проход, по которому бежали по двое молодые. Им старались всячески помешать, подставляли подножки. Каждая из молодых женщин старалась пробежать, не споткнувшись, и как можно быстрее.

По мнению этнографа Н. И. Дукарт, этот обряд у удорских коми «берет истоки еще в патриархально-родовом строе, когда браки чаще всего совершались убегом, и эта форма брака дольше всего практиковалась именно на Удоре. При этом невеста не приносила в дом жениха никакого приданого. «Азьла мынтõм», по всей вероятности, своего рода умиловление членов общины родственниками невесты за отсутствием приданого» [14:148].

У коми-ижемцев в селениях по р. Усе на Троицу разыгрывалась народная драма «Кострома». Ряженого Костромой, для чего на одного из парней навешивали пучки травы и соломы, с прялкой в руках усаживали на чурбак. Остальные участники становились в круг и затевали вокруг Костромы хоровод с песней: «Костромушка прядет, Иван-дремля дремлет. Далеко ли Кострома?»

Неожиданно Кострома вскакивал, сбрасывал с себя наряд из трав и соломы. Все разбегались, а Кострома старался догнать и поймать [42:53].

В некоторых селениях на Троицу устраивались крестные ходы. Так, например, жители с. Гам (Усть-Вымский р-н) в этот день с иконами и хоругвями, во главе со священником обходили луга и поля, на которых стояло 12 памятных крестов. Около каждого из крестов служился молебен. Женщины после завершения крестного хода жертвовали по обету в пользу церкви вязаные изделия, женские носильные вещи. Потом эти вещи продавались на торгах, а деньги шли в церковную казну [14:148].

Троица завершала весенний календарно-обрядовый цикл, связанный с подвижной частью православного календаря у коми.

Петров пост

Петыр видз

Через неделю после Троицы у православных начинается многодневный Петров пост, называемый так потому, что продолжается он вплоть до Петрова дня (дня первоверховных апостолов Петра и Павла), т. е. 29 июня ст. ст. (12 июля н. ст.). Продолжительность этого поста зависит от того, насколько ранней была в году Пасха, и колеблется от восьми дней до шести недель. В годы, оставшиеся до конца этого столетия, наиболее продолжительный Петров пост — пять недель будет для верующих в 1999 г., а самый короткий — 15 дней в 1994 г. Продолжительные «петровки», как называют этот пост в народе, тяжелым бременем ложились на крестьянские плечи, поскольку сразу же после него начинались основные страдные работы, а питание во время Петрова поста было особенно скудным из-за того, что остатки урожая прошлого года к этому времени уже иссякали почти у всех.

В заговенье Петрова поста, т. е. в воскресенье перед его началом, повсеместно проходили луговые игры. Для их проведения были излюбленные молодежью места. Например, усть-вымская молодежь переезжала в лодках через реку и проводила игры на обширном зеленом лугу при слиянии Выми с Вычегдой [18:74]. Наряду с молодежью в луговых играх накануне «петровок» у коми обязательно участвовали все молодницы, вышедшие замуж в этом году. Они выходили на луг, бегали там

наперегонки, а затем одаривали свою родню, а также посторонних подарками, которые назывались «дань юр дон» (цена головы). Если какая-либо молодлица не уплачивала эту дань, то ее изображение рисовали на сосне или столбе, расположенных там, где бывает много народа, и впоследствии издевались над ним [74:880].

Парни и девушки в этот день обязательно играли в «Витас». Суть этой игры заключается в следующем. Молодежь разбивалась на пары, парень с девушкой брались за руки или за два конца носового платка. Спинами к ним вставал водящий и приказывал первой из пар: «Бегите». Парочка убегала, продолжая держаться друг за другом. Вслед за ними бросался водящий и, если он их догонял, то «салил» юношу, после чего водящим становился он. Игра продолжалась до тех пор, пока не пробегала последняя пара.

Луговые игры были основным досуговым развлечением молодежи в летний период. Начиная с Троицы, они проводились по воскресеньям практически в каждой деревне. В престольные праздники «лудон ворсбм» (луговые игры) становились в некоторых ижемских селах всеобщим развлечением, в них участвовало и среднее поколение, пожилые приходили в качестве зрителей. Такими луговыми праздниками в дер. Гам была Троица, в с. Ижма — Ильин и Николин дни, в с. Сизябске — Духов день (понедельник после Троицы), в с. Мохча — Егорьев, Иванов и Петров дни.

У верхневыхегодских коми в заговенье на Петров пост было принято стрелять из ружей с берега Вычегды на другую сторону реки. Считалось, что после этого медведи и волки уходили в глубь леса и не тревожили скотину на пастбищах [23:12].

В вымских селениях в первый день Петрова поста совершался обряд «вынос соловья» (соловейос петкөдөм). Участвовали в нем девушки и женщины. Одна из них рядилась в старую рваную одежду, а остальные участницы обряда водили вокруг нее хоровод, распевая протяжные лирические песни. После каждой песни находившаяся в кругу женщина кланялась поющим. Завершался обряд проводами ряженой за околицу селения. При этом сопровождающие причитали и плакали [16]. Сходные обряды проводов весны были широко распространены и у русских [63:361—362].

У удорских коми на р. Вашка в пятницу первой недели Петрова поста (9-ю пятницу после Пасхи) в дер. Кривое (Кривой Наволок) широко отмечался праздник

Параскевы Пятницы. Пятница на Руси была почетным прозванием святой Параскевы (преподобной Параскевы Сербской), в честь которой было принято ставить часовни на распутьях, так как она покровительствовала путникам. В церковном календаре день Параскевы приходится на осень (14 октября ст. ст., 27 октября н. ст.), но у славян Параскева Пятница, оправдывая свое прозвание, как бы олицетворяла пятницу (пятый день недели) вообще. Девятая же пятница после Пасхи читлась у православных особенно: «Девятую пятницу от Воскресения Христова чествуй!» [10—3:554].

В первую пятницу Петрова поста в д. Кривое собирался народ, прежде всего женщины, со всей ближайшей округи, многие приезжали и издалека. В деревянной часовне, сооруженной в деревне в честь Параскевы Пятницы, начинался молебен, собравшиеся славили святую, били земные поклоны перед ее иконой. После этого совершался крестный ход с иконами к реке Керью. Подойдя к реке, на берегу которой установлен памятный крест, участники шествия совершали омовение икон. Последней погружалась в воду икона Параскевы. После этого вода считалась освященной (вежа ва). Этой водой умывались, мыли детей, набирали с собой в специально захваченные сосуды. Некоторые даже купались (до Параскевы Пятницы купание было запрещено). Верили, что вода, освященная в день Параскевы Пятницы, обладает особой целебной силой. Другим названием этого праздника у вашкинских коми было: «Заветной лун висьысьяслön» (Заветный день больных). Празднование дня Параскевы Пятницы сохраняется в дер. Кривое вплоть до настоящего времени, но утратило свою массовость [79:123—124].

Завершив рассмотрение весеннего цикла календарной обрядности, возвратимся к стабильной части народного календаря.

День священномученика Дорофея

18 июня н. ст.

5 июня ст. ст.

У удорских коми, которые ввиду сурового климата завершали сев зерновых существенно позже, чем жители южных районов Коми края, существовала примета: «Если на Дорофея ветер южный, можно сеять еще три дня, а если северный — больше не сей». [51:270].

День преподобного Петра Афонского

25 июня н. ст.

12 июня ст. ст.

В русском народном календаре эта дата называется днем Петра солнцеворота — «Солнце на зиму, лето на жару». По коми народным приметам после солнцеворота начинают появляться лютики [31:214]. Это наблюдение подтверждает факт, что время астрономического начала лета фиксировалось в коми народном календаре, но, как и у других христианских народов, праздновалось это событие позднее — в Иванов день.

День пророка Елисея

27 июня н. ст.

14 июня ст. ст.

Елисеев день широко отмечался в прошлом в верхневычегодском селе Вольдино. В этот день жители села и гости из соседних селений совершали во главе с местным священником крестный ход по окрестным лугам и полям. Процессия с образами и взятыми из часовни небольшими колоколами обходила под их звон все луга и поля, останавливаясь около памятных крестов. У крестов стояли столы с различными яствами, обязательной считалась семга — ее приносили в дар святому Елисею. Отведав угощения, участники шествия отправлялись дальше. Считалось, что после благословления поля и сенокосы дадут хороший урожай [16].

Рождество Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна

17 июля н. ст.

24 июня ст. ст.

Как и у других христианских народов, цикл летней календарной обрядности у коми традиционно начинался с Иванова дня. Креститель Господа Иоанн, день рождения которого был в свое время приурочен к дате, близкой к астрономическому началу лета, является одной из центральных фигур в библейской истории Христа. Поэтому начало празднования перехода через летний календарный рубеж именно в этот день выглядит для верующих христиан вполне естественным. У православных народов ввиду погрешностей юлианского календаря день Иоанна Предтечи оказался со временем сущест-

венно отдаленным от даты летнего солнцестояния. Тем не менее традиции это не изменило.

У коми обязательным атрибутом празднования Иванова дня была баня, в которой парились накануне «Иван лун» свежими березовыми вениками. Как и в троицкой обрядности, здесь четко прослеживается вера в очистительную и продуцирующую (производительную) силу свежей зелени. До Иванова дня ломать березовые ветки на веники запрещалось, рациональным объяснением этого запрета служило утверждение, что до «Иван лун» листья березы еще клейкие. Помимо березовых веток, в ивановский банный веник брали веточки рябины, а также обязательно — цветущую купальницу. Мы уже отмечали, что у коми появление лютиков (купальница принадлежит к семейству лютиковых) было связано непосредственно с летним солнцеворотом, поэтому особое внимание к этому цветку выглядит далеко не случайным. Делали веники и из одной купальницы, ими устилали пол в бане, полки для паренья.

Баня накануне Ивана Купалы считалась особенно целебной. Во время купания детей их парили с обязательным исполнением наговоров на здоровье:

«Быть чистым, как рябина,
Цвести, как купальница,
Шириться, как березовый лист».
(Соспу моз состоммыны,
Купальнича моз четитны,
Корся киль моз паськавны).

Так приговаривали, паря детей ивановским веником, в с. Ыб.

На Удоре был записан такой приговор:

«Пусть крепнет и растет,
Как ивановская трава
Окрепла и выросла».
(Мед турзяс да бырзяс,
Кыдз ивановской турун
Турзьёма, быдмёма) [14:149].

У вымских коми были известны следующие наговоры:

«Как листочку веника тебе цвести,
Пусть белым станет тело твое,
Пусть светлой станет кровь твоя»
(Корось корйыс моз мед четитны,
Еджыд мед тэнад яйыд лоо,
Югыд мед тэнад вирыд лоо»)
«Ножки, ножки бегайте,
Книзу корни пустите,
Кверху листья распустите,

Чесотку — свиньям,
 Кашель — овцам,
 Болезни — медведям!
 Ножки, ножки, бегите,
 Тамаре и Галине
 Вырасти большими,
 Чтобы рослыми да хорошими стали!»
 (Кокб, кокб, пышй,
 Уулань вужйоо,
 Выылань корьёо,
 Порсьлы — лудом,
 Ыжлы — кызом,
 Ошлы — висьом!
 Кокб, кокб, пышй,
 Ыджыда быдмыны
 Тамаралы да Галиналы да,
 Мед ёна ыджыдось да бурось лооны!) и др.
 [47:7—8, 46].

У взрослого коми населения существовало убеждение, что ивановский веник очищал тело от всякой скверны, приобретенной в течение года, но при этом он как бы вбирал ее в себя, а потому сам становился нечистым. Поэтому отношение к нему было особенным. Некоторые сразу же после бани бросали веник на ее крышу, другие — надевали на колышек, воткнутый в землю [30:432]. Со специальными заговорами типа: «Все болезни через изгородь, колышки разойдитесь» (Став висьомысь потшёс-майог вылтис брызь-мун) ивановские веники развешивали также на колышках изгороди [16].

На Сысоле в с. Визинга с банными вениками в канун Иванова дня поступали иначе. После мытья в бане, веники из березовых ветвей и купальницы приносили на берег реки и бросали в воду, где было поглубже, со словами: «Это водяному». Те, кто не участвовал в этом архаическом обряде, давали свои веники другим с просьбой бросить их в воду тоже. После того, как все веники были брошены в реку, участники этого действия мыли в воде свои ноги — «чтобы водяной не утащил в воду». После этого на берегу разводился костер, и собравшиеся сидели у него до позднего вечера [84:73].

Кроме того, купальский веник, по представлениям коми, как бы приобретал особую магическую силу, позволяющую использовать его для гаданий о судьбе парящегося им. В большинстве случаев, как и на Святках, гаданиями увлекалась молодежь. Сразу же после бани молодые люди шли на берег реки, разводили там костры и бросали веники в воду, загадывая, что если веник потонет, то исполнится желаемое и наоборот [18:75]. Были и другие приметы: если веник утонет — смерть или

какая-нибудь другая беда в этом году; уплывет вдаль — будет свадьба, радость, веселая жизнь; прибьет веник к берегу — невыход замуж, жизнь без перемен [6:119]. Гадали с помощью ивановского веника и иначе. Выходя из бани, некоторые вставали к ней спиной и с размаху бросали веник через плечо. После этого смотрели, куда он упал: попал на крышу бани — к жизни, улетел в сторону леса — заблудиться в чаще, в сторону реки — утонуть.

Существовали и другие способы гаданий. На Выми в с. Серегово девушки гадали о судьбе, бросая в воду венки из цветов — этот вид купальских гаданий был очень популярен у восточных славян. В коми селениях на Печоре девушки гадали накануне Иванова дня, разбрасывая на ржаном поле бумажки с написанными на них мужскими именами. Считалось, что имя будущего мужа будет соответствовать имени, написанному на найденной первой записке [14:149].

Многие пожилые люди, особенно понимающие толк во врачевании, вечером накануне Купалы занимались сбором лекарственных трав. Считалось, что ивановский сбор лекарственных трав, состоящий из двенадцати их видов, помогает от всех болезней. У ижемских коми собранные целебные травы связывали в пучки и, чтобы увеличить их лечебную силу, в течение трех дней рано по утрам выносили на траву. Делалось это, чтобы «куим лысва чукортны» (собрать три росы). После этого лекарственные травы высушивали и хранили за божницей. Если кто-либо заболел, его лечили в первую очередь этими травами [14:149].

В канун Иванова дня также проводился интересный и архаический обряд — «Лудик петкөдөм» (Вывод клопов). На Удоре в дер. Вендинга он происходил так. В ночь на Иванов день приносили песок из трех разных мест и три сырых небольших чурбачка из речных наносов. Чурбачки высушивали, а затем сжигали в печи. Принесенный песок засыпали во все обнаруженные в доме щели. В это же время брали трех пойманных заранее клопов, привязывали к ним по нитке и вытаскивали из дома на улицу в направлении на восток. Затем клопов били тоненьким прутиком, приговаривая: «Клоп, мой гость, мое тело как кость. Моя кровь как слюна. Ты не ешь меня, ешь своего сына. Раб божий...» [84:326].

На верхней Печоре в с. Покча этот обряд избавления от клопов проходил несколько иначе. Находили самого большого клопа, привязывали его за «рога» (усики) к

нитке и начинали его тащить из избы. Тащивший клопа при этом причитывал: «Ох, красное солнышко, как жалко нам, но мы переселяем тебя, мы построили для тебя новый дом. Туда мы тебя и ведем. Там никто не убьет и не обидит тебя. Хоть и жаль нам, мы ведем тебя в новое жилище». Под это причитание клопа выводили под взвоз, ведущий на сеновал. Там его клали в спичечный коробок и оставляли. Во время всего этого обряда строго запрещался смех [65:133—134].

В с. Ыб на Сыsole клопов прогоняли следующим образом: их собирали в узелок, завязывали и выбрасывали с крыльца движением руки от себя со словами: «Откуда явились, туда же уходите», «Куда хотите, туда и убирайтесь» [46:11].

Оригинальная заклинательная песня, которой сопровождали изгнание клопов из избы у ижемских коми, была записана в дер. Новикбӧж:

«Клоп Хлопотович,
Тебя мы отправляем,
Чтобы ты назад не возвратился,
Впредь чтоб не пришел!
Немало нашего
Ты белого тела покусал,
Немало кровушки нашей
Ты высосал,
Прощай, прощай, со всем твоим семейством,
Со всеми твоими братьями-сестрицами,
Впредь не приходи,
Назад не возвращайся!» [46:52].

Празднование самого Иванова дня повсеместно в Коми крае происходило на лугах. Празднично одетые парни и девушки отправлялись на них собирать купальницу. Потом ее клали в рукомойники — чтобы быть здоровыми и красивыми, в подойники — чтобы коровы были дойные и не болели [30:432, 16]. Купальница была у коми как бы символом Иванова дня, а одновременно — молодости и расцвета. Это подчеркивается в коми песенной лирике:

«В Иванов день ведь у меня
Цветение купальницы». (Иван лун дырся пӧ менам дай
Купальнича цветӧй) [52:70].

Продолжался в Иванов день и сбор целебных трав, наряду с купальницей рвали и другие цветы, потом их высушивали и сохраняли до следующего года. Молодежь, собирая цветы, пела и устраивала пляски. В с. Брыкаланск на Печоре молодежь переправлялась в

этот день на остров близ селения, там собирали травы и играли в луговую игру «Дитяткаён ворсём» (Игра с дитем) или «Дитяткаён войлём» (Бег с дитем). Игра эта напоминает описанную выше луговую игру «Витас»: парни и девушки выстраивались парами, бежали по сигналу водящего, а тот их догонял. Но на этот раз условия для бегущей парочки были усложнены: парень и девушка бежали вместе с ребенком, то есть, собственно говоря, втроем [44:19—20].

В с. Помоздино на верхней Вычегде в Иванов день совершался крестный ход. Женщины разного возраста во главе с попом, держащим в руках крест, обходили «новины» — недавно разработанные поля и луга, где исполнялся молебен [16].

В ижемском селе Няшобёж и некоторых других селениях по средней Печоре существовал обряд прыгания через ивановские костры, широко известный почти по всей территории Европы. Любимым развлечением брыкаланской молодежи в этот день было также катание по реке в лодке с разожженным посередине ее огнем [44:19]. В других местах Коми края через костры на Ивана Купалу не прыгали.

В вымском селе Серегово 24 июня ст. ст. проходила Ивановская ярмарка, на которую съезжалось коми население со всей реки. Писатель Иван Шергин оставил красочное описание этой ярмарки, совпадавшей с отмечанием одного из главных летних праздников: «Ивановская ярмарка — это для зырянина «праздников праздник», которого он ждет не дожидается круглый год... На горе среди села «гостинный», около которого стоит невообразимая давка... Купцы-устюжане осаждаемых лавок буквально задавлены требованиями зырянок. На выручке навалены горы кусков ситца... Здесь кипит торговая жизнь, тогда как под горой на берегу Выми господствует чисто праздничное настроение.

Обширная отмель завалена на бок опрокинутыми лодками, расположенными рядами. Две лодки ставятся одна против другой, а сверху накрывается береста или еловая кора. Под устроенной таким образом крышей настилается солома...

Немного выше отмели на зеленом уклоне толпятся группами парни и девушки, разодетые в праздничные наряды. Издали краснеет море голов, украшенных разных цветов платками, но преобладает красный, с видами Московского кремля.

Трудно представить, как чувствует себя девушка ка-

кой-нибудь Синдорской деревушки, изолированной от мира сотней верст болотных топей, и раз в год попавшая в это мирное, беззаботное собрание юности...

На берегу сидят парочками, как на беседе... Звуки музыки несутся в глубь окружающих лесов, откуда изредка доносятся ответные «ку-ку», да прокричит стая уток, мелькнувшая над рекой...

Тихая светлая ночь идет незаметно. Беседа льется, не омраченная пьяными криками, бессмысленной частушкой... Ни тени злобы, ни слова ругани... Кто бы ни пришел на праздник, «хоть не хощь», а садись за стол. Здесь нет ни званных, ни избранных: оказывается всем одинаковый почет.

Возле лодок горят огни. Высоко вздымаются белые столбы дыма, растилаясь длинной пеленой над Вымью. Вот уж солнце поднялось из-за верхушек лесов, но беседа не умолкает: казалось, усталость и сон забылись.

Вот потянулись в гору телеги, нагруженные товарами, началась обычная ярмарочная суতোлка. На берегу толпа понемногу редет, молодежь скрывается под лодки, довольная, упоенная приятным, душу оживляющим весельем.

Я бывал у вымичан на праздниках зимой, осенью, но не испытывал той захватывающей силы, которую увлекает этот праздник юности зрителя» [80].

Помимо народных календарных обрядов, отмечающих переход через «макушку лета», преодоление очередного рубежа годичного календарного цикла находило у коми отражение в ряде суеверных запретов, связанных с Ивановым днем.

Так, до Иванова дня у коми не было принято купаться. Считалось, что провинившегося утащит «вакуль» — водяной дух. Существовало поверье, что если кто-нибудь разорит в «Иван лун» воробынное гнездо, то его бог накажет громом [23:11, 13]. Женщины старались выстирать все грязное белье до наступления этого праздника, поскольку после него воспрещался шум, производимый полосканием и колотьюбой белья. Детям после Иванова дня запрещалось скакать на досках и свистеть на дудках. Объяснялось это тем, что наступает время цветения ржи, и шум ей вреден. Если дети начинали свистеть, им говорили: «Не Ильин день, что шумишь, свистишь — хлеб замерзнет» [13:93].

Ко времени цветения ржи у коми относились и другие запреты. Например, на Вычегде бытовало поверье, что когда рожь цветет, нельзя собирать морощку. Если в

это время случался холодный северный ветер, то говорили, что кто-то, наверное, «тронул болото», т. е. принес морошку [67:168]. У печорских коми с началом цветения ржи была связана рыболовная примета: «Рожь зацветет, будет клевать хариус» [65:139].

По языческим представлениям коми, во время цветения и колошения ржи в ней обитал особый дух «пöлöзнича», который и оберегал ее. Цветок василек называли по коми «пöлöзнича син» — глаз пöлöзничичи. Само название этого духа происходит от имени русской хранительницы ржаных посевов, «полудницы» и является, по всей видимости, заимствованным. У коми-пермяков дух, который ходил по ржи и растил у нее колос, назывался «Вуншериха» (Луншериха). «Лун шöр» означает по-коми «полдень» [19:308].

День первоверховных апостолов Петра и Павла

12 июля н. ст.

29 июня ст. ст.

Апостолы Петр и Павел были наименованы христианской церковью первоверховными, как более всех потрудившиеся в проповеди веры Христовой. Оба они приняли мученическую смерть при римском императоре Нероне — первый был распят вниз головой, а второй обезглавлен.

В народных календарях многих народов нашло отражение сообщение евангелистов о том, что Симон Петр (второе свое имя апостол получил от Иисуса — по-гречески Петр означает «камень») был по профессии рыбаком. Вскоре после Воскресения Христова его ученики по его повелению ушли в Галилею и занялись там своими обыденными делами. Однажды Петр вместе с другими рыбаками всю ночь ловил рыбу в Тивериадском море (Генисаретском озере), но ничего не поймал. Утром перед ними явился Христос. «Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не смогли вытащить сети от множества рыбы» [Иоанн 21:6]. Всего в сети оказалось 153 больших рыбыны, «...и при таком множестве не порвалась сеть» [Иоанн 21:11].

Далеко не случайно поэтому, что у русских день Петра и Павла имел народное название день Петра-рыболова, а сам апостол Петр считался покровителем рыбаков [9:191]. У народа коми также Петров день счи-

тался днем, после которого можно начинать летний лов рыбы, а сам апостол (точнее оба апостола, поскольку они воспринимались в народе как одно лицо — Петр-Павел) был покровителем рыбаков. Отправляясь на рыбную ловлю рыбаки произносили: «Дай, Петр-Павел, рыбу» (Сет, Петыр-Павел, чери). Когда приносился в дом первый улов, то после того, как рыба была приготовлена и съедена, высказывалось пожелание: «Господи, Петр-Павел, дай рыбаку здоровья, да рыбы столько пудов и фунтов, сколько чешуи да косточек» (Господе, Петыр-Павелэ, сет чери кыйысьлы здоровье да лыысьбымыс мыдта пуд да тув чери) [4:89].

Не меньшее значение чем рыболовство, у коми имел охотничий промысел. По аналогии Петров день считался как бы и днем промысловиков. В ночь на день первоверховных апостолов охотники отправлялись в лес на поиски «Петрова корня» или же «Петрова крестика» — растения, называемого так потому, что его листья располагались на стебле крестообразно. Корешок этого растения хранился на божнице, а отправляясь на охоту, каждый промысловик прикреплял его рядом с нашейным крестом в уверенности, что он обезопасит его от всевозможных несчастий [20—1:25].

В день первоверховных апостолов заканчивался Петров пост. У ижемских коми существовал обычай устраивать накануне Петрова дня складчину — «петрушину». Молодежь, женщины среднего и пожилого возраста собирались в отдельные, в зависимости от возраста, группы, причем в молодежную входили и парни, и девушки, а в более старшие — только женщины. Устраивались «петрушины» у кого-нибудь в доме. Участники приносили с собой выпечку (шаньги, кулебяки и др.), пиво, вино и обязательно какую-либо крупу и сметану. Сметану сливали в маслобойку, взбивали из нее масло, а затем варили кашу со свежесбитым маслом. После коллективной трапезы начиналось веселье, продолжавшееся до утра. У русских устьицелёмов обычай варить кашу на Петров день назывался «петровщиной». Ее варила молодежь на лесных полянках, где парни и девушки собирались группами по пять-шесть человек, разводили костры и варили на них кашу из житного проса или ячменной муки на масле. После трапезы все собирались в условленном месте и до утра Петрова дня развлекались песнями, плясками и играми [14:150]. Был известен аналогичный обычай — варить петровскую кашу на природе — и ижемским коми. Назывался он также «петровщиной»

или же «варить петровщину» (пуоны петровщина). Молодежь, набрав продукты и прихватив с собой гармонь, отправлялась на луг, готовила там «петровщину» на масле, а после развлекалась песнями и плясками [44:19].

В Петров день повсеместно проходили луговые игры. В Усть-Выми молодежь опять переезжала на лодках на зеленый луг при слиянии двух рек, устраивала там хороводы и пела весь день песни [18:74]. В ижемских селениях в этот день устраивались праздничные шествия по улицам с песнями (вөрöмаён мунём).

В печорской деревне Усть-Кожва празднование Петрова дня сопровождалось оригинальной обрядовой игрой «Кострома». С раннего утра часов до пяти вечера молодежь в этой деревне развлекалась песнями и играми, после чего все собирались в условленном месте. Туда же приходили и остальные жители деревни, независимо от возраста, в качестве зрителей. Собравшись вместе, парни и девушки играли в круг, потом в «Витас» (бег парами). В это время появлялись человека четыре-пять парней в масках — «Костромы». Ставилась скамейка, «Костромы» садились на нее, а вокруг нее вставали девушки. Девушки водили хоровод, пели песни и спрашивали: «Далеко ли Кострома?» Из публики отвечали, что Кострома сейчас за десять, пятнадцать или двадцать верст. Девушки продолжали петь до тех пор, пока на их вопрос кто-нибудь из публики не отвечал: «Вот Кострома, пришла, сидит». Тогда девушки становились в круг рука об руку, так чтобы «Костромы» не могли убежать, а собравшиеся зрители начинали стегать их вицами. «Костромы» всеми силами старались при этом вырвать вицы, а добившись в этом успеха, начинали сами стегать всех, кто подвернется под руку. Забава эта продолжалась около часа, после чего с песнями собравшиеся расходились. Считалось, что этой обрядовой игрой совершаются проводы весны, а ударами вицей стегалась суровая зима [17:5—6]. Название этой игры, по всей видимости, было заимствовано у русских, но сама по себе она оригинальна. У русских празднование «Костромы» заключалось в бросании в воду соломенного чучела — похороны «Костромы». Либо одну из девушек выбирали на роль Костромы. Другие девушки с песнями относили ее на доске на реку. Там Кострома «пробуждалась», и все девушки купались. Происходило это празднование в понедельник или воскресенье Всесвятской недели (неделя Всех святых — первая неделя

после Троицы), т. е. входило в цикл троицкой обрядности [63:357].

В печорских селениях к Петрову дню был приурочен и другой архаический обряд — «Похороны клопов». Если с помощью описанного выше обряда «Проводы клопов» от этих вредных насекомых пытались избавиться, проводив с честью и похвалами одного или нескольких из дома (часть унесет целое), то в «Похоронах клопов» эта же идея реализовывалась несколько иначе. В деревне Усть-Кожва хоронили клопов так. Обряд этот происходил накануне Петрова дня и был публичным. Собирались все желающие извести у себя в доме этого паразита: старики, старухи, молодухи, ребятишки. Приносили двадцать семь (магическое число — три девятки) клопов, пойманных заранее, и завязывали их в три узла по девять клопов в каждом. Узелки с клопами складывали в «гроб» — старые коты (кожаная обувь), а коты привязывали к кочерге. После этого с веселыми песнями кочергу с клопами в «гробе» несли на кладбище для похорон. В исполняемых при этом песнях говорилось о кровожадном враге — клопе. Хоронили клопов по очереди, последнего — двадцать седьмого уже под вечер, когда начинало темнеть. После завершения похорон клопов их оплакивали [17:6].

В печорской деревне Денисовка был записан такой импровизационный текст заклинательной песни, которую исполняли во время обряда «Похорон клопа»:

«В четырехугольных уютных домах прижился ты, Клоп,
Тебя однако хотим мы отправить прочь со всей твоей родней,
Со всей родней мы Клопа Клоповича отправить хотим,
Со всеми братьями-сестрицами Клопа Клоповича мы отправляем,
По три девятки вас соберем в коробку,
Закопаем мы вас в сырую землю, в могилу,
Со всей вашей родней захороним, со всем вашим родом-племенем,
Со всей семьей захороним Клопа Клоповича, с братьями-сестрицами.
В жилье новое отправим навеки,
Мы Клопа похоронили, чтоб впредь ему не выйти,
Мы Клопа похоронили, чтоб назад ему не возвратиться,
В сырую землю закопаем, чтобы не вылез ты оттуда,
Чтоб твое большое племя, твои братья и сестрицы
Не могли бы расплодиться» [46:52].

По фенологическим приметам народа коми Петров день был связан с земляничным цветом. В свадебных причетах невеста, вспоминая свою девичью жизнь, метафоризирует:

«В Петров день да мой
Земляничный цвет».

(Петыр лун дырся да менам
Кисьмём оз тусь чветбй) [52:66].

Связь дня первоверховных апостолов с земляникой существовала и в русском народном календаре, с Петрова дня разрешался сбор этой ягоды [3:87].

Считалось, что если в Петров день не будет дождя, то его не будет до Прокопия. Дождь в этот временной промежуток был крайне нежелателен, поскольку начинался период активного сенокоса. По коми народным поверьям, до Петрова дня нельзя было брать в руки косу. Если была необходимость в заготовке зеленого корма до этого дня, то траву не косили, а срезали серпом [82:78].

Заготовка сена была одной из важнейших сельскохозяйственных работ. Еще во время «петровок-голодовок» (Петрова поста) приводился в порядок инвентарь, женщины и девушки выходили на покос одетые по-праздничному. Перед выходом на луга в церквях начало страды благословляли священники. В первый день сенокоса женщины, чтобы не болела спина, привязывали к поясице клочок сена и произносили заговор:

«Господи, дай здоровья для работы
Да помоги собрать душистого сена».
(Господи, отсав уджавны дзоньвидзаэн
Да веж турун чукартны) [4:90].

У вымских коми на сенокосе было принято заставлять публично купаться в реке молодоженов, если они отказывались, то их затаскивали в воду силой [75:28]. В селе Ёртомe на реке Вашке во время сенокосной страды на отдаленных покосах существовал обычай делать «нетсу». Если среди косцов были молодожены, то молодую просили сварить в большом котле сильно промасленную кашу. Затем молодой муж, или по его просьбе кто-нибудь другой, взбирался на ель, обрубал сучья у ее вершины и обертывал это место берестой или жестью. После этого все косцы — в избушках на дальних сенокосах по малым рекам обычно жило во время страды 10—15 человек — ели приготовленную молодой кашу. Каждого из них молодая, называя по имени-отчеству, просила отведать это блюдо. Если молодожены не исполняли данного обычая, их могли наказать — нарисовать на дверях избы фигуру человека вверх ногами [54:101]. Аналогичный обряд, называвшийся «новизно», существовал в прошлом у русского населения на Мезени. Молодуха, выезжая первый раз на полевые работы, должна была приготовить угощение мужчинам и жен-

щинам, выехавшим вместе с ней. В честь молодой делалась «залазь» — у ели недалеко от вершины срубалось несколько ветвей [12:33].

Явление иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани
(день Казанской божьей матери)

День великомученика Прокопия; праведного Прокопия, Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца; праведного Прокопия Устьянского (Прокопьев день)

21 июля н. ст.

8 июля ст. ст.

Прокопьев день (Прокопий лун) отмечается через две недели после Ивана Купалы. В некоторых селениях Усть-Сысольского уезда в канун этого праздника было принято париться с повторением ивановских наговоров: «Святая рябина, святая купальница и святой папоротник». После бани все веники развешивались на кольях изгороди. В последствии каждый из парившихся в этот день следил за состоянием своего веника. Если он долго не изменял свой цвет, то владелец веника мог рассчитывать на хорошую жизнь до конца года. Веник вскоре чернел — признак несчастья, падал на землю — ожидает скорая смерть [20:75].

В вычегодском селе Корткерос в Прокопьев день варили общинное пиво. Выбранные для этой цели три-четыре человека ходили по домам и собирали муку, из нее приготавливали «сур» (пиво). У церкви приносили в жертву двух-трехгодовалого быка. После молебна мясо, сваренное в котлах, разрезали на куски и раздавали присутствующим. Отведав мяса, все собравшиеся у церкви шли пить пиво.

В селе Помоздино в этот день проводился крестный ход по селу, затем обходили луга и поля, благословляя их, чтобы был хороший урожай. С собой участники хода, помимо крестов и икон, брали различные продукты — потом они шли в пользу священника, а часть раздавалась бедным. Устраивался крестный ход в этот день и в других селениях.

В печорском селе Покча «Прокопий лун» праздновали три дня. Возникновение этого обыкновения объяснялось народной легендой, в которой говорится: «Когда-то день Прокопия в нашем селе не отмечали, ходили на работу, но однажды в этот праздник случился пожар —

начали гореть дома. Все население во главе с попом, который нес образ Прокопия, вышло на улицу, и пожар сразу же начал затихать, а затем и прекратился. Дали обет не работать три дня, но скоро об этом забыли. И вот опять новый пожар — загорелись посевы на поле. Опять вышли с образом Прокопия, и пожар опять потух. И с тех пор уже никто не выходил на работу три дня» [7:60].

По фенологическим приметам коми к Прокопьеву дню поспевают морошка. В девичьих свадебных причитаниях говорится:

«В Прокопьев день моя
Морошка — спелая ягода»
(Прокопей дырся да менам
Кисьмём мырпом цветой) [52:66].

По урожаю морошки пытались предугадать урожай зерновых: «Если морошки много уродится, хлеб созреет преждевременно» [51:109]. Существовала народная примета, что если на Прокопия не будет дождя, то его не будет до Ильина дня [16]. Считалось, что после Прокопьева дня становится значительно меньше оводов, которые особенно досаждают людям во время сенокоса. В коми народной присказке говорится: «Однажды разговаривали овод, комар и мошка. — Овод, ты когда домой полетишь? — Я в Прокопьев день пообедаю и полечу домой. Я людям не буду долго досаждать. А, комар, ты когда? — А я подожду до Ильина дня. В Ильин день пообедаю и тоже отправлюсь домой. — Мошка, маленькая мошка, ты когда отправишься? — А я не вдруг еще отправлюсь, подожду до тех пор, пока репу уберут, пока холода не наступят» [32:106].

В северных районах Коми края и у обских коми с Прокопьева дня начинался сенокос, у южных коми он уже был в самом разгаре. В ижемской трудовой песне, исполняемой на помочах, отмечается: «Я осталась, как сметанное в стоге сено в Прокопьев день» (Прокопей дырря кольли сюртэм турыныс койд) [46:47]. То, что в это время трава в самом соку, подчеркивается в песенной лирике и у вишерских коми:

«В Прокопьев день ведь у меня да
Зелена трава»
(Прокопей дырся пö вöд менам да
Веж турин цветой) [52:70].

Завершалась сенокосная страда лишь к Ильину дню. После окончания стогования произносились заговоры для защиты собранного сена от воров и огня:

«Ни вору, ни врагу не поддавайся,
Чтоб самому мне привезти»
(Вёрлы ни враглы ин сетчи,
А мед аслум вайны).

Или:

«Покосный луг закончили...
Господи, береги от огня и воды,
Стог, дождись нас на лошади с санями»
(Видз кок ори...
Господьё, видз биысь и ваысь,
Сабриё, виччысь вёлён-дойдйён) [4:90—91].

В честь окончания сенокоса варилась обрядовая каша «чомёр». Для приготовления этого праздничного блюда вначале растапливалось масло, с ним перемешивали ячменную муку и обжаривали ее на огне. После этого горячей водой из котла жареную с маслом муку разводили до необходимой густоты. Если воды было немного, получалась густая, приторная каша (сук рок), налито воды побольше — менее жирная каша. Из той же муки, обжаренной с маслом, готовили также «печенича» (печенье). Для этого из муки, разводя ее холодной водой, ставили густое тесто. На доске раскатывали его с мукой в колобки и калачи, которые жарили потом на еловых дощечках у костра. Выпечку разламывали на мелкие куски и еще раз обжаривали в котелке с маслом, которого брали с избытком. Если имелся в наличии сахар, то в котелок добавляли его [75:15—16]. На Удоре обрядовая каша в честь окончания сенокоса называлась «косаа рок» (каша косы), готовили ее тоже из ячневой муки на масле.

ОСЕНЬ — КРАСА ЗЕМЛИ

День мучеников Кирика и Иулитты

28 июля н. ст.

15 июля ст. ст.

День Кирика и Улиты был обетным праздником в с. Жешарт. По преданию, некогда в верхнем конце села вспыхнул пожар, сгорели посевы ячменя, чуть не сгорело сено. После того как жители вышли на улицу с иконой Кирика и Улиты, пошел дождь и пожар угас.

По традиции в этот день в Жешарте прежде устраивался крестный ход от часовни к памятному кресту [16].

День пророка Илии

2 августа н. ст.

20 июля ст. ст.

Ильин день (Илля лун) является одним из наиболее значительных среди православных церковных праздников как по числу различных поверий и хозяйственных примет, связанных с ним, так и по приуроченным к нему народным обрядам. Одно из ведущих мест в христианском пантеоне занимает, по народным представлениям, и образ Ильи-пророка. Считается, что в ведении Ильи находится небесная влага. Он может наслать засуху или, напротив, ливневые дожди, град; Илья — грозный хозяин грома и молний, которые являются его карающим оружием.

Согласно религиозным легендам, Ильей (Илия — букв. «божья сила», «божья крепость») был назван сын некоего Саваха, жившего в городе Фесвит в стране Га-

лаадитской (Палестине). Перед его рождением отцу было видение: «Белообразные мужи разговаривали с младенцем, пеленали его огнем и кормили его, влагая в уста его пламень огненный». Служители храма божьего в г. Иерусалим, куда отправился встревоженный Савах, разъяснили ему, что это пророчество предвещает младенцу славную судьбу: «И жизнь его будет благоуходной Богу. И будет судить он Израиль оружием и огнем» [53:4].

Предсказанию было суждено исполниться. Как гласит Библия, Илья успешно боролся во славу Божию против попытки насаждения среди еврейского народа служения древнему финикийскому божеству Ваалу, которое было возведено в Израиле царем Ахавом (876—854 до н. э.) на уровень официальной религии [3 Цар. 16:31 и дал.]. Вначале пророк предсказал Ахаву засуху по всей земле: «...не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову» [3 Цар. 17:1]. Жестокая засуха продолжалась три года, наступил сильный голод. Наконец Илья по слову Господню послал Ахаву известие, что он вернулся, и велел собрать всех пророков Вааловых. Перед собравшимся народом Илья устроил состязание с Вааловыми жрецами. Вначале жрецы, возложив жертвенного тельца на дрова, с утра до самого вечера безуспешно обращались к Ваалу с просьбой послать огонь небесный и возжечь дрова. Затем Илья сделал из камней жертвенник, окружил его рвом, положил на камни дрова, а на них тельца. Жертву и дрова по просьбе Илья полили водой, которая заполнила и ров. После чего Илья воззвал к Господу [3 Цар. 18:1—37]. «И ниспал огонь Господень и пожрал всеожжение, и дрова, и камни, и прах, и поглотил воду, которая во рве» [3 Цар. 18:38]. Проигравших состязание пророков Вааловых Илья заколол и, простив всех прочих сомневающихся в истинной вере, прекратил засуху — «отворил небеса» [3 Цар. 18:40—45].

Поскольку идолопоклонство продолжалось и после этого чуда, сотворенного Илеей, пророк предсказал царю Ахаву гибель, что неотвратно исполнилось [3 Цар. 22:37]. Далее Илья успешно сражался с посланными за ним воинами, вызывая на них с неба смертоносный огонь [4 Цар. 1:10—14]. Наконец, за верное служение Богу Илья-пророк был чудесным образом с помощью огненной колесницы взят на небо: «...вдруг явилась колесница огненная и кони огненные... и понесся Илия в вихре на небо» [4 Цар. 2:11].

Пересказанная нами библейская история ветхозаветного пророка Ильи хорошо объясняет причины особого отношения к нему в народной среде, особенно среди крестьян-земледельцев. К Ильину дню в основном заканчивается созревание хлебов, а после него начинается жатва. Как созревание зерновых, так и их уборка прямым образом зависят от погоды. Народные сельскохозяйственные календари не случайно содержат долгосрочные метеорологические прогнозы на этот период. Например, у коми существовали такие приметы: «От Крещенья до Афанасьева дня ясная погода — от Прокопьева до Ильина дня ведро; от Крещенья до Афанасьева дня выюга — от Прокопьева до Ильина дня дожди» [51:268].

Сам выбор времени празднования дня Илии Фесвятянина — Ильина дня, а возникновение этого праздника богословы относят ко II—III вв. н. э., был далеко не случаен. Именно в конце июля — начале августа наиболее часто гремят грозы, нередко с выпадением града, т. е. у хлеборобов существует реальная угроза градобоя или возгорания созревших уже хлебов от «огня небесного». Конкретная же дата праздника Ильи — через 27 дней после летнего солнцестояния, — по всей видимости, была определена согласно вере в магические числа (три девятки). В юлианском же календаре (по крайней мере, в этом и прошлом веках) Ильин день оказался на сорокодневном рубеже после летней солнечной фазы, что, несомненно, усиливало его восприятие в народных календарях как рубежной даты.

По народным представлениям коми, основанным на библейской истории Ильи, во время грозы грозный пророк ездит по облакам в своей огненной колеснице на вороных конях [6:119]. Существовало убеждение, что Илья вообще любитель ездить на лошадях. Поэтому, чтобы отдать пророку честь и почет, в печорских селениях в «Илля лун» устраивались конские выезды. Парни, девушки, нередко и старики, садились верхом на лошадей и разъезжали с песнями по улице до десяти человек в ряд [17:6]. Существовал обычай кататься в этот день на лошадях и в других местах: в Прилузье, на Выми, Удоре и Ижме.

У удорских коми Илья-пророк считался защитником скота от медведей. В то же время существовало поверье, что если пойти в Ильин день в лес, то задерет медведь. В селе Чупрово Илью-пророка праздновали три дня. Существует легенда, что некогда именно в этот

праздник случилось массовое нашествие медведей на скот, избавиться от которого удалось лишь с помощью крестного хода с иконами пророка. Благодарные за это жители села и постановили праздновать день Ильи-пророка три дня [8:18].

Вполне вероятно, что и здесь мы имеем дело со своеобразным преломлением в народном сознании сюжета из библейской истории пророка. Точнее, сюжет этот связан с историей ученика и преемника Ильи пророка Елисея. Елисей присутствовал при чудесном вознесении Ильи на небо, после чего он отправился в г. Вефиль. «Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города и насмеялись над ним, и говорили ему: «иди, плешивый! иди, плешивый!» Он оглянулся и увидел их, и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка» [4 Цар. 2:23—24].

Аналогичной причиной можно объяснить и распространенное у коми убеждение, что Илья-пророк способен уберечь людей от болезней. В с. Вольдино в Ильин день в местную часовню в массовом количестве приносились дары пророку (головы семги и баранов, глухари и др.), обещанные ему ранее за то, чтобы он оберегал от заболеваний [16]. В Библии, правда, не говорится, что Илья был и целителем, но описан случай, когда он в благодарность одной вдове за предоставленный ему приют с помощью Господа воскресил умершего от болезни сына [3 Цар. 17:19—23]. У русских существовало убеждение, что если умыться ильинским дождем, то уберечься от болезней и порчи [10—2:41].

Трудно сказать, насколько оказал влияние на ильинские обычаи другой описанный в Библии эпизод — принесение Илей в жертву тельца с помощью небесного огня. Широко распространенный у многих народов обряд ильинского «быкобоя», по мнению авторитетных исследователей, произошел в результате синкретического слияния образа Ильи-пророка с предшествующими ему языческими божествами, которым и приносились прежде такие жертвы. Так, у славян в старину без жертвоприношений не обходился день Перуна, который приходился на начало жатвы. Жертвенные быки предназначались грозному верховному божеству в благодарность за выращенный урожай, с целью задобрить владыку гроз [61:73, 78].

Первое описание принесения кровавых жертв в день Ильи-пророка оставил академик И. И. Лепехин, посе-

тивший во время своего научного путешествия в 1771 г. коми село Объячево: «В Ильин день собираются все окольные жители в село Объяченское; каждая деревня, а иногда и две, сложаясь, приводят с собою быка или теленка, которых они в сей день закаляют, и обществом употребляют в снедь» [39:236]. Сохранялся этот обычай во многих коми селениях вплоть до начала XX в. [72—22:39].

Красочное описание ильинского «быкобоя» в с. Ношуль середины прошлого столетия было оставлено М. Косаревым: «20 июля 1858 года сама природа, столь скупая в наших странах на ясные дни, казалось, приглашала ношульских жителей праздновать с ней вместе. День был чудный. Жители, пермяне и пермячки, с раннего утра все на ногах: суетятся, хлопочут. В каждом доме постятся, чистят, моют, приводят все в порядок и одеваются в праздничное платье. Раздается благовест к обедне, и крестьяне идут чинно в церковь, разодетые в лучшие наряды свои, мужчины, женщины и девицы отдельными группами.

Молодые щеголи в суконных, синих или голубых азиях*, подпоясанные красным кушаком, в жилетах и картузах, с платками, повязанными на шею; молодые щеголихи в шелковых или, по крайней мере, в ситцевых сарафанах, которых проймы и концы оторочены красным шелковым или шерстяным шнурком; на голове убор, называемый «сборник», обведенный вокруг красной лентой, завязываемой назад; длинные концы этой ленты украшены стеклярусом; большой шелковый или шерстяной платок, красный, зеленый или желтый, но непременно полосатый, повязан сверх сборника; шея украшена нитками стекляруса, в ушах серьги с длинными серебряными или стеклярусными подвесками, а на руках серебряные или медные кольца. Любо смотреть на их веселье и довольные лица!

Пришедши в церковь, каждый из них, старый и молодой, покупает у старосты восковую свечу, большей или меньшей ценности, смотря по состоянию, и непременно сам ставит ее пред иконою празднуемого святого.

Между тем, собрался народ и из окрестных селений. Началась божественная служба. Скромно и набожно выслушивает ее собравшийся народ и усердно молится святому пророку. Но вот кончилась и обедня. В это время в церкви начинается говор, шум. Некоторые из

* Азиям — верхняя распашная одежда.

крестьян торопятся выйти, теснятся в дверях. Что за странное явление в таких набожных богомольцах? Едва только кончилась обедня, еще причет поет многолетне, еще не затворены царские ворота, а они уже спешат выйти из церкви! Спрашиваю церковного старосту: «А что, Ульян, разве молебна не будет сегодня?»—«Как не будет! Вон уж налой* ставят».—«Так зачем же народ выходит?»—«Торопятся, вишь, скот колоть да мясо варить надо. Бабы-то здесь останутся. Ведь и свои молебны надо справлять!»—«Какого скота? Зачем это?»—«А вот, видишь, земли-то у нас пашенной больно мало, да и та плохо родит: мокра больно. Ну, а скот есть чем кормить: и луга за рекой, и по дороге есть, и в лесу есть места; оброк лесничему платим, так скот-то у нас есть. А у кого плохо разводится, так тот и обещает на праздник батюшки Ильи-пророка принести в жертву первого бычка, какой у него родится, нищей братии, то есть, и всем православным христианам пожертвовать. Ну, и дает Господь, скот поправляется, больше скота бывает. Вот и сегодня мужички, некак пятеро или шестеро, привели по бычку, а бывает и больше. И священникам доход есть, и в казну церковную будет...»—«Да как же, ведь это нехорошо колоть скот подле церкви?»—«Как подле церкви? Нет! Тут недалеко овраг есть близ реки. Ну, там и бьют. Разимут на части: задние ноги, язык и почки отложат священнику, передние ноги дьякону и причту, а кожу и сало продадут потом и вырученные за них деньги внесут в церковную казну. Остальные части и внутренности скотины варят в котлах уже на берегу реки. Сваривши этот остаток, приносят мясо к церкви и, разделивши на несколько частей, складывают эти части в нарочно приготовленные корыта»...

Между тем, как мы разговаривали с Ульяном, священники, местный приходской и благочинный Объячевский, служили молебны. Вдруг около церкви сделался шум. Вскоре народ стал выходить из церкви. Вышли и мы. Смотрим, вокруг шести корыт собралось несколько крестьян. Все стоят в благоговейном молчании. Приходит священник с дьяконом и причтом, читает над корытами молитву. Но едва только он успел окропить их святою водою, как все предстоящие пермяки бросаются с криком: «Ар, ар!» на корыта, толкают друг друга; всякий старается схватить кусок побольше. При этом

* Налой — род столика или поставца на ножках с пологою столешницей [10—2:435].

пермяки замечают, что чем больше бывает шума и крика, тем лучше.

Но вот кончился и этот обряд. Старики и молодежь расходятся по домам...» [35].

В этом просторном описании наблюдательный очевидец отметил основные особенности жертвоприношения домашнего скота в Ильин день у коми и его место в общей структуре праздника. По сходному сценарию проходил ильинский «быкобой» и в других местах Коми края. Убой скота и варка мяса могли происходить и вблизи от церкви и даже за ее оградой. Бульон, оставшийся в котлах после варки мяса, по окончании совместной трапезы обычно разносили по домам.

Интересные детали жертвоприношения в Ильин день были отмечены в вычегодском селе Палевицы. В число жертвенных животных здесь обязательно входили бык, нетель, овцы и бараны. Причем нетель, то есть еще нетелившаяся корова, обязательно должна быть стельной. Если в утробе принесенной в жертву нетели не оказывалось плода, то приводили и забивали другую [81:47]. В этом обычае особенно четко прослеживается заложенная в ильинском жертвоприношении, совершаемом перед началом сбора урожая, идея обеспечения будущего плодородия.

О том, что Ильин день являлся рубежом в сельскохозяйственном календаре, говорит коми примета: «Петровский дождь засуху поправит, а Ильинский дождь не поправит» [51:270]. По народным представлениям, Ильин день стоял на рубеже лета и осени. Говорили даже, что на Илью до обеда лето, а после обеда осень. Поэтому по погоде в этот день определяли характер наступающей осенней поры: «В Ильин день хорошая погода — осень хорошая» [38:45].

С Ильина дня переставали купаться. Утрачивали свою силу запреты, установленные на время цветения колосовых. По народным поверьям, к этому времени обитающий во ржи дух — «полудница» — переставал охранять ее. «Прежде вера в нее была так могущественна, что ни один зырянин ни за что не коснулся бы ржи до Ильина дня, опасаясь какого-то страшного наказания». До Ильина дня полагалось лед, взятый из ледника, носить обязательно закрытым — «чтобы солнце не видело, иначе оно пошлет град» [24:105, 110]. В этом коми поверье четко прослеживается слияние христианских и прежних языческих представлений — оскорбится и пошлет град на посевы не Илья-пророк, а солнце.

Переставал действовать и запрет играть на народных духовых инструментах. Хлеба уже созрели или дозревали, боязнь вызвать шумом и свистом непогоду и неурожай исчезала. В этот день после долгого воздержания все дети поголовно делали себе свистульки, дудки и с утра до вечера свистели и дудели в них. Не случайно у коми Ильин день имел также народное название «чипсаян, пöлясян лун» (день свистения-дудения) [78:88]. «Пришел праздник свистения и игр для детей» (Воис пöлясян-ворсан лун челядьлы) — говорили, наблюдая за забавами детей взрослые [13:93]. Впрочем, не отставала от детей и молодежь. Особенно поэтично об этом праздничном молодежном развлечении говорится в коми народных песнях:

И голос мой звучит как лебединая дудка в Ильин день,
И радостно свистеть мне в эту дудочку»

(Илля лун дырся пö менам да юсь пöлян гласöй,
И сё майбырöй пö менам юсь пöлянэн пöлясьöмбй)

[78:5].

Или же:

В Ильин день у меня да
Звук лебединой дудки...
Лебединой дудки мое дуденье,
Ясное солнышко да мое,
Рябчиковым свистком свистенье.
Прошла ведь, прошла ведь моя да у бедной
Девичья свобода, да большая свобода,
Ясное солнышко да мое
Пение и дуденье» [52:70].

Дудник (дягиль — растение семейства зонтичных), из полого стебля которого и изготавливались у коми дудки «пöлян» (духовые инструменты флейтового вида), — по коми он называется «омра» (омбра) или «омра пöлян», — был как бы растительным фенологическим символом Ильина дня. К началу августа одревесневший стебель дягиля становится пригодным для изготовления из него «пöлян». В предсвадебном девичьем причете так и говорится: «Илля лун дырся да менам омбра цветöй» (В Ильин день да мой цветок дудник) [52:66].

Были у коми и другие фенологические приметы, приуроченные к дню Ильи-пророка. Считалось, что кукушка (символ уходящего лета) перестает куковать за неделю до Ильи [51:269]. С Ильина дня разрешалось собирать лесные ягоды [16]. После него начинали бить острой рыбой — ночи уже достаточно темные, и можно употреблять подсветку [51:270]. Считалось, что после Ильина дня окончательно исчезают оводы. В коми по-

словице говорится: «Овод в Иванов день завтракает, в Петров день обедает, в Ильин день ужинает» [33:26]. С этой же календарной датой было связано начало смены зеленого цвета листьев на желтый и красный и пожелтение трав: «С Ильина дня отходит зеленый цвет (Илля лун бõрнас кучас чветыс оторе мунны зелен бур) [46:41].

В сельскохозяйственном народном календаре коми, как и у русских, Ильин день был связан с окончанием сенокоса и началом уборки хлебов. Говорили, что до Ильина дня в сене пуд меду, после Ильи — пуд навозу [82:78].

Особо почитался Ильин день и у оленеводов, причем не только у коми-ижемцев, но и у ненцев, которые хотя и считались христианами, к церковным праздникам относились без особого почтения. К началу августа у северных оленей заканчивается линька, перестают досажать сильно беспокоящие их оводы, становится меньше комаров, спадает плохо переносимая оленями летняя жара. С этого времени оленей уже можно запрягать в нарты для длительных поездок. В Ильин день оленеводы Большеземельской тундры издавна устраивали празднества в заранее обусловленном месте, где собирались все хозяйства стад, кочующих в летнее время вблизи морского побережья. Устраивались гонки оленьих упряжек, готовился праздничный обед. После завершения праздника оленеводы начинали потихоньку двигаться на юг, в район зимних пастбищ вблизи своих селений. Эта традиция сохраняется и в настоящее время. Каждое первое воскресенье августа в тундре проходит красочный праздник «День оленевода», украшением которого, как и раньше, являются гонки лучших оленьих упряжек.

Жатва открывала осенний цикл сельскохозяйственных работ. Хотя ее началом и считался Ильин день, происходила она обычно позднее (в некоторые годы значительно) и в разные сроки по районам южным и северным. У печорских и ижемских коми с началом жатвы был связан интересный архаический обряд изгнания с полей сорных трав. На Печоре обряд «Йõн петкõдõм» (Вынос осота) проходил так. Самый крупный осот, найденный на хлебном поле, выкапывали из земли и выносили на дорогу, причитая при этом: «Красное солнышко, ты цветешь в красивом зеленом платье алыми цветами. Хоть и очень дорог ты и мил ты нам, но вот приходится переносить тебя туда. Здесь тебя рубят, ре-

жут. Туда вынесем, там будешь поживать, цвести в нарядном платье с красивыми цветами». Вынесенный на дорогу осот сажали там, после чего, считалось, с поля должны вывестись и все его собратья-сорняки [65:134].

У ижемских коми обряд, имеющий такую же цель — избавление от сорняков, происходил несколько иначе. Назывался он «Тотарин йӧнэс му вылысь вӧтлэм» (Изгнание чертополоха — осота с поля). Сорняки, вырванные с корнем на хлебном поле, связывали в пучки по девять растений в каждом. Корнями вперед эти пучки относили к реке или озеру. Во время переноски один из участников обрядовой процессии нес пучок сорняков, а другой хлестал его (пучок) вицей. Остальные участники в это время причитали:

«С поля мы тебя вырываем, чтобы впредь не плодился,
Мы тебя вырываем, чтоб назад не вернулся,
Все отродье твое вырываем мы, весь твой род, твое племя,
Весь твой скоп вырываем мы, всех твоих братьев-сестер».

Были известны и более продолжительные причеты, сопровождающие у ижемских коми изгнание сорняков с поля, например:

«Сотнями буйно у нас на поле растет,
Добрый хлеб где зреет, еда наша,
Там чертополох у нас прорастает,
Добрый хлеб наш обвил он в погожий день,
Мы хотим тебя, буйно выросшего, полоть на поле,
Со всей родней мы хотим удалить с поля, где наш хлеб созревает,
Со всеми братьями-сестрами хотим мы удалить его,
Чтобы впредь его не было, сестрицы, чтоб назад он не возвратился,
Давайте мы отправим, чтоб назад ему с тех мест дороги не было,
Откуда к нам пришел очень плохой чертополох — осот на поле,
Со всей родней мы начнем выпроваживать с братьями-сестрицами,
Со всей семьей мы милых собирать будем, со всем родом-племенем,
Многочисленную семью соберем на полях наших, на пашнях,
На раздольную, сестрицы, снесем на Печору,
Чтоб вода отнесла туда, откуда нет возврата,
Чтоб вернуться чертополох не смог оттуда назад, на берег!»
[46:11, 49—50].

Как и при проведении обрядов «Вывод клопов» и «Похороны клопов», в этих попытках избавления от сорных трав находила отражение древняя вера в парциальную магию — в то, что воздействие на часть оказывает влияние на все целое.

Начало жатвы знаменовало в сельскохозяйственном календаре переход к самому важному периоду — сбору и обработке созревшего урожая. Пока урожаем находилась в поле, большое значение имела погода. Не случай-

но в коми пословице говорится: «В копнах не сено, в скирде — не хлеб» (Юрын абу на турун, сёрõмын — абу на нянь) [33:90]. Начиная жатву, первый сноп делали поменьше и оставляли его в поле до завершения уборки. На последней полосе было принято оставлять пучок несжатого хлеба — в дар хозяину поля. Аналогичный обычай был у русских и украинских земледельцев, которые оставляли несжатый пучок «на бородку Волосу» — древнему славянскому божеству [63:289]. Завершая жатву и завязывая последний сноп, коми женщины произносили заговор-пожелание: «Поле сжалось, перетаскивайся (зерно) в сусек» [4:91]. В селениях по Выми и Сысоле последний сноп не обмолачивали, а вешали в амбаре для хранения зерна, где он и находился вплоть до начала весеннего сева. Перед севом зерно из этого снопа смешивали с семенами. У русских тоже зерно из последнего (именинного) снопа считалось обладающим особой продуцирующей силой, и его обязательно добавляли в зерно для посева [63:289].

Из зерна нового урожая в честь окончания уборки повсеместно было принято готовить ритуальную еду — кашу из ячменной крупы или толокна на масле. На Сысоле и Вычегде эта ритуальная каша называлась «чомёр»; на Выми — «вөрõк чукõр», «сук рок», «паневõй»; у ижемцев — «саламат». На Удоре эту кашу обязательно благословляли серпом, поэтому она называлась «чарла рок» (каша серпа). У нижневыхегодских коми обрядовое кушанье из творога с толокном по поводу завершения жатвы называлось «клюпа». В прежние времена ритуальная каша в честь нового урожая у коми варилась и съедалась на поле коллективно, причем обязательно оставлялась доля «родителям» — умершим родичам, от которых, по народным верованиям, зависели во многом плодородие полей и успех в хозяйственных делах [72—20:52].

Происхождение (изнесение) честных древ Животворящего Креста Господня. Празднество Всемиловитовому Спасу и Пресвятой Богородице

14 августа н. ст.

1 августа ст. ст.

Празднование Первого Спаса, как называют этот праздник в народе, было установлено в благодарность Христу Спасителю и Пресвятой Богородице за победы,

одержанные русскими и византийскими войсками 1 августа 1164 г. над своими врагами мусульманами. Согласно легендам, и византийский император Мануил, вышедший в этот день с войском против сарацин, и владимирский князь Андрей Боголюбский перед битвой с волжскими булгарами были озарены со своими воинами чудесным сиянием от икон Спасителя и Богоматери.

В русском народном календаре к Первому Спасу была приурочена подрезка пчелиных сот, и потому его называли еще «медовым». Коми пчеловодством не занимались, поэтому такое название у них не прижилось. В селениях по средней Сыsole и в Прилузье с Первым Спасом был связан обряд «Вõвъяслõн молебен лун» (День молебна лошадям). В этот день парни и мужчины на лошадях спускались к реке, где поп отслуживал молебен и обрызгивал лошадей святой водой. После этого устраивались гонки. Моления у реки в этот день происходили в прошлом и у русских [3:94]. Первый Спас приходится по юлианскому летоисчислению на первый день последнего летнего месяца, поэтому по нему пытались определить погоду на осенний период: «Первый Спас без заморозков — осень будет теплая» [7:66]. С 1 (14) августа у православных начинается двухнедельный осенний Успенский (Спасовский) пост. По погоде в первый день осеннего поста (Õспõжа видз) загадывали ее на все две недели: если дождь, то дождь в течение всего поста [38:45]. С Первого Спаса у коми разрешалось есть редьку (кушман) нового урожая, а во время поста «ырõша кушман» (редька с квасом) становилась основным блюдом крестьян, занятых тяжелыми работами. У русских крестьян тоже с этого дня начинали есть «огородину», а до этого времени существовал запрет на употребление в пищу овощей [3:94].

Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа

19 августа н. ст.

6 августа ст. ст.

Преображение Господне, или же Второй Спас, относится к двенадцатым христианским праздникам и установлен в память о Преображении Иисуса перед своими учениками на высокой горе незадолго до конца своей земной деятельности: «И преобразился пред ними: и просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сдела-

лись белыми как свет. И вот явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие» [Мат. 17:2—3]. Богослужение в этот праздник имеет ту особенность, что по окончании литургии благословляются и освещаются принесенные в храм плоды древесные: яблоки, груши, сливы, виноград и прочее. В русском народном календаре поэтому Второй Спас называется еще «яблочным», а с этого дня разрешалось есть фрукты.

Суровые северные условия Коми края не благоприятствуют произрастанию и созреванию фруктов, поэтому по коми фенологическим народным приметам ко Второму (Среднему) Спасу оказалось приуроченным созревание лесной ягоды черники. В девической лирической песне коми говорится:

«В Средний Спас да моя
Спелая ягода черника»
(Шёр Спас дырся-й да менам
Кисьмём чёд тусь цветой)

[52:66].

Кроме того, со Среднего Спаса у коми разрешалось есть репу — самый сладкий овощ, созревающий на севере.

У обских коми в с. Саранпауль в день Преображения церкви дарили домашний скот и оленей, обещанные за благополучие, но жертвоприношений при этом не совершалось.

Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

28 августа н. ст.

15 августа ст. ст.

Успение (от гл. усыпать) — двенадцатый праздник в честь представления Пресвятой Богородицы. В коми народном сельскохозяйственном календаре, как и у русских, эта дата была связана с окончанием жатвы, хотя на самом деле, особенно на севере края, уборка зерновых нередко продолжалась и позже. На верхней Печоре с Успения (Оспёжа лун) начиналась охота на глухарей. Повсеместно в этот день происходило веселье, праздновалось окончание двухнедельного поста. Молодежь собиралась в излюбленных местах, парни и девушки пели хороводные песни, плясали. В прошлом с Успения начинала водить осенние хороводы и русская молодежь [63:296].

**Попразднество Успения. Перенесение из Едесы
в Константинополь Нерукотворенного Образа (Убруса)
Господа Иисуса Христа**

29 августа н. ст.

16 августа ст. ст.

Этот праздник был установлен в ознаменование перенесения в 944 г. в г. Константинополь находившегося до того у «неверных» и выкупленного у них византийским императором Порфирородным VII-м убруса (полотенца) с нерукотворным образом Иисуса.

В русском народном календаре этот день, продолжающий празднование Успения, называется Третьим Спасом или же Спасом на полотне. У коми с Третьим Спасом было связано в прошлом разрешение на употребление в пищу капусты. С этого дня начинали заготавливать на зиму грибы.

Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы

8 сентября н. ст.

26 августа ст. ст.

Этот праздник был установлен русской православной церковью в память спасения Москвы от нашествия Тамерлана (Тимура) — в 1395 г. На Руси в этот день устраивались народные гуляния, в русском народном календаре с него начиналась уборка овса [63:298].

В традиционной земледелии коми овес имел небольшое значение, поэтому в народном календаре «овсяницы» не прижились. Отмечание же этого праздника широко проходило лишь в с. Усть-Кулом, имея под собой следующую народную версию. Однажды, в начале прошлого века, случился страшный падеж скота, избавиться от которого удалось лишь после молебна, проведенного в день Сретения Владимирской иконы Богородицы. После чего крестный ход в этот день стал традицией.

Усть-Кулом в прошлом был примечателен тем, что в его окрестностях находилось двадцать два больших деревянных памятных креста. У них и происходили молебны. Хозяева нескольких дворов складывались, уплачивали священнику за молебен по двадцать копеек с каждого креста. Кроме того, к каждому кресту носилась масса снеди: шаньги, блины, пироги и т. п. После этого совершался крестный ход. Во главе процессии шел священник, за ним двое мужчин несли на коромысле колокол, а третий человек, идущий позади, звонил в него при переходе от одного креста к другому.

Рассказывали, что однажды молебны захотели служить сразу два священника, причем каждый из них запросил по двадцать копеек с креста, т. е. требуемая оплата возросла вдвое. Устькуломцам это показалось дорого, и молебны в тот год не состоялись. Этой же осенью начался падеж скота, а охотничьи собаки заболели водобоязнию (бешенством). Цены на собак выросли до пяти, восьми и даже десяти рублей, поскольку охотничий промысел невозможен без собаки. После этого события крестный ход проводился уже без перерывов [6:129—130].

Усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна

11 сентября н. ст.

29 августа ст. ст.

В этот день, по церковным канонам, верующим предписывается соблюдение строгого поста, поэтому в народе он называется Иваном Постным. По коми народным приметам к этому дню поспевают брусники, по ее урожаю гадали об урожае хлеба на будущий год: «Если урожай брусники хороший — год будет хлебный». Запрет на употребление в пищу брусники до дня усекновения главы Иоанна Крестителя объясняли в народе тем, что ее сок похож на кровь [7:7]. В коми девичьих песнях эта северная ягода являлась как бы символом Ивана Постного: «В Иванов постный день да спелая ягода брусники» (Иван посной дырся да кисьмём пув тусь цветой) [52:66].

День преподобного Симеона Столпника

14 сентября н. ст.

1 сентября ст. ст.

В допетровской Руси с этого дня начинались не только календарная осень, но и год в целом. В русском народном календаре с Семенова дня начинается также и бабье лето. Как и в другие календарные рубежи, в этот день было принято загадывать о погоде. По метеорологическим приметам коми: «Если Семенов день погожий — и бабье лето пригожее». «На Семена дождь — дождливая осень». «Если в Семенов день будут заморозки и холод — будет ранняя осень, если дождь — длинная» [51:268; 64:285]. По погоде в этот день строили прогнозы и на урожай в будущем году: «Если в день

святого Симеона Столпника будет северный ветер, то в будущем году хлеб вымерзнет» [62:231].

У охотников коми вплоть до недавнего времени существовал строгий запрет находиться в Семенов день в лесу, оказавшиеся же там по своему недосмотру промысловики запирались в охотничьих избушках и отсиживались в них. Считалось, что именно в этот день в лесу проходят медвежьи свадьбы. Они собираются в огромные, по пятнадцать или даже по сорок медведей, стаи и нападают на любого встречного. В народе Семенов день называли еще «Ош чуалан лун» (День любовных походов медведя). Верхнепечорские охотники не промышляли не только в Семенов день, но не ходили в лес еще и неделю после него, даже не проверяли ловушки на боровую дичь. В записанном у верхневичегодских коми мифе объясняется появление этого запрета тем, что медведь получил разрешение жить вольно и свободно в день Симеона Столпника и еще три дня после него от Николая Угодника. «В эти дни в лес должны идти те, кто надеется на свою собственную силу, так как святой Николай его не может спасти» [83:252].

В коми селениях в «Семен лун» было принято стрелять с берега на ту сторону реки из ружей, чтобы отогнать выстрелами медведей в глубь леса. Существовало поверье, что если в этот день вылить грязную воду из лоханки на улицу, а не на хлев, то зимой не удастся добыть ни одного медведя [23:12].

Эти оригинальные коми поверья, связанные с Семеновым днем, не имеют под собой никакой религиозной подоплеки. По крайней мере, появление их никак не связано с образом христианского святого Симеона Столпника, прославившегося тем, что большую часть своей продолжительной жизни (356—460 гг.) провел на каменном высоком столбе, воздвигнутом им в пустыне. В то же время, в них явно прослеживаются пережитки древнего языческого мировоззрения коми, в котором «лесной хозяин» — медведь занимал видное место.

Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

21 сентября н. ст.

8 сентября ст. ст.

Рождество Богородицы — очередной двенадцатый христианский праздник. В этот день в коми селениях

устраивались женские складчины, потом играли в «Круг», водили хороводы, ходили с песнями по улицам [7:60]. Молодежь на верхней Вычегде собиралась в лесу и варила там селянку — картофельную кашу с яйцами, маслом и молоком [23:14].

Особенно красочно проходил праздник Богородицы в вишерском селе Богородске, где он был престольным, а на его празднование стекался народ из самых дальних районов [67:85]. Согласно легенде, в давние времена на Вишере было чудесное явление иконы Божьей Матери, в честь которого было установлено совершать у церкви в с. Богородск жертвоприношение. «В каждый раз, когда нужно было совершить обряд жертвоприношения в честь явившейся Божьей Матери, утром рано прибегал к церкви олень, самый красивый и тучный. Жители замечали, что он всегда казался усталым, а потому с вероятностью заключали, что пространство его бега было далекое и что он не мог кем-нибудь быть приучен к явлению в известный день. Случалось, что иногда животное опаздывало; но жители всегда были уверены в непременно исполнении непостижимой Воли, и вера в таком случае всегда оправдывалась. Поэтому, если животное, сверх ожидания, дольше обыкновенного не являлось, то и богослужение не начиналось до его прихода.

Но впоследствии в каждый год стали замечать несвоевременное явление оленя и его чрезвычайную усталость и худосавость. Не зная причины неблагоприятных признаков в животном, все это стали относить к ослаблению веры и к умножению грехов в народе, немедленно обращались к раскаянию и молитвам, и таинственное животное в назначенный день немедленно прибегало. Наконец, в один год необыкновенно долго ждали его прихода, и когда, потеряв уже всякую надежду, решились в исполнение обычая, принести жертву из домашних животных, вдруг, после богослужения, прибегает жертвенное животное и, видя, что оно заменено другим, падает тут же мертвым. С тех пор таинственный олень более не являлся» [57:137].

У охотников коми с Рождества Богородицы, то есть, собственно говоря, после осеннего равноденствия, начиналась массовая охота на боровую дичь в ближних охотничьих угодьях.

Перед выходом на охоту ижемские промысловики совершали обряд очищения. Для этой цели на Тиманском кряже они собирали «богородскую траву» (живучку —

траву семейства губоцветных) и клали ее на горячие угли в особую плоску, а затем обкуривали себя, стоя на пороге сеней. Обкурив себя «богородской травой», охотники переступали порог и отправлялись в путь [67:153].

В некоторых местах перед отправлением на осеннюю охоту совершался также обряд коллективного жертвоприношения. Так, в печорской деревне Визябож в конце прошлого века все охотники и их сородичи собирались ранним утром перед церковью. После полуторачасовой обедни они выходили на площадь, где устанавливался большой стол, на который укладывали зарезанную овцу. Мясо делили на три части: священнику, на продажу в пользу церкви и для коллективной трапезы. Когда мясо было сварено в котле и освящено, все садились на половики, постеленные на земле, и начинали его есть, запивая «суром» (домашним пивом). На охоту промысловики отправлялись утром следующего дня [37:421].

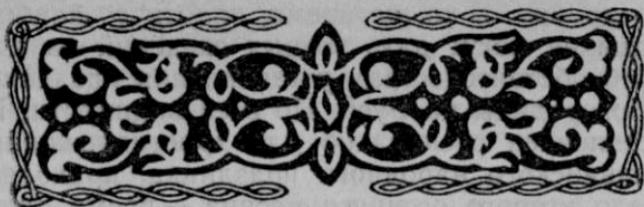
Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня

27 сентября н. ст.

14 сентября ст. ст.

Через шесть дней после Рождества Богородицы празднуется еще один двенадцатый христианский праздник — Воздвижение. Этот праздник был установлен в честь обретения Креста Господня, найденного в 326 г. царицей Еленой — матерью римского императора Константина I Великого во время специально предпринятого ею для этой цели путешествия в Иерусалим. С VII в. с этим днем также стали соединять воспоминания о возвращении в 629 г. греческим императором Ираклием Креста Господня из Персии. Как при обретении Креста, так и при поставлении после возвращения из Персии, патриарх торжественно воздвигал, т. е. поднимал его.

По коми народному хозяйственному календарю с Воздвижения переходили к стойловому содержанию коров. Охотники верхней Печоры с этого дня начинали осенний промысел дичи. По народным верованиям, накануне Воздвижения активизировались лесные духи — лешие и особенно досаждали оказавшимся в лесу [58:31].

И СНОВА ЗИМА

День великомученика Евстафия Плакиды

3 октября н. ст.

20 сентября ст. ст.

Как и у русских [63:309], в метеорологических приметах коми, приуроченных к Евстафьеву дню, особое внимание уделяется течению ветров: «На Евстапей лун» ветер с юга — зима теплая; ветер с запада — зима с частыми метелями; ветер с севера — зима холодная; ветер с востока — зима теплая и весна ранняя» [51:103].

Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

14 октября н. ст.

1 октября ст. ст.

Покров является одним из наиболее почитаемых православными верующими на Руси религиозных праздников. Празднование его было установлено в честь чудесного явления Богородицы 1 октября 910 года во Влахернском храме Константинополя. Перед концом всеобщего бдения, в четвертом часу утра, Богородица в сопровождении сонма ангелов, пророков, апостолов и святых появилась в воздухе над головами молящихся, простерла над ними свое длинное белое покрывало и молилась о спасении всего мира. очевидцами этого чуда были находящиеся в храме среди других молящихся юродивый Андрей и его ученик Епифаний.

В церковной литературе это чудо и житие блаженного Андрея, Христа ради юродивого, описаны доста-

точно подробно. В то же время, вплоть до наших дней, богословы не могут дать точных сведений ни о времени, ни об обстоятельствах установления праздника Покрова Богородицы на Руси. По всей видимости, Покров был установлен специально для христианизации древнего славянского народного праздника, приходящегося на начало второго осеннего месяца — время окончания полевых работ. В церковном же календаре не нашлось каких-либо значительных событий, близких по времени к этому языческому празднику урожая. Чудо в Константинополе, связанное с образом Богородицы, привлекло внимание русской православной церкви также и тем, что его основной очевидец, блаженный Андрей, был по происхождению славянином. В Константинополе он оказался не по своей воле, а был привезен вместе с другими пленными в качестве раба [25:3, 4, 6, 17].

У коми, как и у русских, Покров считался важной вехой годового хозяйственного цикла. После Покрова начиналось стойловое содержание лошадей, приступали к обмолоту собранного урожая, женщины начинали обработку льна и конопли. Из летней половины избы переходили жить в зимнюю. Покров был датой окончания работ по найму на время страды (слугаяслөн рёщет лун). Печорские охотники после Покрова начинали пушную охоту на белок.

Покров Богородицы считался у коми женским праздником, большинство мужчин к этому времени было уже на промысле в лесу. Девушки на выданье ставили в Покров свечи к иконе Богородицы и молились об удачном замужестве. В этот день из домов, где были девушки, не полагалось ничего давать взаймы, запрещалось даже выносить из дома мусор — чтобы не лишить их удачи. Девушки стремились в Покров привлечь внимание нравящихся им парней. Хорошим знаком считалось, если они брали от девушек предложенные ими рукодельные подарки (кисет, платочек и т. п.) [16].

В некоторых селениях, например в Палевицах, Часово, в Покров приносились жертвы скота; нетельная корова или бык убивались у церкви, мясо готовилось в котлах и после освящения и молебна съедалось во время коллективной трапезы [72—22:39].

У коми молодежи после Покрова Богородицы на весь долгий осенне-зимний период любимой и самой распространенной формой проведения досуга становились посиделки (рыт пукалём, войпукём).

До святок посиделки носили преимущественно ра-

бочий характер. Собирающиеся на них девушки обязательно брали с собой принадлежности для рукоделия и занимались прядением, вязанием или вышиванием. Родители контролировали объем выполненной работы и могли наказать нерадивых, не пустив их на следующие посиделки.

Устраивали «рыт пукалём» обычно в специально нанятой для этого избе какой-либо одинокой женщины. Деньги девушки собирали по 5—10 копеек со всех участвующих, в счет платы могло входить и угощение (пирогов, шаньги) хозяйке. За свой счет посиделочниками приобретался также керосин для освещения. Кроме того, они отвечали и за мытье полов. Если не удавалось снять избу, то собирались по очереди в домах у девушек.

В обыденные дни какая-либо еда специально для посиделок не готовилась. Собирающиеся на них девушки приходили в повседневной одежде. Но сама атмосфера посиделок, их содержание были скорее праздничными, чем рабочими. Не в последнюю очередь это было связано с присутствием приглашенных на посиделки парней. Вначале они развлекали рукодельниц, не мешая им работать, а ближе к концу веселье становилось всеобщим. Именно на посиделках в коми деревне происходило большое количество знакомств между будущими супругами, выбор женихов и невест.

Выражаясь современным языком, посиделки представляли собой и кружок по традиционному рукоделию, и клуб знакомств, и коллектив самодеятельности, и вечер отдыха одновременно. Не случайно попристутствовать на посиделках, если им разрешали, стремились и многие мужчины или замужние женщины, не говоря уже о подростках (обычно девушек приглашали на них после 14 лет, а парней — после 16). Вот как описывает коми «рыт пукалём» известный этнограф и социолог П. А. Сорокин: «В избе ярко светит лучина. Бабы и девки прядут и шьют. Парни дурят с девицами, либо дуются в карты. Мужики степенно лежат на полатах и толкуют о своем житье-бытье. Песни, гармошка, споры, разговоры, дым, возня — все сливается в жизнерадостный концерт... Лучший сказочник Лав Вась рассказывает, как леший таскал его по лесу, как приходил к нему лесной. И снова льются песни, шутки... Потом снова идет сказка» [73].

Пели на посиделках все присутствующие. Исполнялись как коми, так и русские лирические песни. Популярностью пользовались свадебные величальные песни, в

которых выхвалялись достоинства тех или иных парней и девушек. Было принято, чтобы парень, о котором исполнялась величальная песня, благодарил потом девушек-певуний и угощал их конфетами или пряниками.

Самыми желанными гостями на посиделках были музыканты: гармонисты, балалаечники, сгудюшники. Под их аккомпанемент в перерыве между работой молодежь устраивала танцы. Большинство этих танцев, к сожалению, сейчас уже забыто, и их названия ничего не говорят современному читателю: шондibanой, ленце, кадриль, тропя, тустеп, ойра, шэн, краковьяк, чижик, восьмерка.

Ближе к концу посиделок начинались молодежные игры. Среди них особенно популярны были «горань» (жмурки); «гизь-гизь» (играющие садились на лавки, назначенный водящим клал в подол какой-нибудь из девушек щепку, а парень, последний в ряду, должен был угадать, у кого она. Угадавший садился к этой девушке на колени, а если парень ошибался, то он сам становился водящим); «сдвöлен» (парни садились кругом, а у них на коленях произвольно рассаживались девушки, а водящий спрашивал кого-нибудь из парней: «Доволен или нет?») Если парень был недоволен, к нему на колени садилась другая девушка, которую он называл).

Посиделки заканчивались глубокой ночью. Участвовавшие в них, как правило, не расходились по домам, а размещались на ночь на полатах в избе или в специально протопленной днем бане.

В праздничные дни посиделки были нерабочие, для приглашенных на них уже полагалось готовить угощение, а участники надевали праздничные наряды. Вот как проходили праздничные вечеринки в Усть-Сысольске середины прошлого столетия: «С 1 октября, т. е. с Покрова Пресвятой Богородицы, исключая Рождественский пост, до самой Масленицы, делаются вечеринки или игрища. Одна из девиц, положим, своего квартала или улицы, приглашает подруг своих к себе в дом поиграть и повеселиться. Подружки, принарядясь по возможности, собираются в этот дом с пяти и шести часов вечера, первоначально пьют чай, потом лакомятся разными закусками, а к семи часам приходят парни без всякого приглашения. С ними играют и пляшут с песнями. По окончании каждой песни парень получает от девицы, ходившей с ним об руку в кругу, поцелуй. Игры и пляс-

ки иногда всю ночь до утра. Старшие не мешают, лишь наблюдают издали.

Из числа песен, под которые кружатся и пляшут, мы особенно заметили следующую. Все девицы сидят на стульях, выходят на сцену два парня. Один из них ходит, пляшет, топает ногами и поет (все поют с ним):

«Скоморох идет по улице —
Молодой идет по широкой;
Он стучится, колотитца,
Ночевать к девице проситца:
Вы пустите скомороха ночевать,
Вы пустите молодова постоять.
Скоморохи люди добрые,
Молоды они счастливые.
Не пьют они ни пива, ни вина,
Во царев кабак не ходят никогда».

После этого один из них подходит к девице, спрашивает: пустит ли она его постоять на квартиру, и если получит ответ: «Извольте встать», то молодец садится с ней рядом и целует, а оставшийся пляшет и поет:

«Чья эта умная дочь,
Чья эта разумная дочь,
Что пустила скомороха ночевать,
Она пустила молодова постоять».

Если же никто из девиц не примет молодца, то в таком случае парни поют:

«Еще чья эта мерзкая дочь,
Еще чья эта размерзкая дочь:
Не пустила скомороха ночевать,
Не пустила молодова постоять»

Потом все начинается снова, пока все парни не выберут места среди девушек» [41:480—481].

Посиделки были излюбленной формой проведения досуга у коми молодежи еще в двадцатые годы этого столетия. Местные активисты и культпросветработники приложили немало усилий, чтобы уничтожить эту народную традицию. «Была объявлена борьба частушкам и песням с похабными словами, хулиганству парней, играм, оскорбляющим достоинство женщин. В результате удалось привить молодежи новые песни, танцы и игры. На «войпуках» учителя, врачи, культпросветработники проводили лекции, беседы, читали вслух газеты и журналы... Местные активисты и культпросветработники в стремлении изменить их содержание постарались изгнать из них не только разнузданность нравов, похабщину, но и увеселительные моменты: пляски и песни. С утратой последних посиделки потеряли прелесть для

молодежи, женщин и превратились в скучное культурно-воспитательное мероприятие» [8:38—39].

Трудно не согласиться с этим выводом коми этнографов, который был сделан в результате изучения культуры коми советского села еще четверть века назад.

Как и у других жителей Северной России, Покров считался у коми предзимьем. К середине октября с территории Коми края улетают на юг водоплавающие и другие перелетные птицы. По коми фенологическим приметам это сезонное изменение в окружающей природе неизменно связывается с близким наступлением холодов и выпадением снега: «Журавли кличут — к заморозкам», «Если гуси осенью летят высоко, снегу будет много; если летят невысоко — мало»; «Гуси высоко летят — выпадет снег»; «Гуси рано улетают — рано холода наступят»; «Гуси осенью улетели — скоро снег»; «Гуси высоко летят — большой снег будет, низко летят — снега мало будет, рано летят — рано снег выпадет» [51:38, 269; 64:283—284]. Эти календарные приметы превратились у коми даже в пословицы: «За хвостом гуся снег виднеется» (Дзодзӧг бӧж сайын лым тыдалӧ), «Гуси улетают — тепло уносят» (Дзодзӧггяс лэбӧны — шоныдтӧ нуӧны) [33:17].

Следующим календарным событием в окружающей природе, которому уделяется видное место в народных приметах, является выпадение снега. Среднестатистическое установление устойчивого снежного покрова в районе Сыктывкара приходится на начало ноября, но в отдельные годы снег ложится намного раньше. Наиболее ранней известной датой, когда снег выпал и уже больше не стаявал, называют 24 сентября. Выпадение же в сентябре — начале октября первого снега и ночные заморозки — далеко не редкость. На севере нашей республики сентябрьские снегопады — это обычное явление. В народных приметах говорится: «Если после заморозка пойдет дождь, будет длинная осень», «Если по осени первый снег стаявал несколько раз, то и весна начнется несколькими оттепелями», «Если осенью снег выпадет до листопада, людям будет тяжело в этом году», «Если по осени снег выпадет на очень мокрую землю и зима будет многоснежна, озимые хлеба на ровных и низких местах подпреют», «Если по осени на сырой лес нападает снег и останется на всю зиму, то для людей и скота год будет тяжелым» [51:69, 103; 36:61—62].

Снег на Покров был хорошей приметой. У коми считалось, что если Покровская суббота (ближайшая к празднику) была без снега, то без снега была и Дмитриева суббота [51:103].

Дмитриевская родительская суббота

Этот день особого поминовения усопших был установлен в память знаменитой битвы на поле Куликовом в 1380 г. и погибших во время нее русских воинов. Отмечается он между днем Апостола и евангелиста Луки (31 октября н. ст., 18 октября ст. ст.) и днем великомученика Димитрия Солунского (8 ноября н. ст., 26 октября ст. ст.).

У коми Дмитриевская суббота также была посвящена поминовению умерших родственников, с обязательным посещением могил и поминальным застольем потом.

Сам Дмитриев день в коми народном календаре был связан с таким сугубо важным для северного крестьянства природным явлением, как ледостав. По коми приметам: «Если в Дмитриев день река **подо льдом**, в Егорьев день тоже будет подо льдом» [31:214]. У русских сибиряков Дмитриев день так и назывался — «рекостав» [3:103]. По данным за первую половину прошлого столетия р. Сысола в районе Усть-Сысольска действительно обычно замерзала в октябре, по ст. ст. 29-го. Северные же реки покрываются льдом еще раньше. По тому, как замерзнет река, коми земледельцы гадали об урожае на будущий год: «Если по осени река встанет не гладко, а шероховато, то на следующий год будет хороший урожай хлеба, а когда замерзнет гладко — к неурожаю» [36:61].

День бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана Асийских

14 ноября н. ст.

1 ноября ст. ст.

На Руси Кузьма и Демьян считались покровителями кур, а в их день справлялись «курьи именины» [63:318]. У коми куроводства практически не было, поэтому это русское народное празднество, приуроченное к началу последнего календарного осеннего месяца, у них не прижилось.

У коми в день Кузьмы и Демьяна повсеместно устраивались молодежные складчины. Организаторами вечеринок были девушки, они приносили в дом, выбранный для проведения праздника, продукты — мясо, рыбу, муку и др. — и готовили угощение. Потом приходили приглашенные парни и после трапезы начиналось веселье. Пели посиделочные песни, играли в молодежные игры, плясали кадрили, барыню и другие известные танцы. На Печоре это веселье продолжалось обычно один день. В других же местах и в Усть-Сысольске на Кузьму-Демьяна гуляли и веселились три дня подряд [7:61].

Вот как отмечала этот праздник коми молодежь в Усть-Сысольске середины прошлого века. После того как в складчину были собраны необходимые припасы (мясо, мука, конопляное семя, картофель, масло, яйца и др.), несколько девушек брали на себя заботу сварить праздничное пиво (сур). Потом они же все три дня праздника отвечали и за приготовление продуктов для убранства столов. Пиво приготавливалось из собранной муки, излишек ее продавали и на вырученные деньги покупали хмель. Картофель на стол подавали вареным, из яиц делали яичницу, шли они и для приправы других блюд. Если во время празднования выпадали постные дни, готовили постные щи, заправленные конопляным семенем.

Открывая праздничное застолье, девушки — организаторы складчины — обращались к хозяину дома, где они собирались, со словами:

«Староста гузыня,
Давайте же пива:
Пересохло наше горло,
Не пиваючи так долго»

После того как хозяин приносил большой ковш — ендову с праздничным пивом, четыре девушки — главные распорядительницы — наливали себе по стакану пива и выходили с ними в руках на середину комнаты. Там они составляли квадратный хоровод и начинали плясать, переходя одна к другой поперек круга. В это время исполнялась песня на коми языке:

«Но, но жӧ чойяс, чойяс!
Но, но жӧ юны, юны;
Но, но жӧ сӕйны, сӕйны...»

В русском переводе в этой песне говорилось:

«Извольте же сестры, сестры!
Извольте же пить, пить;

Извольте же есть, есть.
Теперь наше время пить,
Теперь наше время есть.
Воля, воля потеряется, потеряется;
Мужа дома нету, нету.
О хмель, хмель облегчающий;
О хлеб, хлеб приголубливающий;
О соль, соль одомовляющая;
О пиво ржаное;
О пиво ячное, густое;
О пиво ячное, пиво легкое;
О пиво пшеничное,
Пиво пеннистое —
Край стакана обпенило,
Губы умедовило
Кому попадется —
Все да все,
Кому попадется —
Досуха, досуха».

После завершения этой песни, в которой превозносились достоинства праздничного напитка, девушки досуха опустошали свои стаканы, а их место занимал следующую девичий квартет. Наконец, все девушки после танцевально-песенных прелюдий выпивали по своему стакану кузьма-демянского пива. Лишь тогда наступала очередь и приглашенных на праздничную вечеринку парней. Две девушки брали по стакану, наливали пива, а затем по очереди, на одном и том же подносе обслуживали двух из гостей. При этом исполнялась песня уже по-русски.

«Пива да пьяного,
Меду да сладкого
Наливай ковши полные —
Подноси да до румян.
В новосветлой горнице
Наши умники молодцы;
Прими же, наш...» (после чего называлось имя-отчество парня).

Пока обслуженная пара пила свои стаканы пива, девушки плясали с подносом в руках, напевая:

«Пей, пей на здоровье!
По нашему челобитью,
По Кирилловскому,
По праву Ненилову;
Да опрокиньте,
Да опростайте,
Да на головы поднимите.
Веселитесь!»

Парни, выпив пиво, клали в стаканы деньги и ста-

вили их обратно на поднос. После чего все повторялось со следующей парой гостей.

В заключение первого дня празднования девушки исполняли припевку на коми языке:

«Кузьман-Демьян, во воис, во воис,
Талун, талун — миян роч зіб оз судз;
Аски, вѳд, миян и роч зіб судзас;
Аскомьсь миян и истѳг тув судзас».
(Кузьма-Демьян, год пришел, год пришел,
Сегодня, сегодня — у нас русский шест не достает;
А завтра ведь у нас и русский шест достанет;
А послезавтра у нас и серная спичка достанет).

На следующий день веселье продолжалось по тому же сценарию, только в заключительной припевке говорилось, что шест уже достает (до дна сосуда с пивом). А на третий, завершающий день празднования дня Кузьмы и Демьяна веселье заканчивалось сообщением, что пиво кончилось: «и серная спичка не скроется» [27:323—326].

В целом праздник Кузьмы и Демьяна считался у коми девичьим праздником и организовывался по принципу праздничных посиделок.

Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных сил бесплотных

21 ноября н. ст.

8 ноября ст. ст.

Михайлов день отмечался у коми не повсеместно. Особенно интересно проходил этот праздник на Удоре и в селениях по Выми. Вечером, накануне Михайлова дня, устраивались складчины, причем отдельными группами собирались парни с девушками и родители со своими детьми в возрасте от семи до двенадцати лет. Мужчины и парни на свои вечеринки приносили вино, женщины и девушки — пиво, выпечку и другие закуски.

И молодежные, и взрослые увеселения проходили по сходному сценарию. Вначале было угощение, а потом начиналась игра под названием «невеста-пу бѳрйѳм» (выбор будущей невесты). Причем если на молодежных вечеринках в нее играли сами участники, т. е. парни и девушки, то на взрослых — главные роли исполнялись присутствующими на них детьми. Родители же как бы играли роль постановщиков театрального действия.

После угощения мальчики и девочки становились в круг и под пение родителей начинали скакать и кружиться по избе. Нарезвившись, они чинно рассаживались на коленях своих родителей, а те хором начинали исполнять специальную обрядовую песню. Вначале, после слов «О, царев сын...» и «О, царевна...», назывались имена какого-либо мальчика и какой-либо девочки из присутствующих на празднестве. Затем пелось следующее: «Запихали их в озеро, размочили, подержали, в снопы связали...» После этих слов мальчик должен был успеть сказать «спасибо». Если мальчик благодарил поющих, они продолжали песню:

«Сапоги с лебяжьим носом,
С коротким носком башмак,
Сто рублей денег,
Двухсотрублевая молодушка,
Бисерный кокошник,
На три ночи — радость.
В саях с синим войлоком,
На пегой лошади,
От крутизны к крутизне,
От наносов к наносам,
В лисью нору попадают,
«Туп-тап» делают.
И едут, и попадают
В веселую горницу
На мягкую постель».

После завершения этой хвалебной песни мальчик вставал, подходил к девочке, имя которой было названо в начале песни, и брал ее под руку. Мальчик и девочка затем выходили на середину комнаты и кланялись всем присутствующим. «Выбор дерева» был произведен.

Если же после исполнения зачина мальчик не успевал или забывал поблагодарить певцов, то продолжение песни было уже не хвалебного, а хулительного содержания:

«...В дырявых саях,
Под дырявым войлоком,
На лошади со «шмаком».
От крутизны к крутизне,
От заноса к заносу,
В заячью нору попадают,
В хлев с кислым запахом.
Синюю пуговицу на глаза,
Копеечку в горлышке,
По оглобле к задам,
По бокам — мешки для милостыни,
Рваную обувь на ноги.
Жена со щучьими зубами,
Ребенок (будет) рыжим
Жена (да будет) ведьмой».

Впрочем, неудачнику особенно расстраиваться не стоило. Эта игра по выбору «будущей невесты» продолжалась в канун Михайлова дня до тех пор, пока все присутствующие дети не оказывались разбитыми на пары. Причем, дети должны были помнить о своем выборе в течение всего последующего года. На следующий год при выборе «будущей невесты» могли, конечно, образоваться и новые пары, но, как правило, этого не происходило. Дело в том, что выбор пар в действительности происходил обычно по предварительному стовору родителей, при этом учитывались личные симпатии, имущественное положение и т. д. На детскую психику постоянство выбора себе пары нередко оказывало сильное воздействие, и когда они вырастали, нередко действительно вступали в законный брак [75:43—45].

Начало Рождественского (Филиппова) поста

28 ноября н. ст.

15 ноября ст. ст.

Рождественский (или Филиппов, поскольку он начинается после дня апостола Филиппа) пост продолжается вплоть до начала святок. Как и у русских, обрядовая жизнь у коми на этот период замирала. Молодежные посиделки проводились редко и без обычных для них развлечений.

Введение во храм Пресвятой Богородицы

4 декабря н. ст.

21 ноября ст. ст.

Праздник Введения является последним двенадцатым христианским праздником в рассматриваемом нами годовом календарном цикле. Установлен он в честь введения во храм трехлетней Девы Марии для посвящения Богу, которое было сделано ее родителями Иоакимом и Анной во исполнение данного ими обета.

В коми народном календаре ко дню Введения приурочены следующие приметы: «Если день теплый, то и конец зимы теплый» [38:44]. «Если на введеньев день ночь ясная, то будут в следующее лето грибы и ягоды» [62—111:231].

**День святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских,
чудотворца**

19 декабря н. ст.

6 декабря ст. ст.

В день Николы зимнего каких-либо обрядов у коми не совершалось — продолжался Филиппов пост. У ижемских коми было принято подгонять к этому дню олени стада с зимних пастбищ поближе к селению. Часть из них забивали, стреляя из ружей, для собственных нужд, а часть — жертвовали церкви, привязывая их к церковной ограде. Потом церковный староста продавал их желающим, а деньги шли в церковную казну [40:40—41].

По коми народным приметам на Николу зимнего приходились самые холода. Если с наступления Рождественского поста и до Николина дня солнце не выглядывало из-за облаков три раза, то следующее лето ожидалось неурожайным [62—111:231]. Если морозы от зимнего Николы не спадали потом до Рождества, то летом должна была быть хорошая погода вплоть до Петрова дня [51:268].

К этому дню заканчивалась осенне-зимняя охота, Николу зимнего промысловики обязательно встречали уже дома. Объективную причину этого обыкновения можно видеть в том, что в сильные морозы пушные звери становятся малоактивными, забиваются в норы, и охота на них затруднительна. Но можно предположить и менее рациональные, архаичные истоки появления этого правила: приближался зимний солнцеворот. Календарные рубежи, связанные с годовым солнечным циклом, по народным представлениям, считались потенциально опасными. Лучше всего в это время было находиться в пределах обжитого, оберегающего его обитателей пространства: своего селения, дома, семьи.

**День святого Спиридона, епископа Тримифунтского,
чудотворца**

25 декабря н. ст.

12 декабря ст. ст.

По русскому народному календарю этот день называется Спиридоном — солнцеворотом и связан с переходом солнцем своей зимней фазы, с поворотом его на лето после зимнего солнцестояния.

По коми народным приметам, если на Спиридонов

день было ясное солнце, то ожидался год, благоприятный для урожая и наоборот [7:65]. В то же время считалось, что если с этого дня до конца Святков солнце покажется три раза, то хлеб еще уродится [51:269]. Была у коми и несвязанная с церковным календарем примета, по которой определяли переход солнцем зимнего рубежа: «Коли зимой в избе показался иней на гвоздях двери, солнце поворотило на лето» [51:81].

День святого Модеста, архиепископа Иерусалимского

31 декабря н. ст.

18 декабря ст. ст.

День святого Модеста назывался по-коми «Медос» и отмечался прежде преимущественно в бассейне Вычегды. В с. Скородум в этот день устраивались молодежные посиделки, девушки собирались вместе с парнями. Девушки пряли, а молодые люди им всячески мешали, прятали прялки, подшучивали над ними, мазали сажей лица и т. п. Особенно доставалось от парней самым нарядным [16]. В с. Дон и д. Жежим в этот день служили в часовнях молебны. В жертву святому Модесту, точнее, священнику и церковному причту, приносили телячьи грудинки, ноги, головы, а иногда и целых телят [6:67]. В с. Пажга этот праздник отмечался еще в 30-х годах [84:86]. Застолье на «Медос», хотя и было постным, но обязательно со специально сваренным к этому дню пивом (суром).

Трудно сказать, почему малоизвестный христианский святой Модест обрел у вычегодских коми столь большое уважение, что его день праздновали, даже несмотря на строгий рождественский пост. У удорских коми «Медес» назывался пивной праздник, который приходился на Рождественский сочельник [2:19]. Можно предположить, что в данном случае у коми произошло совмещение какого-то древнего языческого праздника по случаю начала «светлой» половины года, праздновавшегося вскоре после солнцеворота, с днем Модеста по причине созвучия имени святого и названия праздника. По-коми «мёд» означает «второй», а «мёдар» — «другая сторона».

Навечерие Рождества Христова (Рождественский сочельник)

6 января н. ст.

24 декабря ст. ст.

Сочельник находится как бы на грани поста и праздника Рождества. В этот день, по церковным канонам, требуется особо строгое соблюдение поста. Рекомендуемой верующим ритуальной едой являются кутья (рисовая каша с медом и изюмом) и сочиво (зерна пшеницы, размоченные в воде). Наименование последнего блюда и определило само название Навечерия Рождества у русского крестьянства. У коми тоже было принято готовить в сочельник блюдо из ячменных вычищенных зерен [75:22] (т. е., собственно говоря, сочиво), хотя сам этот день называли в народе «куття лун» (день кутьи). Иногда «куття» называли и весь святочный период.

Хозяйственные работы в сочельник у коми не воспрещались, но в большинстве домов в этот день не столько работали по хозяйству, сколько были заняты подготовкой к празднованию Рождества. Молодежь и дети готовились славить Рождество Христово, вырезая из разноцветной бумаги звезды. Все были в предвкушении святочных празднеств, которые начинались со следующего дня. Мы же на этом свой рассказ о годовом календарном обрядовом цикле у коми завершаем, поскольку именно со Святков его и начали.

Годовой обрядовый цикл завершился — годовой обрядовый цикл начался вновь. «Колесо времени не останавливается».

ДЕРЕВЯННЫЕ СВЯТЦЫ

(Вместо послесловия)

Ориентироваться во времени по церковному календарю было достаточно просто лишь при наличии списка святых и праздников в календарном порядке, а также пасхалии (таблицы для ежегодного определения Пасхи). Содержащие эти сведения православные церковные книги (святцы) имелись, как правило, лишь у священнослужителей. Да и пользоваться ими большинство коми крестьян не смогло бы ввиду низкой грамотности. По данным переписи 1897 г., среди коми Вологодской губернии было обучено грамоте лишь 13 процентов, а в Архангельской губернии — 13,2 процента. Запомнить в хронологическом порядке, помимо двенадцати праздников (12 важнейших праздников), полный набор христианских святых, мучеников или архиереев, именами которых обозначены дни в месяцеслове (православном календаре), задача практически невыполнимая. Поэтому у дореволюционного коми крестьянства в быту широко использовались так называемые «деревянные святцы» (пу святсі). Они представляли собой шестигранный деревянный брусок, как бы составленный из двух соединенных большими основаниями пирамидок. В месте соединения на бруске имелся неглубокий желоб, делящий каждую грань на две равные части. На получившихся в результате этого деления 12 полуребрах бруска (по числу месяцев) были нанесены насечки. Общее число насечек соответствовало количеству дней в году. Специальными значками — пасами — на гранях были обозначены церковные праздники (обычно таких значков было 40—50, иногда больше). Прошедшие дни отмечали, залепливая зарубки воском или лиственничной смолой. Умели вести счет времени по такому календарю далеко не все коми крестьяне. Людей, умеющих им пользоваться, особенно уважали в сельской среде. В больших семьях это, как правило, был сам глава

семьи, в охотничьих артелях — ее вожак, «хозяин» артели.

Деревянные резные календари привлекли внимание исследователей народной культуры еще в середине XIX в. Первое сообщение о них появилось в 1852 г. в журнале «Москвитянин». П. Пеженский, автор заметки «Сельский деревянный календарь», описал деревянные святцы, увиденные им в крестьянской семье в деревне на р. Лене. В 1871 г. известный археограф, археолог, историк, краевед, этнограф и языковед уроженец г. Вологды П. И. Савваитов в трудах I-го археологического съезда в Москве впервые написал о коми «деревянных святцах». Автор отнес их происхождение к древним временам язычества, а значки (пасы) на гранях предположительно связал с древнепермской письменностью.

Ныне о деревянных и костяных резных святцах имеется достаточно обширная литература. Много таких календарей хранится в Государственном Историческом музее в Москве, около 10 экземпляров с территории Коми края имеется в фондах Республиканского краеведческого музея. Как сейчас выяснено, в прошлом столетии они были известны не только на севере Европейской России, но и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Пользовались ими различные народы — русские, коми, карелы, долгане, эвенки, якуты и др. Появление и распространение деревянных резных календарей, по всей видимости, было связано с христианством. Об этом говорит юлианский календарь, лежащий в основе деревянных святцев, а также большое сходство знаков для обозначения тех или иных церковных праздников на всей обширной и разноэтнической территории их распространения.

В то же время ряд условных значков (пиктограмм) на отдельных календарях несомненно появился в результате слияния народных хозяйственных календарей с календарем церковным (юлианским). Как правило, ими отмечались события, имеющие существенное значение для хозяйственной жизни. Например, на русских резных календарях встречаются условные рисунки саней, означающие закрепление санного пути, граблей — починка с/х орудий, сохи — начало пахоты и т. д. Такие свидетельства слияния народных календарных знаний с официальной календарной системой обнаружены на деревянных святцах и у других народов. При этом часто прослеживаются региональные отличия в хозяйственной деятельности различных народов. Скажем, на русских

деревянных резных календарях для обозначения церковного праздника Покрова Богородицы 1 окт. ст.) встречаются изображения молота и подковы, означающие перековку коней на зимние подковы. А у северного народа долган, преимущественно занимающегося оленеводством, этот праздник обычно обозначался пиктограммой «оленьи рога», символизирующей происходящий в это время гон у домашних оленей.

К сожалению, из-за недостатка фактического материала вопрос об аналогичных, истинно народных, пиктографических изображениях на деревянных Коми календарях еще не изучен. Возможно, что в дальнейшем, при обнаружении и выделении таких знаков (пасов), предположение П. И. Савvaitова о связи изображений на «пу святых» с древнепермской графикой найдет фактическое подтверждение.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт // ВГВ.— 1859.— № 35.
2. Белицер В. Н. Этнографические работы в Удорском районе Коми АССР в 1952 г. // КСИЭ.— 1953.— Т. XIX.
3. Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья.— Новосибирск, 1978.
4. Ветошкина Е. В. Производственные и семейно-бытовые заговоры у коми // Тр. ИЯЛИ КФАН.— № 26: Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре.— Сыктывкар, 1982.
5. Власов В. Г. Русский народный календарь // СЭ.— 1985.— № 4.
6. Вологдин П. (Засодимский П. В.). Лесное царство // В дебрях Севера: Русские писатели XVIII—XIX веков о земле Коми.— Сыктывкар, 1983.
7. Гагарин Ю. В., Дукарт Н. И. Научный отчет об этнографической экспедиции 1967 г. в Троицко-Печорский район Коми АССР.— Сыктывкар, 1968 // НА КНЦ.— ф. 1, оп. 13, д. 159.
8. Гагарин Ю. В., Жеребцов Л. Н. Быт и культура села.— Сыктывкар, 1968.
9. Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири.— Новосибирск, 1975.
10. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка.— М., 1981.— Т. II; М., 1982.— Т. III.
11. Данилевский Н. О времени и количестве теплоты, нужных для созревания ячменя в г. Усть-Сысольске // ВГВ.— 1851.— № 14.
12. Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера.— М., 1988.
13. Доронин П. Г. Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости, Усть-Вымского уезда // Коми му.— 1924.— № 1.
14. Дукарт Н. И. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX — начала XX в. // Тр. ИЯЛИ КФАН.— Вып. 16: Вопросы истории Коми АССР.— Сыктывкар, 1975.
15. Дукарт Н. И. Святочная обрядность коми конца XIX — начала XX вв. // Тр. ИЯЛИ КФАН.— Вып. 20: Традиционная культура и быт народа коми.— Сыктывкар, 1978.
16. Дукарт Н. И. Полевые записи // НА отд. этногр. ИЯЛИ КНЦ.
17. Дуркин А. Г. Как проводятся праздники в Усть-Кожве Ижмо-Печорского у.— 1926 г. // НА КРКМ.— Ф. 123.
18. Жаков К. Ф. Языческое мирозерцание зырян // Научное обозрение.— 1901.— № 3.
19. Жаков К. Ф. По Иньве и Косе (У пермяков). Этнографический очерк // Жаков К. Ф. Под шум северного ветра.— Сыктывкар, 1990.
20. Заварин Н. О суевериях и предрассудках, существующих в Вологодской епархии // Вологод. епарх. вед.— 1870.— № 1, 3, 4, 5.

21. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография.— М., 1991.
22. Идес Избрант, Бранд Адам. Записки о русском посольстве в Китае (1692—1695).— М., 1967.
23. Кайлин. Описание обычаев и нравов коми с. Деревянск // Вологод. обл. гос. арх.— Ф. 883, оп. 1, д. 182.
24. Кандинский В. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества (по современным верованиям) // Этнографическое Обозрение.— М., 1989.— Кн. III.
25. Каргалов В. В. Покров.— М., 1965.
26. Китиков А. Е. Марийские народные приметы.— Йошкар-Ола, 1977.
27. Кичин Е. В. Братчина (Зырянское обыкновение) // ВГВ.— 1852.— № 28.
28. Климишин И. А. Календарь и хронология.— 3-е изд.— М., 1990.
29. Кокшаров П. Вскрытие и замерзание р. Сысолы у Усть-Сысольска с 1816 по 1855 г. // ВГВ.— 1858.— № 1.
30. Кокшаров П. Из неизданных заметок о Зырянском крае // ВГВ.— 1859.— № 51.
31. Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесысольский диалект коми языка.— М., 1980.
32. Коми легенды и предания (Сост. Ю. Г. Рочев).— Сыктывкар, 1984.
33. Коми пословицы и поговорки (Сост. Ф. В. Плесовский).— Сыктывкар, 1973.
34. Короткова З. М. Богородичные праздники.— 2-е изд.— М., 1974.
35. Косарев М. Ильин день в селе Ношульском // Русский Дневник.— 1859.— № 65 (24 марта).
36. Кочнев. Зырянские поверья // ВГВ.— 1849.— № 6.
37. Круглов А. В. Близь тундры: Очерки глухого края // Семья и школа.— СПб., 1875.— № 11.
38. Кудряшова В. М. Коми народные приметы // Тр. ИЯЛИ КНЦ.— Вып. 45: Жанровое развитие коми фольклора и литературы на современном этапе.— Сыктывкар, 1988.
39. Лепехин И. И. Путешествие Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году.— СПб., 1780.
40. Максимов С. В. Год на Севере // Изб. произв. в 2-х Т.— М., 1987.— Т. 2.
41. Мельников С. I. Вечеринки и играша в Усть-Сысольске. 2. Коляда в Усть-Сысольске // Живая Старина.— 1898.— Вып. 3—4.
42. Микушев А. К. Судьбы фольклорной традиции ижемских коми в бассейне р. Усы // Изв. фил. Геогр. общ. СССР.— 1970.— Т. 2.— № 3.
43. Микушев А. К., Рочев Ю. Г., Муравьева Г. А. Материалы Вычегодско-Вымской фольклорной экспедиции 1964 года.— Т. I // НА КНЦ.— Ф. 1, оп. 11, д. 233.
44. Микушев А. К., Чисталев П. И. Ижемский фольклор: Материалы экспедиции 1960 года.— Ч. I // НА КНЦ.— Ф. 1, оп. 11, д. 203.
45. Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни.— Сыктывкар, 1966.— Вып. 1: Вычегда и Сысола.
46. Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни.— Сыктывкар, 1968.— Вып. 2: Ижма и Печора.
47. Микушев А. К., Чисталев П. И., Рочев Ю. Г. Коми народные песни.— Сыктывкар, 1971.— Вып. 3: Вымь и Удора.
48. Мифы народов мира: Энциклопедия.— М., 1988.— Т. 2.
49. Налимов В. П. Загробный мир по верованиям зырян // Этнографическое Обозрение.— 1907.— № 1—2.

50. Нюстрем Эрик. Библиейский энциклопедический словарь.— 5-е изд.— Стокгольм, 1989.
51. Образцы коми-зырянской речи (Сост. Т. И. Жилина, В. В. Сорвачева).— Сыктывкар, 1971.
52. Осипов И. А. Висер вожса сыланкывъяс да мойдкывъяс.— Сыктывкар, 1986.
53. Пинчук Л. Т. Ильин день.— М., 1977.
54. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми.— Сыктывкар, 1968.
55. Плесовский Ф. В. Народная дума у коми. 1970 г. // НА КНЦ.— Ф. 5, оп. 2, д. 30.
56. Плесовский Ф. В. Коми кывтэчасъяс.— Сыктывкар, 1986.
57. Попов А. От Усть-Сысольска к Вишерскому селению (Путевые заметки) // ВГВ.— 1848.— № 12.
58. Попов И. Очертание зырянской демонологии // ВГВ.— 1859.— № 4.
59. Попов К. Зыряне и Зырянский край // Изв. Имп. общ. любит. естествозн., антропол. и этногр.— М., 1874.— Т. XIII.— Вып. 2.
60. Рочев Ю. Г. Научный отчет о Тиманской экспедиции // Личный архив автора.
61. Рыбаков Б. А. Календарь IV века из земли полян // СА.— 1962.— № 4.
62. Саввантов П. И. Фонд Саввантова // Рукописный отд. СПб. Публ. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина.— Ф. XVII, л. 111, 247.
63. Сахаров И. П. Сказания русского народа.— М., 1989.
64. Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка.— Сыктывкар, 1976.
65. Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А. Печорский диалект коми языка.— Сыктывкар, 1976.
66. Сидоров А. С. Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян // Коми му.— 1924.— № 1.
67. Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми.— Л., 1928.
68. Сидоров А. С., Лыткин В. И. Древнекоми названия месяцев // Советское финно-угроведение.— Таллинн, 1966.— № 2.
69. Смирнов И. Н. Пермьяки: Историко-этнографический очерк // Изв. общ. археол., истор. и этногр. при Казанск. ун-те.— Казань, 1891.— Т. IX.— Вып. 2.
70. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов.— М., 1979.
71. Сорокин П. Старинный обряд у зырян // ВГВ.— 1848.— № 30.
72. Сорокин П. А. Пережитки анимизма у зырян // ИАОИРС.— 1910.— № 20, 22.
73. Сорокин П. А. Рыт пукалём // Архан. губ. вед.— 1910.— № 73.
74. Сорокин П. А. Современные зыряне // ИАОИРС.— 1911.— № 23.
75. Старцев Г. А. Зыряне // ЦГА Респ. Коми.— Ф. 710, оп. 1, д. 4.
76. Тарабукин И. И. Краткий коми-русский фразеологический словарь.— Сыктывкар, 1959.
77. Чернецов В. Н. Периодические обряды и церемонии у обских угров // Congressus secundus internationalis Fenno-Ugristarum.— Helsinki, 1968.— P. 11.
78. Чисталев П. И. Коми народные музыкальные инструменты.— Сыктывкар, 1984.
79. Шарапов В. Э. Храм, образ и праздник Параскевы Пятницы у удорских коми // Духовная культура: история и тенденции развития (Тез. докл.).— Сыктывкар, 1992.
80. Шергин И. А. На зырянской ярмарке // Северная Земля.— 1906.— № 138.

81. Шергин И. А. В делях Севера.— СПб., 1910.
82. Шляпин В. П. Удора (Из воспоминаний о путешествии в Удорский край в 1888 г.) // За работу.— Великий Устюг, 1921.— № 1—2.
83. Fuchs D. R. Beiträge zur Kenntnis des Volksglaubers der Syrjänen // Finnisch-ugrische Forschungen.— Helsingfors, 1924.— В. 16.— Н. 2—3.
84. Uotila T. E. Syrjänische Texte.— Helsinki, 1989.— В. 111.

1989
 1988
 1987
 1986
 1985
 1984
 1983
 1982
 1981
 1980
 1979
 1978
 1977
 1976
 1975
 1974
 1973
 1972
 1971
 1970
 1969
 1968
 1967
 1966
 1965
 1964
 1963
 1962
 1961
 1960
 1959
 1958
 1957
 1956
 1955
 1954
 1953
 1952
 1951
 1950
 1949
 1948
 1947
 1946
 1945
 1944
 1943
 1942
 1941
 1940
 1939
 1938
 1937
 1936
 1935
 1934
 1933
 1932
 1931
 1930
 1929
 1928
 1927
 1926
 1925
 1924
 1923
 1922
 1921
 1920
 1919
 1918
 1917
 1916
 1915
 1914
 1913
 1912
 1911
 1910
 1909
 1908
 1907
 1906
 1905
 1904
 1903
 1902
 1901
 1900
 1899
 1898
 1897
 1896
 1895
 1894
 1893
 1892
 1891
 1890
 1889
 1888
 1887
 1886
 1885
 1884
 1883
 1882
 1881
 1880
 1879
 1878
 1877
 1876
 1875
 1874
 1873
 1872
 1871
 1870
 1869
 1868
 1867
 1866
 1865
 1864
 1863
 1862
 1861
 1860
 1859
 1858
 1857
 1856
 1855
 1854
 1853
 1852
 1851
 1850
 1849
 1848
 1847
 1846
 1845
 1844
 1843
 1842
 1841
 1840
 1839
 1838
 1837
 1836
 1835
 1834
 1833
 1832
 1831
 1830
 1829
 1828
 1827
 1826
 1825
 1824
 1823
 1822
 1821
 1820
 1819
 1818
 1817
 1816
 1815
 1814
 1813
 1812
 1811
 1810
 1809
 1808
 1807
 1806
 1805
 1804
 1803
 1802
 1801
 1800
 1799
 1798
 1797
 1796
 1795
 1794
 1793
 1792
 1791
 1790
 1789
 1788
 1787
 1786
 1785
 1784
 1783
 1782
 1781
 1780
 1779
 1778
 1777
 1776
 1775
 1774
 1773
 1772
 1771
 1770
 1769
 1768
 1767
 1766
 1765
 1764
 1763
 1762
 1761
 1760
 1759
 1758
 1757
 1756
 1755
 1754
 1753
 1752
 1751
 1750
 1749
 1748
 1747
 1746
 1745
 1744
 1743
 1742
 1741
 1740
 1739
 1738
 1737
 1736
 1735
 1734
 1733
 1732
 1731
 1730
 1729
 1728
 1727
 1726
 1725
 1724
 1723
 1722
 1721
 1720
 1719
 1718
 1717
 1716
 1715
 1714
 1713
 1712
 1711
 1710
 1709
 1708
 1707
 1706
 1705
 1704
 1703
 1702
 1701
 1700
 1699
 1698
 1697
 1696
 1695
 1694
 1693
 1692
 1691
 1690
 1689
 1688
 1687
 1686
 1685
 1684
 1683
 1682
 1681
 1680
 1679
 1678
 1677
 1676
 1675
 1674
 1673
 1672
 1671
 1670
 1669
 1668
 1667
 1666
 1665
 1664
 1663
 1662
 1661
 1660
 1659
 1658
 1657
 1656
 1655
 1654
 1653
 1652
 1651
 1650
 1649
 1648
 1647
 1646
 1645
 1644
 1643
 1642
 1641
 1640
 1639
 1638
 1637
 1636
 1635
 1634
 1633
 1632
 1631
 1630
 1629
 1628
 1627
 1626
 1625
 1624
 1623
 1622
 1621
 1620
 1619
 1618
 1617
 1616
 1615
 1614
 1613
 1612
 1611
 1610
 1609
 1608
 1607
 1606
 1605
 1604
 1603
 1602
 1601
 1600
 1599
 1598
 1597
 1596
 1595
 1594
 1593
 1592
 1591
 1590
 1589
 1588
 1587
 1586
 1585
 1584
 1583
 1582
 1581
 1580
 1579
 1578
 1577
 1576
 1575
 1574
 1573
 1572
 1571
 1570
 1569
 1568
 1567
 1566
 1565
 1564
 1563
 1562
 1561
 1560
 1559
 1558
 1557
 1556
 1555
 1554
 1553
 1552
 1551
 1550
 1549
 1548
 1547
 1546
 1545
 1544
 1543
 1542
 1541
 1540
 1539
 1538
 1537
 1536
 1535
 1534
 1533
 1532
 1531
 1530
 1529
 1528
 1527
 1526
 1525
 1524
 1523
 1522
 1521
 1520
 1519
 1518
 1517
 1516
 1515
 1514
 1513
 1512
 1511
 1510
 1509
 1508
 1507
 1506
 1505
 1504
 1503
 1502
 1501
 1500
 1499
 1498
 1497
 1496
 1495
 1494
 1493
 1492
 1491
 1490
 1489
 1488
 1487
 1486
 1485
 1484
 1483
 1482
 1481
 1480
 1479
 1478
 1477
 1476
 1475
 1474
 1473
 1472
 1471
 1470
 1469
 1468
 1467
 1466
 1465
 1464
 1463
 1462
 1461
 1460
 1459
 1458
 1457
 1456
 1455
 1454
 1453
 1452
 1451
 1450
 1449
 1448
 1447
 1446
 1445
 1444
 1443
 1442
 1441
 1440
 1439
 1438
 1437
 1436
 1435
 1434
 1433
 1432
 1431
 1430
 1429
 1428
 1427
 1426
 1425
 1424
 1423
 1422
 1421
 1420
 1419
 1418
 1417
 1416
 1415
 1414
 1413
 1412
 1411
 1410
 1409
 1408
 1407
 1406
 1405
 1404
 1403
 1402
 1401
 1400
 1399
 1398
 1397
 1396
 1395
 1394
 1393
 1392
 1391
 1390
 1389
 1388
 1387
 1386
 1385
 1384
 1383
 1382
 1381
 1380
 1379
 1378
 1377
 1376
 1375
 1374
 1373
 1372
 1371
 1370
 1369
 1368
 1367
 1366
 1365
 1364
 1363
 1362
 1361
 1360
 1359
 1358
 1357
 1356
 1355
 1354
 1353
 1352
 1351
 1350
 1349
 1348
 1347
 1346
 1345
 1344
 1343
 1342
 1341
 1340
 1339
 1338
 1337
 1336
 1335
 1334
 1333
 1332
 1331
 1330
 1329
 1328
 1327
 1326
 1325
 1324
 1323
 1322
 1321
 1320
 1319
 1318
 1317
 1316
 1315
 1314
 1313
 1312
 1311
 1310
 1309
 1308
 1307
 1306
 1305
 1304
 1303
 1302
 1301
 1300
 1299
 1298
 1297
 1296
 1295
 1294
 1293
 1292
 1291
 1290
 1289
 1288
 1287
 1286
 1285
 1284
 1283
 1282
 1281
 1280
 1279
 1278
 1277
 1276
 1275
 1274
 1273
 1272
 1271
 1270
 1269
 1268
 1267
 1266
 1265
 1264
 1263
 1262
 1261
 1260
 1259
 1258
 1257
 1256
 1255
 1254
 1253
 1252
 1251
 1250
 1249
 1248
 1247
 1246
 1245
 1244
 1243
 1242
 1241
 1240
 1239
 1238
 1237
 1236
 1235
 1234
 1233
 1232
 1231
 1230
 1229
 1228
 1227
 1226
 1225
 1224
 1223
 1222
 1221
 1220
 1219
 1218
 1217
 1216
 1215
 1214
 1213
 1212
 1211
 1210
 1209
 1208
 1207
 1206
 1205
 1204
 1203
 1202
 1201
 1200
 1199
 1198
 1197
 1196
 1195
 1194
 1193
 1192
 1191
 1190
 1189
 1188
 1187
 1186
 1185
 1184
 1183
 1182
 1181
 1180
 1179
 1178
 1177
 1176
 1175
 1174
 1173
 1172
 1171
 1170
 1169
 1168
 1167
 1166
 1165
 1164
 1163
 1162
 1161
 1160
 1159
 1158
 1157
 1156
 1155
 1154
 1153
 1152
 1151
 1150
 1149
 1148
 1147
 1146
 1145
 1144
 1143
 1142
 1141
 1140
 1139
 1138
 1137
 1136
 1135
 1134
 1133
 1132
 1131
 1130
 1129
 1128
 1127
 1126
 1125
 1124
 1123
 1122
 1121
 1120
 1119
 1118
 1117
 1116
 1115
 1114
 1113
 1112
 1111
 1110
 1109
 1108
 1107
 1106
 1105
 1104
 1103
 1102
 1101
 1100
 1099
 1098
 1097
 1096
 1095
 1094
 1093
 1092
 1091
 1090
 1089
 1088
 1087
 1086
 1085
 1084
 1083
 1082
 1081
 1080
 1079
 1078
 1077
 1076
 1075
 1074
 1073
 1072
 1071
 1070
 1069
 1068
 1067
 1066
 1065
 1064
 1063
 1062
 1061
 1060
 1059
 1058
 1057
 1056
 1055
 1054
 1053
 1052
 1051
 1050
 1049
 1048
 1047
 1046
 1045
 1044
 1043
 1042
 1041
 1040
 1039
 1038
 1037
 1036
 1035
 1034
 1033
 1032
 1031
 1030
 1029
 1028
 1027
 1026
 1025
 1024
 1023
 1022
 1021
 1020
 1019
 1018
 1017
 1016
 1015
 1014
 1013
 1012
 1011
 1010
 1009
 1008
 1007
 1006
 1005
 1004
 1003
 1002
 1001
 1000
 999
 998
 997
 996
 995
 994
 993
 992
 991
 990
 989
 988
 987
 986
 985
 984
 983
 982
 981
 980
 979
 978
 977
 976
 975
 974
 973
 972
 971
 970
 969
 968
 967
 966
 965
 964
 963
 962
 961
 960
 959
 958
 957
 956
 955
 954
 953
 952
 951
 950
 949
 948
 947
 946
 945
 944
 943
 942
 941
 940
 939
 938
 937
 936
 935
 934
 933
 932
 931
 930
 929
 928
 927
 926
 925
 924
 923
 922
 921
 920
 919
 918
 917
 916
 915
 914
 913
 912
 911
 910
 909
 908
 907
 906
 905
 904
 903
 902
 901
 900
 899
 898
 897
 896
 895
 894
 893
 892
 891
 890
 889
 888
 887
 886
 885
 884
 883
 882
 881
 880
 879
 878
 877
 876
 875
 874
 873
 872
 871
 870
 869
 868
 867
 866
 865
 864
 863
 862
 861
 860
 859
 858
 857
 856
 855
 854
 853
 852
 851
 850
 849
 848
 847
 846
 845
 844
 843
 842
 841
 840
 839
 838
 837
 836
 835
 834
 833
 832
 831
 830
 829
 828
 827
 826
 825
 824
 823
 822
 821
 820
 819
 818
 817
 816
 815
 814
 813
 812
 811
 810
 809
 808
 807
 806
 805
 804
 803
 802
 801
 800
 799
 798
 797
 796
 795
 794
 793
 792
 791
 790
 789
 788
 787
 786
 785
 784
 783
 782
 781
 780
 779
 778
 777
 776
 775
 774
 773
 772
 771
 770
 769
 768
 767
 766
 765
 764
 763
 762
 761
 760
 759
 758
 757
 756
 755
 754
 753
 752
 751
 750
 749
 748
 747
 746
 745
 744
 743
 742
 741
 740
 739
 738
 737
 736
 735
 734
 733
 732
 731
 730
 729
 728
 727
 726
 725
 724
 723
 722
 721
 720
 719
 718
 717
 716
 715
 714
 713
 712
 711
 710
 709
 708
 707
 706
 705
 704
 703
 702
 701
 700
 699
 698
 697
 696
 695
 694
 693
 692
 691
 690
 689
 688
 687
 686
 685
 684
 683
 682
 681
 680
 679
 678
 677
 676
 675
 674
 673
 672
 671
 670
 669
 668
 667
 666
 665
 664
 663
 662
 661
 660
 659
 658
 657
 656
 655
 654
 653
 652
 651
 650
 649
 648
 647
 646
 645
 644
 643
 642
 641
 640
 639
 638
 637
 636
 635
 634
 633
 632
 631
 630
 629
 628
 627
 626
 625
 624
 623
 622
 621
 620
 619
 618
 617
 616
 615
 614
 613
 612
 611
 610
 609
 608
 607
 606
 605
 604
 603
 602
 601

Список сокращений

ВГВ	— Вологодские губернские ведомости
ИАОИРС	— Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера
ИЯЛИ	— Институт языка, литературы и истории
КНЦ	— Коми научный центр Уральского отделения Российской Академии наук
КРКМ	— Коми республиканский краеведческий музей
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КФАН	— Коми филиал АН СССР
НА	— Научный архив
СА	— Советская археология
СЭ	— Советская этнография

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	3
---------------------------	---

Зима на дворе

Святки	7
Афанасьев день	38
Сретение. Власьев день. Касьянов день	39
Евдокиев день. День сорока великомучеников	40

Пришла весна

Алексеев день. Благовещение	41
День преподобного Зосима	42
Егорьев день	43
Николин день	45
Масленица	48
Великий пост. Вербное воскресенье. Страстная неделя	53
Пасха	57
Прилет птиц. Ледоход	60

Лето красное

Вознесение	63
Семик. Троица	64
Петров пост	67
Дорофеев день	69
Петр — солнцеворот. Елисеев день. Иванов день	70
Петров день	77
Прокопьев день	82

Осень — краса земли

День Кирика и Улиты. Ильин день	85
Первый Спас	95
Второй Спас. Преображение	96

Успение	97
Третий Спас. Сретение Владимирской иконы Богородицы	98
Иван постный. Семенов день	99
Рождество Богородицы	100
Воздвижение	102

И снова зима

Евстафьев день. Покров	103
Дмитриевская суббота. День Кузьмы и Демьяна	109
Михайлов день	112
Начало Филиппова поста. Введение	114
Никола зимний. Спиридон-солнцеворот	115
Модестов день	117
Сочельник	117
Деревянные святцы (Вместо послесловия)	118
<i>Литература и источники</i>	121

Научно-популярное издание

Конаков Николай Дмитриевич

ОТ СВЯТОК ДО СОЧЕЛЬНИКА

Коми традиционные календарные обряды

Редактор П. М. Столповский
Художественный редактор В. Б. Осипов
Технический редактор А. Н. Вишнева

Сдано в набор 24.08.93. Подписано к печати 19.10.93. Формат 34×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л.
6,72. Усл. кр.-отг. 6,83. Уч.-изд. л. 7,1. Заказ № 3665. Тираж 2600.
Коми книжное издательство, ЛР № 010039, 167610, г. Сыктывкар
ул. Карла Маркса, 229.

АО «Коми республиканская типография», 167610, г. Сыктывкар, ул. Пер-
вомайская, 70.